

Что я 1913
на самом деле
хотел сказать

**Was ich 1913
unbedingt noch
erzählen wollte**

**Florian
Illies**

УДК [821.112.2-94:7] «1913» Иллиес Ф.
ББК 84(2=432.4)5-49+85.03(0) «1913»
И44

Данное издание осуществлено в рамках совместной
издательской программы Музея современного искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

GARAGE AdMarginem

The translation of this work was supported by the Goethe-Institute,
which is funded by the German Ministry of Foreign Affairs

Перевод — Виталий Серов

Дизайн — ABCdesign

И44 Иллиес, Флориан
1913. Что я на самом деле хотел сказать / Флориан Иллиес. —
М. : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. — 192 с.

ISBN 978-5-91103-529-7

Вам бы хотелось, чтобы книга Флориана Иллиеса «1913. Лето целого века» не заканчивалась? Автор чувствовал то же самое. В течение многих лет он искал и собирал новые захватывающие истории из этого невероятного года. Результат вы держите в руках. В продолжении международного бестселлера «тизер XX века», как сформулировала в свое время пресса, разворачивается в масштабную диораму: старые герои высвечиваются с новой стороны, к ним присоединяются Фернандо Пессоа, Максим Горький, Джек Лондон и многие другие события, явления и люди, создавшие современность. Ждите новых историй, полных любви и остроумия, настолько невероятных, что они могут быть только правдой. И попробуйте вместе с автором выяснить, где же заканчивается лето целого века.

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2018

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2020

6		142	
	Зима		Осень
8	Январь	144	Октябрь
28	Февраль	156	Ноябрь
42	Март	170	Декабрь
48		190	
	Весна		Избранная
50	Апрель		библиография
72	Май		
80	Июнь	191	
			Источники
92			иллюстраций
	Лето		
94	Июль		
110	Август		
126	Сентябрь		

Зима 1913 года

Максим Горький на Капри обгорает на солнце. Пантера Петер охотится на тигра Теобальда. Герман Гессе горюет без зубного врача, а Пуччини не желает участвовать в дуэли. На небе появляется новая комета, а Распутин сводит с ума русских женщин. Марсель Пруст никак не может найти издателя для своей книги «В поисках утраченного времени». Доктор медицинских наук Артур Шницлер занимается своим самым сложным пациентом — современностью. Огнеглотатель из Панкова (Берлин) становится королем Албании. Всего на пять дней. Но всё-таки королем.

Генрих Кюн. Четверо детей Кюна, 1912/13 (Австрийская национальная библиотека, Венский фотоархив)

Этой новогодней ночью, между 31 декабря 1912 года и 1 января 1913-го, началась наша эпоха. Погода была не по-зимнему теплой. Это мы знаем. Но пока только это и ничего больше. Добро пожаловать.

Тот вечер 31 декабря в Кёльне затянулся, а на улице моросит дождь. Рудольф Штайнер вошел в раж, он выступает в Кёльне уже четыре вечера подряд, восхищенные слушатели ловят каждое его слово, вот он берется за чашку с жасминовым чаем и делает глоток, и в этот момент колокол бьет двенадцать раз, и с улицы доносятся ликующие крики; Рудольф Штайнер продолжает свое выступление и объявляет, что только йога способна утихомирить взбудораженную Германию. «С помощью йоги душа освобождается от внешней оболочки, она преодолевает эту оболочку». В общем, идите и облачитесь в молчание. С Новым годом.

Пикассо и его собака смотрят друг на друга: Эрика, странная помесь бретонского спаниеля и немецкой овчарки, не любит, когда он собирает чемодан, она визжит и напрашивается в спутники. Неважно куда. Поэтому Пикассо хватает ее за поводок, зовет Еву, свою новую возлюбленную, и они втроем отправляются в Париж, чтобы пересечь там на поезд до Барселоны. Пикассо хочет представить новую любовь своему старому отцу (не пройдет и года, как и отца, и собаки, и Евы уже не будет в живых, но сейчас не об этом).

Герман Гессе и его жена Миа хотят попытаться еще раз. Они сдали теще писателя своих детей Бруно, Хайнера и Мартина и уехали в Гриндельвальд, место в горах, недалеко от их нового дома под Берном, в маленькую гостиницу «Zug Post», которая в это время года уже в три часа пополудни скрывается в тени могучего северного склона горы Эйгер. Тут, в тени, Гессе с женой надеются найти свет своей любви. Они потеряли ее, как другие теряют трость или шляпу. Но моросит дождь. Не пылит дорога, не дрожат листья, подождите немного, — говорит хозяин гостиницы, — скоро дождь станет снегом.

Станислав Виткаций фотографирует удивительно красивую Ядвигу Янчевскую.
Но она уже обзавелась револьвером

Они берут напрокат лыжи. Но по-прежнему моросит дождь. Новогодний вечер в гостинице получается долгим, мучительным и молчаливым, только вино оказалось хорошим, и на том спасибо. И вот, наконец, двенадцать часов. Они устало чокаются. Уходят в свой номер. Когда наутро они раздвигают тяжелые гардины и выглядывают наружу, за окном по-прежнему идет дождь. И после завтрака Герман Гессе сдает обратно так и не пригодившиеся лыжи.

В это же время Рильке пишет из Ронды поистине трогательные слова всё еще бодрому Родену.

Гуго фон Гофмансталь 31 декабря в скверном настроении гуляет по улицам Вены. Последние шаги по старому году. Иней укутал ветви деревьев вдоль аллеи, и на швах между кирпичами стен тоже виднеются белые кристаллы. Темный холод медленно опускается на город. Вернувшись в свою квартиру, он протирает запотевшие очки платком с изящной витиеватой монограммой. Проводит всё еще холодной рукой по комоду, на который обычно кладет ключ. Наследство. Затем трогает великолепное зеркало, висевшее когда-то в доме предков. Садится за роскошный письменный стол ручной работы и пишет: «Иногда мне кажется, что нам, поздним детям, отцы и деды оставили в наследство только две вещи: красивую мебель и оголенные нервы. Нам не досталось ничего, кроме зябкой жизни и пустой, унылой действительности. Мы смотрим на нашу жизнь со стороны; мы торопимся опустошить бокал, но всё равно мучаемся жаждой». Потом он зовет слугу. Просит принести первую рюмку коньяку. Впрочем, он давно понял, что и это не спасает от меланхолии, которая лежит на его усталых веках. От нее никуда не деться: Гофмансталь видит гибель там, где другие лишь предчувствуют ее, он знает конец, который для других пока только игра. И вот он пишет своему другу Эберхарду фон Боденхаузену, благодарит за привет из «огромной, беспокойной, хмурой и замученной Германии», а потом признается: «Я так странно себя ощущаю все эти дни, в этой растерянной, немного

испуганной Австрии, в этой падчерице истории, так странно, одиноко, хлопотно». Иными словами, никто его тут не слушает.

Гофмансталь стал легендой еще в юности, Европа млела от его стихов; Штефан Георге, Георг Брандес, Рудольф Борхардт, Артур Шницлер — всех очаровал этот гений. Но Гуго фон Гофмансталю было нелегко нести ношу ранней зрелости, он почти перестал публиковаться, а теперь, в 1913 году, его почти забыли, он оказался реликтом старых времен, «прежнего мира», он пропал вместе с тем обществом, в котором был вундеркиндом. Он оказался последним писателем старой Австрии, той Вены, где в январе 1913 года пошел уже немислимый шестьдесят пятый год правления императора Франца Иосифа I. Он был коронован еще в 1848 году и носит корону до сих пор, будто в этом нет абсолютно ничего особенного. Но именно при этом увядающем правителе, пришедшем из глубин XIX века, власть в Вене захватил модернизм. Вождями революции были Роберт Музиль, Людвиг Витгенштейн, Зигмунд Фрейд, Стефан Цвейг, Арнольд Шёнберг, Альбан Берг, Эгон Шиле, Оскар Кокошка и Георг Тракль. Те люди, что перевернули мир своими словами, звуками и картинами.

Вот массажистка, наконец, ушла, и Гедвиг Прингсгейм, великосветская теща Томаса Манна, отправляется со своей виллы на Аркиштрассе, 12 в Мюнхене на новогодний ужин «У Томми» (это не ресторан в Нью-Йорке, это она так патриархально называет семью своей дочери Кати, в замужестве Манн, которая живет на Мауэркирхерштрассе, 13). Но когда она садится на диван в квартире Маннов, ее спину снова пронзает боль — проклятый ишиас. Доброму Томми нужно на следующий день ехать в Берлин (о чем он потом горько пожалует), и этот старый зануда в одиннадцать часов резко завершает новогодний вечер: «Вы же знаете, мне завтра рано вставать». Но и до этого момента ужин был, по словам тещи, «не особенно душевным». На обратном пути, в громяющем трамвае она слышит, как часы на Одеонсплац бьют двенадцать раз. Спина болит, а муж, профессор математики Альфред Прингсгейм, сидит рядом с ней и пишет какие-то

расчеты со сложными простыми числами. Как неромантично. А на соседней улице этой ночью сидит Карл Валентин и пишет Лизль Карлштадт: «Пусть нас никогда не оставят здоровье и наш чудесный юмор, будь молодцом, моя милая Лизочка». Как романтично.

Да, точно, это та самая ночь, когда Луи Армстронг в далеком Новом Орлеане начал играть на трубе. А в Праге Кафка сидит у открытого окна и пишет Фелиции Бауэр, Иммануэлькирхштрассе, 4, Берлин — пишет сентиментально, красиво и странно.

Великий венгерский романист, фрейдист, морфинист и эротоман Геза Чат сидит этой ночью в своем маленьком врачебном кабинете, в санатории крошечного курорта Штубня, на самой дальней окраине огромной габсбургской империи. Он решает еще немного почитать воспоминания Казановы, потом закуривает сигару «Луксор», впрыскивает себе еще 0,002 грамма морфия и подводит успешные итоги года: «коитус 360–380 раз». Казалось бы, куда уж конкретнее? Но вот, пожалуйста: Чат ведет подробный учет отношений со своей возлюбленной Ольгой Йонаш, который в своей точности уступает, пожалуй, только подобной ведомости Роберта Музиля: «424 коитуса за 345 дней, то есть 1,268 коитуса в день». И раз уж Геза взялся подсчитывать: «Потребление морфия: 170 сантиграммов, то есть 0,056 грамма в день». «Годовой баланс» продолжается: «Доход 7390 крон. Имел 10 женщин, из них 2 девственницы. Вышла моя книга о психических заболеваниях». А что ждет его в 1913 году? План ясен: «Коитус раз в два дня. Сделать зубы. Новый пиджак». Ну что ж, вперед.

В 1913 году все новое. Везде начинают выходить журналы, объявляющие о начале новой эпохи. Максимилиан Гарден еще с 1892 года говорил о будущем в своем журнале «Die Zukunft», но вот уже следующее поколение захватило современность. Готфрид Бенн, молодой врач из больницы берлинского района Вестэнд, предлагает свои новые стихи и журналу Пауля Цеха «Новый пафос», и «Новому искусству»

Генриха Бахмайра. Он пока упускает из виду появившееся в том же 1913 году издание «Начало». Зато в «Начале», в первом номере, на первой странице, выходит текст молодого Вальтера Беньямина. Какой символический старт, и какой символический финал «Берлинского детства на рубеже веков».

Марсель Пруст наконец закончил первую часть «В поисках утраченного времени». Всё готово. В итоге это семьсот двенадцать страниц мелким почерком. Он отправляет толстую папку с рукописью в парижское издательство «Fasquelle», потом в издательство «Ollendorff», потом в «Gallimard». Все отказываются. В «Gallimard» отказал лично главный редактор, писатель Андре Жид, гордящийся тем, что недавно в Марокко с помощью Оскара Уайльда приобщился к радостям однополной любви. Он прервал чтение рукописи Пруста примерно на семидесятой странице, обнаружив в описании прически синтаксическую неточность, которая его взбесила. Андре Жид так же легко возбудим, как и Марсель Пруст. И вообще у Жида сложилось впечатление, что этот автор — какой-то подозрительный. Позднее, сам уже почти лишившись волос, Андре Жид назовет конфуз с неправильной прической самой большой ошибкой в своей жизни. Но пока что Марсель Пруст в отчаянии. «Теперь книге нужна, — пишет он, — такая могила, которая будет вырыта раньше, чем я лягу в свою».

Утром 1 января, а если точнее, то в 8:30, император Вильгельм II и его супруга Августа Виктория садятся у Нового дворца в Потсдаме в автомобиль, чтобы отправиться в официальную резиденцию монарха, в Берлинский городской дворец. Они добираются до места без особых происшествий. Доброе предзнаменование?

Во второй половине дня 1 января в Калифорнии произошло землетрясение. Эпицентр находился в той самой долине, которая станет потом Кремниевой и будет править миром. Несмотря на землетрясение, 1 января в Америке была отправлена первая почтовая посылка.

Спустя несколько дней Франц Кафка, запутавшийся и растерянный, прекращает работу над своим романом «Америка».

Второго января председатель венгерского парламента граф Иштван Тиса и лидер оппозиции Михай Каройи, граф Надькаройи, продемонстрировали своим наивным буржуазным коллегам, как разумнее всего решать политические вопросы: на дуэли. В утренних сумерках 2 января они дерутся на саблях. Оба получают легкие ранения. И уже на следующий день продолжают парламентскую работу. Графу Каройи вскоре приходится срочно жениться, потому что из-за проигрышей в карты у него накопились немислимые долги — 12 миллионов крон. А граф Тиса 10 июня вернется на пост главы венгерского правительства. Но это не помешает ему 20 августа снова драться на дуэли, на этот раз с депутатом от оппозиции Дьёрдем Паллавичини, который обвинил Тису в давлении на свидетелей в процессе обоскорбления чести.

На этот раз дуэлянты тоже ранили друг друга. Когда после бесчисленных перипетий мировой войны в октябре 1918 года Тису застрелили повстанцы, он успел сказать слова, которые могут претендовать на звание золотых: «Это было неизбежно».

Неизбежно? Нет. Второго января Джакомо Пуччини в своем тосканском поместье получает вызов на дуэль. Мюнхенский барон Арнольд фон Штенгель не желает более терпеть роман Пуччини с его женой Йозефиной. Но Пуччини любит стрелять по уткам и кабанам, а не по людям. Он просит передать барону, что на дуэль у него сейчас, к сожалению, нет времени.

На следующий день Артур Шницлер отправляет из Вены в Копенгаген, кинокомпания «Нордиск», адаптацию своей пьесы «Игра в любовь» для экрана. В ней влюбленному лейтенанту Фрицу приходится участвовать в дуэли из-за давнишнего романа с замужней женщиной. Муж-рогоносец больше не любит свою жену, но на кону его честь.

Фриц погибает. Честь спасена. Но в ней нет никакого смысла. Такой диагноз ставит доктор Артур Шницлер своему самому трудному пациенту — современности.

Третьего января заканчивается эра немого кино. Этим вечером Томас Эдисон устраивает первую демонстрацию «кинетофона» в своей мастерской в Вест-Оранже (Нью-Джерси). Впервые можно передавать одновременно изображение и звук. Процесс пошел.

Четвертого января умирает Альфред фон Шлиффен, глава генерального штаба немецкой армии. На протяжении всей своей жизни он планировал войны. Был крупнейшим стратегом своего времени. Разработал тот самый «План оперативного развертывания I», превентивный удар по заклятому врагу, знаменитый «план Шлиффена», с помощью которого немецкая армия разгромила Францию. Но вот он умер. Всё будет хорошо?

Эрнст Цермело в январе 1913 года на съезде международного математического общества впервые формулирует теорию игр — с примером из шахмат. «В конечных играх с нулевой суммой¹ для двух игроков (например, в шахматах) либо существует доминантная стратегия для одного из игроков, который может выиграть независимо от стратегии второго, либо такой стратегии нет». Потрясающая фраза. Хорошо, что Шлиффен, великий стратег доминирования, только что умер. И что это такое — игра с нулевой суммой для двух игроков, кроме шахмат? Дуэль? А любовь?

Молодой венгерской танцовщице Ромоле де Пульски двадцать три года, у нее очень светлые волосы, она очень красива, у нее светлая кожа и голубые глаза оттенка северского фарфора. Этой зимой

1 Игры с нулевой суммой называют игру, в которой выигрыш одного игрока равен проигрышу другого. Например, если вы выиграли сумму N, то кто-то эту же сумму N проиграл. — *Здесь и далее приводятся примечания переводчика.*

в Будапеште она увлеклась «Русским балетом» Дягилева, особенно великим двадцатичетырехлетним Нижинским в его эпохальной роли в «Послеполуденном отдыхе фавна». Когда труппа знаменитого импресарио Дягилева отправилась из Будапешта в Вену, она просто поехала с ними. Ромола сразу поняла, что ее очень интересует русский балет вообще и Нижинский в особенности. В Вене она под каким-то предлогом добилась встречи с Дягилевым, в пустом зале гостиницы «Бристоль». Она делала вид, что хочет устроиться в балет. Но на самом деле она хотела получить роль партнерши Нижинского. Дягилев сразу почуял неладное, он оберегал своего экзотического любовника, хотя и чувствовал себя в безопасности из-за его гомосексуальности; он полагал, что они с Нижинским — настоящая игра с нулевой суммой для двух игроков. Несмотря на подозрения Дягилева, Ромоле де Пульски быстро удалось стать официальным членом труппы — она задействовала все свои связи. Одним из этапов турне был Лондон. Вечерами танцоры выступают в «Ковент Гарден» с «Петрушкой» и «Послеполуденным отдыхом фавна», а по утрам готовят настоящую революцию. Они репетируют архаичный, доисторический сюжет Стравинского — «Весну священную», для которой Нижинский пытается создать хореографию под звуки холодного дождя в январском Лондоне. И каждый день терпит неудачу. Непонятно, где у Стравинского заканчивается одна фаза и начинается следующая — настолько изломанная и переплетенная музыка. Нижинский уже готов капитулировать перед гениальностью Стравинского. Раз за разом он прерывает репетиции и впадает в истерику. Ромола де Пульски заботливо накидывает ему на плечи теплый плед, чтобы он не простудился.

Эгон Шиле не может отвести от нее глаз. Он снова и снова пишет Валли, полностью обнаженную или хотя бы с открытыми гениталиями. Но ее глаза неизменно остаются безучастными, такими бесстыдно современными. Вечером 8 января Эгон Шиле опять сидит в своей мастерской на Хитцингер Хауптштрассе, 101, в Вене, там

у него всегда сидели две или три натурщицы, которые старались забыть о своих проблемах, потягивались, поправляли одежду, Шиле не уделял им особого внимания, а сам сидел у мольберта, как затаившийся тигр, готовый к прыжку всегда, когда чуял интересный мотив. И вдруг он кричал «стоп!» в большой и натопленной комнате, и натурщица должна была застыть, а он рисовал ее быстрыми штрихами. Когда было нужно, он макал кисть в акварельные краски, добавлял немного красного, немного синего. У Валли он любил писать подвязку чулок, губы, пах — тем же безумным светящимся оттенком оранжевого, которым он иногда писал ее волосы. Этот резкий, светлый красноватый оттенок напоминает кровь. В этот день, 8 января 1913 года, Шиле снова не сводит глаз с Валли Нойциль, он так увлечен ею, что заставляет ее (или она сама себя заставляет) написать собственную декларацию о независимости. И вот она, полуобнаженная, склоняется над Эгоном Шиле и записывает в его священном этюднике такую фразу: «Настоящим подтверждаю, что я не влюблена ни в кого на свете. Валли». И он, испытывающий тяжкое облегчение, не понимает, рисовать ее теперь или любить.

В городе Уинстон-Сейлем, Северная Каролина, создана торговая марка «Кэмел». Это первая марка сигарет, которые выпускаются в пачках по двадцать штук. То есть в 1913 году для табачной промышленности начался XX век. А вот на логотипе сигарет «Кэмел» с 1913 года фигурирует, к сожалению, вовсе не верблюд, как можно было бы подумать, а дромадер, конкретно — Старый Джо из цирка Барнума и Бэйли. Барнум и Бэйли в январе 1913 года гастролировали в Уинстоне, а Ричард Джошуа Рейнольдс, вместо того чтобы придумывать логотип, пошел с детьми в цирк. А вечером на его холсте дромадер превратился в «Верблюда». Секретный вклад детей в мировую историю дизайна, часть первая.

А кто же те две девочки, что изображены на седьмой странице этой книги? Которые с таким любопытством, так смело смотрят на мир,

но при этом как будто предчувствуют то, что их ждет? «И расцвести перед гибелью», пишет Готфрид Бенн как раз в те дни, когда была снята эта фотография. На ней Лотта и Эдельтруда, дочери фотографа Генриха Кюна, который запечатлел их в 1913 году в цвете на «автохроме» собственного изобретения. «Запечатлел», какое хорошее старомодное слово. В случае Кюна оно хорошо подходит, он много экспериментировал — с камерой, с отпечатками, и одним из первых получил цветные световые отпечатки. Это были фотографии мягкие, но не слащавые, как он сам говорил. Как кадры из «Бабьего лета» Адальберта Штифтера. Он раз за разом ставил своих детей перед камерой в красной, синей и бирюзовой одежде, как маленький актерский ансамбль.

И это была революция, которую совершил фотомастер (еще одно прекрасное старомодное слово!) Кюн на склонах, окружавших его дом под Инсбруком, на Рихард-Вагнер-штрассе, 6, потому что он впервые совместил фотографический взгляд на мир с естественным человеческим восприятием этого мира. Ведь никто не видит мир черно-белым — но в 1913 году все были вынуждены мириться с черно-белой фотографией, с портретами, фотографиями в газетах, репродукциями картин, кинофильмами. Лотта, родившаяся в 1904 году, и Эдельтруда, родившаяся в 1897-м, не знали, что были знаменосцами этой маленькой революции в ментальной истории человечества (секретный вклад детей в мировую историю фотографии, часть первая). Они были просто детьми. Они просто гуляли под гигантским каштаном в саду, карабкались по лугам на склонах, смотрели через забор вниз, на широкую долину. Они играли с няней Мэри Варнер, которая появилась у них после смерти мамы, и в какой-то момент заметили, что отец начал фотографировать няню так же часто, как их самих. И они почувствовали, что это любовь. Это хороший жизненный опыт. Кстати, в книге «1913. Лето целого века» упоминается та самая Мэри Варнер, которая бежит с той же самой Эдельтрудой по цветущим лугам Тироля, в то время как над ними сгущаются тучи будущего. «Стоял прекрасный августовский день 1913 года», когда

был сделан тот снимок. Именно этой фразой начинается эпохальный роман Роберта Музиля «Человек без свойств». Это тот литературный 1913 год, в котором заканчивается «Волшебная гора» Томаса Манна, и это реальный 1913 год, когда он начал писать ее. Получается, что разноцветная «волшебная гора» искусства фотографии, со склонами из тоски и меланхолии, находилась тоже в Альпах, недалеко от Давоса.

В январе Зигмунд Фрейд размышляет в Вене об «Отцеубийстве». В январе же великий польский авангардист Станислав Виткевич — младший заявляет, что берет себе новое имя — Виткаций, в знак протеста против своего отца Станислава Виткевича — старшего. Но без особых последствий. Он по-прежнему живет у папы, в популярном у польских интеллектуалов городке Закопане у подножия Высоких Татр, мало того, в городе полностью доминируют постройки его отца, знаменитого архитектора. Это такой польский Давос, и сюда отовсюду съезжаются легочные больные, настоящие и мнимые. Стиль домов представляет собой смесь альпийской хижины и модерна, но в эти зимние дни дома трудно разглядеть под метровым слоем снега на крышах. Снег валит крупными хлопьями, как будто собираясь укутать весь мир молчанием. Виткаций экспериментирует с фотоаппаратом и создает потрясающие серии портретов Артура Рубинштейна, когда великий пианист в январе приезжает к нему в Закопане. Снега на дворе так много, что они целыми днями не могут выйти за дверь. И вот Виткаций непрерывно фотографирует себя и Рубинштейна. Потом Рубинштейн скажет, что Виткаций — неудержимый меланхолик, страстный поклонник Ницше, вкрадчивый Мефистофель. Его главное произведение будет называться «Ненасытность». Подходящее название. Но сейчас, зимой 1913 года, у него снова кризис, Рубинштейну лишь ненадолго удастся вытащить его из депрессии. Когда он играет на фортепиано, то всё вдруг кажется таким мирным и спокойным. Виткаций зачарованно стоит в дверях и вслушивается. Эти звуки. Эти пальцы. На дворе снег. И еще эта молодая особа, приехавшая на зиму в дом Виткевича, чтобы подлечить тут, в высоких горах, свой легочный недуг. Но ей

самой приходится стать лекарством: Станислав «Виткаций» Виткевич рисует и фотографирует удивительно красивую Ядвигу Янчевскую. Потом он в нее влюбляется. Потом он обручается с ней. Она должна, убежден Виткевич, спасти его пропащую жизнь. Выходит, к сожалению, не очень. Через несколько месяцев она застрелится на склоне горы под Закопане из револьвера — не преминув, в духе самого оголтелого модернизма, поставить на месте будущей смерти роскошный букет цветов. В вазе! Чтобы цветы прожили дольше ее. Вот вам эрос и танатос, с сопроводительной табличкой. Эпоха романтизма заканчивается, по крайней мере в Польше, только в 1913 году.

Восьмого января Юлиус Мейер-Грефе, лучший автор книг об искусстве своего времени и главный пропагандист французского импрессионизма (обе превосходных степени тут совершенно уместны), выступает в новых помещениях галереи Кассирера на Викторияштрассе, 35 в Берлине с лекцией «Куда мы катимся?» (по его мнению, в пропасть). Народу набилось битком, однако, по мнению докладчика, «понимания было ноль». Пауль Кассирер и его жена Тилла Дюрье предлагают Мейер-Грефе поужинать после лекции, но тот отказывается: «Эта славная Дюрье начала шипеть из-за того, что я не пошел с ними в „Эспланаду“». Славная Дюрье действительно не привыкла к такому. Да и уместно ли было назвать ее «славной»? На самом деле это была удивительная выходка со стороны Мейер-Грефе, потому что Пауль Кассирер и Тилла Дюрье в 1913 году были, несомненно, королевской парой Берлина в области культуры. Причем познакомились они десятью годами ранее как раз на ужине в доме Мейер-Грефе. Но ему это было безразлично. Как и то, что у Тиллы Дюрье был дома попугай, кричавший «Тилла», когда она приходила домой. Обычно сама знаменитая актриса Тилла Дюрье поражала всех своей игрой на сцене — и мужчин, и женщин. А крупнейший арт-дилер Пауль Кассирер был в 1913 году не только самым влиятельным галеристом Германии, его избрали председателем Берлинского сецессиона, важнейшей выставочной организации города,

и теперь у него в руках оказались все нити художественной жизни. Черты его лица соответствовали его натуре в целом: своенравные, благородные, но при этом сладострастные, нежные и при этом неистовые, в них читались и могучая жажда власти, и крайняя ранимость. Когда он начинал говорить, то уже не останавливался, заодно с Ловисом Коринтом и Максом Либерманом он поддерживал импрессионистов — например, в 1913 году он показывал в своей галерее самые лучшие работы Ван Гога, Мане и Сезанна, какие только можно себе представить. Он любил женщин, он любил риск. Тилли Дюрье соединяла в себе и то, и другое.

Дюрье, наряду с Лу Андреас-Саломе, Альмой Малер, Коко Шанель, Идой Демель и Мисей Серт, — одна из шести главных женских фигур тех лет, одна из великих *femme fatale*. Не красавица, но с сильной эротической аурой, она мгновенно очаровывала всех, кто видел ее на сцене в мюнхенских или берлинских театрах. Даже Генрих Манн был покорен ею, как только увидел в одной из ролей. Он пишет весной 1913 года: «Она — один из самых прогрессивных типажей, которые мы видим сегодня на европейских сценах, невозможно найти более совершенное воплощение того, что мы называем „современностью“. У нее есть всё, что современно: сформированная и умная личность, нервная энергия, а также широкая амплитуда таланта». Эту профессорскую дочь из Вены отличала необычная красота, на самом деле ее звали Отилия Годефруа, но, к счастью, она взяла себе псевдоним, а в паре с Кассирером она сразу стала хозяйкой большого и открытого дома. Художники, писатели и промышленники были у них частыми гостями, сначала в квартире на углу Маргаретенштрассе и Маттеикирхплац, затем в вилле на Викторияштрассе. В мансардном этаже жил Эрнст Барлах, который спускался, только если вечером собиралась интересная для него компания. А когда у Тиллы Дюрье и Пауля Кассирера бывал Оскар Кокошка, то Барлах мечтал переночевать под «Железнодорожным мостом в Арле» Ван Гога. В общем, гостевая комната на Викторияштрассе, 35 стала самым красивым спальным купе старой Европы. А по утрам каждый,

кто там ночевал, хотел писать портрет Тиллы Дюрье. А некоторые хотели сразу пуститься с ней во все тяжкие. Например, Элис Ауэрбах, красавица-жена художника Вильгельма Трюбнера, которая была настолько без ума от Дюрье, что следовала за ней во время гастролей, поселялась в тех же гостиницах и в конце концов перерезала себе вены из-за того, что Тилла не ответила взаимностью на ее любовь. Только не надо раздувать шумиху, сказал ей тогда Пауль Кассирер, я ведь хочу и дальше без проблем продавать картины ее мужа.

Такой коммерческий расчет мужа шокировал Тиллу Дюрье, и теперь она, возвращаясь вечерами со спектаклей, посвящает себя не искусству, а социал-демократии, которую она страстно поддерживает. У Пауля Кассирера другие проблемы: он хочет, чтобы все крупные художники написали портреты его жены. Коринт, Либерман, Барлах — все они это уже сделали, а в 1913 году Франц фон Штук пишет несколько вариантов ее портретов в роли Цирцеи. А еще этой весной Кассирер пишет письма седому Ренуару во Францию, пишет до тех пор, пока тот не сдастся и не договаривается с Дюрье о встречах для написания портрета.

В Париже скульптор Аристид Майоль отправляет письмо Мисе Серт, которая была музой всех великих импрессионистов, а теперь, став старше, активно поддерживает современную музыку и искусство, и спрашивает разрешения писать ее портрет. Когда ее в свое время писал Ренуар, то он спросил ее, не соизволит ли она чуть приоткрыть грудь, ослабив корсет. А Майоль сразу спрашивает, готова ли она позировать ему полностью обнаженной. Она глядится в зеркало, улыбается и пишет: «Non, merci».

Девятого января император Вильгельм II находит доказательство существования Бога. Он выступает с речью по случаю столетнего юбилея прусского восстания против наполеоновской оккупации и вдруг заявляет: «Налицо реальные доказательства того, что Бог был и есть с нами. И из этих осязаемых, реальных доказательств прошлого

немецкая молодежь сумеет выковать закаленный в огне щит веры, который всегда должен входить в арсенал немецких и прусских воинов».

В баварской деревне Зиндельсдорф Франц Марк сидит в шубе в своей мастерской под крышей, всё равно мерзнет и пишет свою эпохальную картину «Башня синих лошадей». На полянке за домом дрожит от холода его ручная косуля. Жена Мария приносит ему чайник чая. А косуле яблоко.

Под Новый год Марк отправляет открытку с «Башней синих лошадей» в Берлин, Эльзе Ласкер-Шюлер, нищей поэтессе, которая бесцельно бродит по улицам и кафе с тех пор, как ее бросил Герварт Вальден. Но вот юный поэт Клабунд, которого только что открыл Альфред Керр, пишет о ней в первом номере журнала «Revolution»: «Искусство Эльзы Ласкер-Шюлер очень близко искусству ее друга, синего всадника Франца Марка. Ее мысли окрашены в сказочные тона, они крадутся как разноцветные звери. Иногда они выходят из леса на опушку, как нежные рыженькие косули. Они спокойно пацуются, удивленно вытягивают тонкие шеи, когда кто-то ломится через заросли. Они никогда не убегают. Они предстают перед нами во всей своей телесной осязаемости». Давайте потом посмотрим, кто у нас испугается такой телесности.

Еще никогда в калифорнийской Долине Смерти не было так холодно, как 9 января 1913 года. Термометр на Гринленд-Ренч показывает 9,4 градуса ниже нуля.

В январском номере журнала «Die Schaubühne» выходит первая статья Курта Тухольского. В феврале 1913-го там дебютирует Игнац Вробель, в марте впервые публикуется Петер Пантер, а в сентябре — Теобальд Тигер. Вробель, Пантер и Тигер — псевдонимы Тухольского, верность которым он сохранит на всю жизнь, в отличие от верности любой из женщин.

Двенадцатого января Иосиф Джугашвили впервые подписывается под письмом как «Сталин». То есть человек из стали. Вскоре он придет в Вену и будет пробираться по глубокому снегу через парк Шёнбрунн, размышляя о марксизме и о том, как совершить революцию в России. Да-да, в эти же дни по этому заснеженному парку бродит и молодой Адольф Гитлер. На всякий случай: нет, мы так и не знаем до сих пор, довелось ли им встретиться.

Пока Сталин становится Сталиным, в Ницце 8 января открывается отель «Negresco». Румынский ресторатор Генри Негреско, низкорослый мужичок с большими усами, решил открыть лучший отель мира, а поскольку он считал себя главным красавцем мира, то и отель назвал своим именем. Дом 37 на Английской набережной сразу же стал местом стечения европейской кровной и американской денежной аристократий: Вандербильты, Рокфеллеры, Зингеры прибыли на открытие, в первый год отель посетили восемь коронованных особ, в том числе Вильгельм II и царь Николай, первый бокал шампанского здесь выпила королева Португалии Амелия. Она сделала это на ковре площадью 375 квадратных метров, под люстрой высотой 4 метра 60 сантиметров из хрустала «баккара», всего 16 457 элементов. И разумеется, всё это под импозантным куполом, который сразу стал легендарным. Этот купол для Негреско якобы спроектировал Гюстав Эйфель, автор Эйфелевой башни, воспроизведя в архитектуре точные размеры груди возлюбленной заказчика.

Ф. Скотт Фитцджеральд, который впоследствии напишет «Ночь нежна» и тем самым оставит литературный памятник приключениям американских миллионеров на Лазурном берегу, в эти дни пишет заявление о приеме в Гарвардский и в Принстонский университеты. Срок подачи заявлений истекает 15 января.

Шестнадцатого января двадцатилетний Сриниваса Рамануджан из Мадраса (Индия) отправляет очень длинное письмо выдающемуся

английскому математику Готфриду Харолду Харди в Кембридж, в котором рассказывает о том, что он, хотя и не изучал математику в университете, за последние недели решил сто важнейших загадок аналитической математики, «смотри приложение». Еще он пишет, что он верующий индуист, поэтому пусть Харди не думает, что эта мудрость исходит от самого Сринивасы, ее ему во сне сообщило семейное божество Намагири Тайар — судя по всему, подкованное в точных науках. Харди углубляется в колонки цифр, заполняющие страницы, и вдруг понимает: Сриниваса Рамануджан действительно разгадал сто главных загадок аналитической математики, например нашел формулу для расчета числа π . Харди сказал: «Скорее всего, это правда, потому что если бы это не было правдой, то не было бы на Земле человека с такой силой воображения, чтобы всё это придумать».

Его формулы стремительно входят в историю как теория простых чисел Рамануджана, тета-функция Рамануджана и формула разбиения числа Рамануджана. Он стал членом Английского королевского общества и профессором Тринити-колледжа в Кембридже. Он вдохновенно работает за письменным столом по 24 и даже 36 часов без перерыва, когда семейная богиня нашептывает ему новые формулы. Выходит его собственный журнал, «Ramanujan Journal», специально для публикации огромного потока его результатов, числовых моделей и предложенных решений. Вскоре он умирает. Этого он в своих расчетах не предусмотрел.

В «еженедельнике немецкой молодежи» под названием «Почта молодой Германии» Отто фон Готберг 25 января абсолютно серьезно пишет вот что: «В немецком сердце должна тихо и глубоко жить радость от войны, стремление к ней, потому что мы не можем более терпеть врагов, а победа достанется только тому народу, который идет на войну, как на праздник, с песнями и музыкой». А потом вот что: «Мы пойдем к этому будущему с мужественным осознанием того, что гораздо лучше, достойнее вечно жить на доске героев

в церкви, чем безымянно согнуть от болезней в своей постели, когда отзвучит наша музыка». Вывод Отто фон Готберга на 1913 год таков: «Война — это прекрасно».

Может быть, на Капри всё же хоть чуточку прекраснее? В любом случае в эти январские дни там уже тепло, 15–16 градусов, а море иногда такое голубое, будто в нем уже можно купаться. Цветут лимоны, и когда ты обходишь холм по узкой тропе, то за поворотом их аромат ударяет в нос. Максим Горький сегодня спускается по извилистой дороге Виа Крупп, которую несколькими годами ранее пробил в скале любвеобильный немецкий промышленник. Со стороны бухты Марина-Пиккола солнце и зимой светит до трех, до полчетвертого, когда другая сторона, на которой расположен дом Горького, уже скрыта в тени. По пути вниз, к воде, он слышит чудесное шуршание саламандр, молниеносно исчезающих в сухой листве оливковых деревьев при его приближении. Он видит последние, забытые плоды, которые висят на шпалерах подобно рождественским фонарикам. Лиственные деревья пока стоят голыми, но на миндальных деревьях уже появились первые цветы. Снизу доносится шум волн, бьющих о меловые скалы. Горький снимает пиджак. Смотрит на морской простор, не в сторону Мекки, а в сторону Санкт-Петербурга. Ему трудно думать о России зимой, когда там всё покрыто снегом, сковано морозной комой, а он тут в расстегнутой рубашке пьет кофе на берегу моря. А недавно он сидел внизу у моря с Лениным, который навестил его в эмиграции. Они играли в шахматы и думали, сколько пешек нужно пожертвовать для того, чтобы поставить мат русскому королю.

Теперь же Горький задается вопросом, способен ли он здесь, на волшебном берегу, действительно послужить делу революции на Родине. Пока ему нельзя возвращаться, но он надеется на амнистию. Когда солнце всё же скрывается и Горький начинает подниматься обратно к своей вилле, он чувствует, что его нос слегка обгорел. Когда он прячется от ветра в дом и садится за письменный стол, то жжет уже довольно сильно.

Раньше его возлюбленная Мария принесла бы масла, сказала несколько ласковых слов, но она уехала, разгневанная тем, что он так и не смог окончательно расстаться со своей первой женой Катей. За письменным столом он отдыхает от всех этих перипетий, обращаясь к главной женской фигуре своей жизни: он продолжает неустанно трудиться над романом «Мать». Когда Горький шесть лет назад прибыл на Капри, чтобы в солнечной эмиграции готовить русскую революцию, то поклялся, что останется тут «не меньше чем на 600 лет». А теперь ему иногда кажется, что и шести лет, пожалуй, достаточно. Вот Горький сидит за столом, смотрит на море, на спинке стула сидит его любимый попугай Лоретта, у ног лежит фокстерьер Топка. Он немного вспоминает Марию. Чуть меньше — Катю. И очень много думает о России.

В субботу, 25 января, первая женщина в Германии с удостоверением пилота, двадцатилетняя Амели Беезе, выходит замуж за французского пионера воздухоплавания Шарля Бутара. По немецким законам Амели Беезе-Бутар становится француженкой, и немецкие поклонницы очень обижены на нее.

Рихард Унгевицтер, адепт нудизма, или «культуры свободного тела», в эти дни публикует свою классическую работу «Нагота и культура — новые требования», подкальывая Амели Беезе-Бутар: «Если бы каждая немецкая женщина чаще видела обнаженного германского мужчину, — пишет он, — то немногие гонялись бы за экзотическими чуждыми расами».

Двадцать восьмого января в Коди, в штате Вайоминг, маленький Джексон Поллок отмечает свой первый день рождения. На столе макароны с томатным соусом. Скатерть потом представляет собой настоящий «дриппинг² № 1».

2 Дриппинг — форма абстрактной живописи, в которой на полотно капают, брызгают или выливают краску.

Оскар Барнак изобретает первый узкоплечный фотоаппарат, который позволяет частным лицам делать фотоснимки, когда вздумается. Он работает в маленькой фирме «Leitz» в Вецларе главным конструктором микроскопов, но на досуге его страстью всегда была фотография. Вечерами он корпит до тех пор, пока не создает легкую портативную камеру, способную работать с фотопленкой, натянутой на маленькие ролики. Последний элемент конструкции — монтаж слов «Leitz» и «Camera»: так появилась первая «Leica».

Распутин, странствующий проповедник и целитель с безумным взглядом, призван к царскому двору после того, как потерпели неудачу все придворные доктора с их латынью. Царевич Алексей страдает от редкого заболевания крови, после травмы от падения никому не удалось остановить внутреннее кровотечение, пока царица Александра от отчаяния не позвала Распутина. Тот пришел, помолился, загипнотизировал Алексея, и кровь застыла у него в жилах. С этого момента царица тоже находилась в его власти. Она считала его ответом Бога на ее мольбы. При этом никто за пределами толстых стен петербургского дворца не должен знать о том, что наследник престола, единственный сын, страдает от заболевания крови. Поэтому многочисленные визиты Распутина к царице окутаны тайной, тем более что после путешествий по огромной малонаселенной стране, а в особенности после его путешествий по спальням петербургских дворцов, Распутина сопровождала слава сексуального гиганта. Одетый в черный кафтан, высокий, мускулистый, с пронзительным звериным взглядом — говорят, что он предпочитал соблазнять светских дам после молитвы или удачного спиритического сеанса. Распутин заставлял своих поклонниц поверить тезису о том, что нужно сначала согрешить, чтобы получить прощение от Бога.

Никому не известно, насколько близкими были его отношения с царицей; при дворе поговаривали, что она — его сексуальная рабыня. Председатель Государственной думы пришел к царю, и тот прогнал Распутина, отлучив от двора. Но юный Алексей снова споткнулся,

Монте-Верита, «гора истины», в любое время года приглашает станцевать на вулкане

весной 1913-го во время путешествия в Ялту, и снова никто не мог остановить кровотечение. Он был почти при смерти, когда царица, отчаявшись, опять позвала Распутина — и тот поспешил на помощь. И во второй раз спас жизнь Алексею своей молитвой.

Царю, Думе, тайной полиции — всем Распутин встал поперек горла, его несколько раз пытаются убить, но безуспешно. Весной 1913 года из-за скандала с попыткой убийства Распутина пришлось уйти в отставку министру внутренних дел Хвостову, вскоре в «Биржевых ведомостях» бывший агент опубликовал полный список неудавшихся покушений. В принципе, это было глупостью со стороны монархии — пытаться уничтожить Распутина, потому что, во-первых, он поддерживал жизнь в наследнике престола, а во-вторых, он сам постоянно пророчествовал, что после его смерти падет трехсотлетняя династия Романовых (разумеется, так и произошло).

Герману Гессе после неудачного новогоднего отпуска кажется невыносимой домашняя обстановка, он всё больше сомневается в том, что семейные узы совместимы с жизнью художника. Готфрид Бенн задаст этот вопрос позднее в стихотворной форме: «Стоит вообще подумать о связи брака с творчеством: импульс или же паралич?» Гессе ощущает скорее паралич. В романе «Росхальде» он почти незавуалированно описывает свои попытки наладить совместную жизнь с женой Мией в имении «Шлос-Холте» под Берном. Но дом, который они снимают вместе с замечательным заброшенным садом, становится свидетелем краха их брака. К ним в гости приезжает Ромен Роллан, он застаёт напряжённую атмосферу и рассказывает потом о странном внешнем виде Гессе: клочковатая борода, холодные глаза, а рядом с ним Мия, «не очень красивая и не очень молодая». Оба испытывают облегчение, когда начинает темнеть. Он вместе с детьми собирает в саду хворост и затапливает камин. А когда сыновья засыпают, Мия читает ему вслух Гёте. Он закрывает глаза, которые у него постоянно болят, уносится в мечтах вдаль и молчит. Он пишет длинное письмо отцу: «Корни несчастливой семьи, которую я описал в книге

„Росхальде“, лежат отнюдь не в ложном выборе, а глубже, в проблеме „семьи художника“ в целом». Проницательный Курт Тухольский заметил во время чтения этой книги, что в авторе произошли какие-то сущностные перемены: «Это не наш старый добрый Гессе, это кто-то другой, он покинул родные пенаты и отправился — вот только куда?» Первого февраля Герман Гессе получает письмо из Черновцов, от Нинон Ауслендер, молодой почитательницы, которая заканчивает гимназию и с которой Гессе уже переписывается некоторое время. Но школьный экзамен не стал настоящим аттестатом зрелости. Только спустя четырнадцать лет они начнут жить вместе и поженятся, хотя не будем забегать вперед. Пока что Гессе предстоит визит к зубному врачу. Он едет к доктору Шленкеру в Констанц, чтобы поставить новые пломбы. Как плохо Гессе себя чувствует в эти дни, как он страдает от шума детей, от нервов, от бессонницы и безвыходности — это мы понимаем по тому, что даже многодневного лечения зубов он ждет с нетерпением: «Я жду, что смогу на два-три дня отвлечься, отдохнуть, надеюсь, что с моими зубами придется как следует поработать». Наверное, врач не отказал ему в помощи.

Что осталось от тех трех месяцев, что Марсель Дюшан провел в Мюнхене в прошлом году? Минимум две вещи. Элегантный фотопортрет, сделанный Генрихом Гофманом, который в феврале того же года будет напечатан в важной книге Аполлинера «Les Peintres cubistes» («Художники-кубисты») и станет символом первого и окончательного восхождения Дюшана на Олимп искусства (Генрих Гофман впоследствии еще прославится как придворный фотограф Гитлера, но сейчас не об этом). Второй плод пребывания Дюшана в Мюнхене в эти дни растет в животе Терезы Гресс, жены хозяина квартиры на Барерштрассе, 65, второй этаж налево. Он родится летом 1913 года, ровно через девять месяцев после пребывания Дюшана в Мюнхене. Ее муж Август Гресс, инженер-конструктор на локомотивном заводе «Maffei», днем уходил на работу. То есть Дюшан столько дней провел один в своей квартире, рядом с швейным ателье ослепительно

красивой Терезы Гресс, которое находилось в гостиной и где непрерывно стрекотала швейная машина. На рисунках Дюшана, сделанных в те мюнхенские месяцы, фигурирует удивительно много швейных машин и ниток. А одну нить он, судя по всему, протянул лично. Потом Дюшан скажет, что Мюнхен был для него местом полной свободы.

В первые дни февраля в издательстве «S. Fischer» выходит новелла Томаса Манна «Смерть в Венеции», которую сам автор называет «историей о наслаждении гибелью». Через два квартала от дома Томаса Манна в эти дни сидит Освальд Шпенглер и каждое утро пишет свой «Закат Европы». У Шпенглера нет уже никаких наслаждений.

Эрнст Людвиг Кирхнер находит их в окрестностях Потсдамер-плац. День за днем он бродит по улицам, особенно часто в сумерках, и ищет взглядов женщин. В эти дни трудно отличить друг от друга разряженных русских леди из Груневальда, что выгуливают своих дочерей и свои деньги, актрис из театров и варьете, молодых благородных дам с гардеробом из Неаполя или Парижа и тех кокоток, что предлагают свое тело за деньги. Тут нужен взгляд знатока. Как раз такой, каким обладает Эрнст Людвиг Кирхнер. Он чувствует секс, как другие парфюм. Он чуял его в Дрездене у молодых артисток цирка, которые сами об этом и не ведали, чуял в своих натурщицах, когда приглашал к себе в мастерскую. Чует и сейчас, под толстым слоем косметики, под элегантными накидками, под зонтиками. Он рисует их и чувствует на Потсдамер-плац вибрирующий узел сексуальности. И он показывает на своих полотнах, что не только он (и другие мужчины), но и остальные, в том числе почтенные дамы, чувствуют притяжение флюидов замаскированного вожделения. Демонстрация этого — вот в чем настоящая скандальность его искусства.

Десятое февраля, шесть утра, еще темно, и вот тишину в деревне Уолтон-Хилл к югу от Лондона сотрясает мощный взрыв. В новой усадьбе министра финансов Англии Дэвида Ллойда Джорджа

взрывается бомба. Никто не пострадал, но одно движение заставило говорить о себе. Ведь бомбу заложила Эммелин Панкхёрст, страшная английская суфражистка, как тогда называли активисток, боровшихся за избирательное право для женщин. У правосудия нет выбора, и ее отправляют на три года в тюрьму.

Анри Матисс сбежал от парижской зимы. Просто невозможно выносить столько серости, особенно когда так фанатично любишь краски. И вот Матисс сидит в Танжере, в гостинице «Villa de France» (должна быть связь с родиной) и наслаждается потрясающим светом Марокко, зачарованный и ослепленный. В тридцать пятом номере, который он снял, имеются три окна, одно из них прямо у кровати. Он устанавливает мольберт и пишет, слева башня церкви Святого Андрея, минарет мечети Сиди-Бу-Абид, море домов — а за ними синее-синее море. «Окно в Танжере» — так он назовет эту картину. Из порта поднимается запах водорослей, рыбы и нефти. Он пишет пальмы на улицах, листья, воздух. Воздух? Да, разумеется, Матисс пишет воздух. Может быть, никто не умеет так писать теплый воздух, как Матисс, даже Пикассо. Он пишет промежутки между предметами и пишет воздух над крышами и над морем. В далекой Европе вокруг него бушевал модернизм, художники всё ближе подбирались к абстракции — Купка, Мондриан, Малевич, Кандинский, все были готовы сделать последний шаг. А Матисс, мудрый человек сорока пяти лет, знал, что абстракция — не единственный путь в модернизм. Знал, что рядом всегда найдутся освещенные солнцем тропинки из прошлого, которые точно так же ведут в будущее. Именно такие пути ищет Матисс в эти дни в Танжере. Из больших чистых цветочных полей, в первую очередь из синего и зеленого, он выстраивает на холсте свой мир. Люди в кофейне, пальмы, улицы, расплывающиеся формы. У людей на его набросках есть еще трубки во рту и интересная обувь. А на картинах всё лишнее отбрасывается, все становится проще и яснее. Роскошные цветы, листья аканта, чистые краски, он познает их здесь, на краю Африки, и будет писать их годами, на полях своих

писем и на обойной бумаге своих картин. А много позднее, когда он уже не сможет ходить, когда он будет рисовать только палкой и вырезать ножницами, с ним будут всё те же округлые формы листьев, весенний расцвет природы тех марокканских месяцев будет возвращать ему жизненную энергию, а воспоминания останутся его единственной радостью.

В феврале 1913 года сталкиваются Северный и Южный полюса литературы — Франц Кафка и Эльза Ласкер-Шюлер. Вообще-то Кафка ни разу в жизни не сказал ни о ком дурного слова, даже если он пытался (например, в адрес отца), то получалось такое длинное и витиеватое письмо, что вся сила его недовольства схватывалась ремнями безопасности формы и языка. Но когда Кафка встречается Эльзу Ласкер-Шюлер, его предохранители перегорают, слишком уж сильно ее дикая сексуальная энергия заставляет ощутить его собственную скованность. И вот 12 февраля Кафка пишет Фелиции Бауэр, своей возлюбленной, которая, к счастью, так далеко, что он может считать ее просто адресатом своего письма и не думать о ней, как об адресате своего вождения, так вот, он пишет этой самой Фелиции Бауэр: «Я ее стихов терпеть не могу, я ничего в них не ощущаю, кроме скуки от их пустоты и отвращения к их искусственной выпренности». И далее: «Да и проза ее мне претит по тем же причинам, в ней слишком много безрассудных содроганий ума нервической городской дамочки». Проще говоря: я ее боюсь. Кажется, что Кафка, это появившееся по прихотливой воле милостивого Бога существо, сотканное из миллионов нервных окончаний, впадает в панику и спасается бегством, потому что боится быть проглоченным ее безбрежной фантазией, ее необузданностью, ее женским естеством. Однажды, 24 марта, они повстречались в Берлине в обществе других писателей в кафе «Йости». Они вместе пишут письмо на почтовой открытке их общему издателю Курту Вольфу в Лейпциг. «Уважаемый господин Вольф», пишет «Ваш преданный Ф. Кафка». И тут же рядом, на открытке — рисунок Эльзы Ласкер-Шюлер и ее подпись именем «Абигейл Базилеус III».

Уже от одних только этих придуманных титулов и имен Кафке становилось не по себе. Разве это не должно оставаться в мире литературы? А вот для Эльзы Ласкер-Шюлер царство фантазии неотделимо от Германской империи. Или от царства небесного. Для нее это всё одно и то же. Это помогает писать стихи, но мешает жить. Ее второй муж, Герварт Вальден, галерист и издатель журнала «Sturm», устал от штормов в своей жизни и расстался с ней. Она начала пить, жила на чемоданах, она пишет, чтобы раздобыть деньги на оплату школы «Оденвальд» для своего маленького сына, а коллеги по искусству постоянно собирают деньги для нее, даже суровый Карл Краус проявляет в ее случае сентиментальность (и открывает кошелек). Так вышло, что через две недели после встречи с Кафкой в Берлине Эльза Ласкер-Шюлер едет именно в Прагу, чтобы выступить там со своими произведениями в «клубе немецких художниц». Она прихорашивается: серебристые сапоги, шелковая рубашка «цвета гротов на Капри». Когда слушатели приветствуют ее аплодисментами, она еще не знает, что будет читать. За сценой она листает свои сборники стихов и никак не может выбрать. Затем она встает и выходит на авансцену. «Она стоит там, похожая на упрямого мальчишку, с ее странным, интересным лицом, которое могло бы принадлежать какому-нибудь русскому нигилисту», — пишет о вечере Мария Гольцер в берлинском журнале «Die Aktion». И вот она начинает читать свои стихи, похожие на магические заклинания восточного пророка. Слушатели не сводят с нее глаз, охваченные смесью смирения и восхищения, все вслушиваются, затаив дыхание — студенты, литераторы, художники, в их числе Эгон Эрвин Киш и Макс Брод, лучший друг Кафки. Нет только самого Кафки. Его страх был слишком велик. Эльза Ласкер-Шюлер возвращается в Берлин, не зная отдыха, блуждая, мечтая о далеких мирах, как она пишет после выступления в Праге Францу Марку и Карлу Краусу. Она ищет мужчину, поднявшегося до ее высот. До безрассудных содроганий ума нервической городской дамочки. До ее гор из тоски, отчаяния и стремлений. Она найдет Готфрида Бенна. Ее голод был достаточно велик.

Как жить на этой убогой земле, когда тебя только что приняли на Олимпе? Лучше всего на какое-то время укрыться в одном из тех немногих мест, которому позавидуют даже боги. И вот Герхарт Гауптман, новоиспеченный нобелевский лауреат, отправляется с женой и шестнадцатью набитыми чемоданами зимовать на виллу «Карнарвон» в Портофино. Где-то внизу волны бьются о скалы, по утрам он раздвигает зеленые ставни и смотрит на бескрайний морской простор. Над ним — кроны старых пиний, под ним, в огромном парке — агавы и пальмы, на гравийных дорожках слышен только медитативный шелест граблей работающих садовников, больше ничего. Он надевает свою францисканскую рясу, купленную в прошлом году, ослабляет пояс на всё более объемном животе и приступает к медитации. Оммммммм. Ветер треплет его седые волосы, он наслаждается тем, как под шум волн всё увеличиваются паузы между отдельными мыслями. Потом, после купания и обильного завтрака, он садится за письменный стол.

А вечером Мария готовит пасту с грибами и жаркое из кабана с каштанами, даже во время медитации его периодически преследуют мысли об ужине, он ничего не может с собой поделаться. Поздним вечером, после трех блюд и рюмки граппы, Гауптман записывает в своем дневнике, явно под впечатлением от самого себя: «Мы уходим от того, что они хотели сделать из нас, и возвращаемся к тому, что мы есть. Они могут поднимать и ронять куклу, но не меня». Поскольку теперь он знает, что он такое, он хочет и всем остальным немцам показать, что они такое. И полагает, что для этой задачи лучше всего подходит кукольный театр. Для празднеств по поводу столетнего юбилея Освободительной войны, которые должны пройти в Бреславле 31 мая, он пишет «немецкую доисторическую драму», «Представление в немецких стихах». Поглядывая на морскую пену Средиземного моря, он ныряет в глубины немецкой истории. Он придумывает куклу-Наполеона. Куклу-Клейста. И к ним вдобавок несколько кукол немецких плакальщиц. Текст построен на основе старинного немецкого размера книттельферс с парной рифмой.

Двенадцатого февраля «Представление» готово, и он отправляет его в Бреславль, клеит 3марки и преисполнен гордости. Он сидит в широком зеленом кресле, наслаждается жизнью и молчит. Как назвать это состояние флегматичного самодовольства, когда ты только что получил Нобелевскую премию? Герхарт Гауптман описывает его вечером в своем дневнике, внимание: «пассивная производительность». Да уж, у нобелевских лауреатов есть чему поучиться.

Предстоящий столетний юбилей в Бреславле повсеместно активизирует производительные силы — например, у баронессы Густль фон Блюхер из Дрездена. Остается загадкой, как же так вышло, что именно в том месте, где Август Сильный основал «Общество борьбы с трезвостью»³, ее обуяла идея открыть рядом с будущим памятником Битве народов в Лейпциге «приют для трезвенниц». Она шла к своей цели с завидной трезвостью. Она написала высшим придворным чинам всех коронованных особ, говоривших по-немецки в 1913 году (а их было изрядное количество), и попросила пожертвовать средства на строительство этого профилактория для молодых матерей. Положительный ответ поступил из Пруссии: ее величество императрица и королева сообщила из Берлина, что хочет внести 300 марок. А в Вюртемберге был скептический настрой: «Хотя их величество и признают добрые намерения инициаторов, — говорится в письме от 12 февраля, — их высочество не могут проявить солидарность с идеей предприятия и ее воплощения». Ибо: «мировоззрению их величества противоречит столь очевидное объединение под одной крышей патристического события и устройства приюта для трезвенниц». Это называется дипломатия. Проще говоря: уважаемая баронесса фон Блюхер, такая дурацкая идея могла прийти в голову только под градусом.

А сейчас одна из самых невероятных историй этого невероятного года: 13 февраля клоун, огнеглотатель, эквилибрист и весельчак Отто

³ Саксонский курфюрст Август Сильный учредил «Общество борьбы с трезвостью» в 1728 году.

Витте становится королем Албании (по словам самого клоуна, огнеглотателя, эквилибриста и весельчака Отто Витте, которые пока никто не опроверг). Но обо всем по порядку. Добропорядочный бургер Отто в замечательном хаосе балканской войны сделал себе имя в турецкой армии под именем Йозефа Йоппе — в качестве офицера и тайного агента. И вот он отправил две липовые телеграммы, в которых сообщал о скором прибытии в Тирану принца Халима Эддине, племянника последнего султана, потом взял напрокат в костюмной лавке в Вене сногшибательный восточный наряд (There is a Kingdom, there is a king, как спел бы Ник Кейв). У Отто Витте были чертовски черные волосы и роскошные усы турецких масштабов, так что он вполне мог сойти за качественного Халима Эддине. И вот, великолепно одетый и причесанный, он прибыл к верховному главнокомандующему турок в Албании, генералу Эссаду-паше. Его обширные знания о наступательных планах сербов, которыми он обзавелся, будучи турецким шпионом, произвели большое впечатление. Он принял парад и уверенным тоном раздал указания. Это произвело большое впечатление на Балканах. Солдаты с энтузиазмом следовали за ним, а генералы стали вынашивать план: поскорее объявить так называемого принца Халима Эддине, то есть нашего знакомого Отто Витте, албанским королем, пока западные державы не решили, чей это трон. И вот ранним утром 13 февраля Эссад-паша объявил Отто Витте «королем Албании», на церемонию пригласили несколько албанцев, которые преданно ликовали и размахивали своими пестрыми тряпками, а военный духовой оркестр исполнил марш. Новоиспеченный король немедленно отправился в Тирану, где ему приготовили дворец. Ввиду срочности дела не было никаких чиновников, зато албанцы сумели собрать королю на ночь гарем из одиннадцати красавиц. «1913» — на самом деле книга о любви, так что и Отто Витте из берлинского района Панков тоже по полной программе насладился четырьмя из тысячи и одной ночи. Наутро пятого дня в Тирану поступила телеграмма из Константинополя, от настоящего принца Халима Эддине, который в бешенстве сообщал, что под его именем короля изображает жулик.

Он телеграфировал, что прибудет сегодня же и свергнет самозванца с трона. И вот на рассвете 19 февраля король Отто Витте бежал из своего гарема и своего дворца, выбросил в реку свой наряд, так и не заплатив за прокат, и стащил у какого-то крестьянина простую рубаху. После пятидневного правления он спешно добрался до побережья своего королевства. В Дурресе он проник на австрийское судно, которое должно было переправить его в безопасное место. И переправило именно в такое место. Потому что в Австрии Витте после всех его рассказов объявили душевнобольным и поместили в психиатрическую клинику. Однако вскоре в газетах появились фотографии Отто в Тиране, и пациента немедленно выписали как выздоровевшего. В свой немецкий паспорт он потребовал внести запись: «Бывший король Албании». Порядок есть порядок. В 1925 году, после смерти Фридриха Эберта, он выставлял свою кандидатуру на выборах президента Германии, но на этот раз потерпел неудачу.

Ранним вечером в начале февраля, в Лиссабоне, внезапная гроза застает поэта Фернандо Пессоа по пути домой. Он бежит впотьмах к своему дому на Руа-де-Пассос-Мануэль, 24, третий этаж налево, и на бегу в нем рождаются строки поэмы «Отречение». Он скидывает мокрую одежду, садится за стол и пишет: «Мне кольчуга — ненужный заслон; / Шпор последний бессмысленный звон / На холодных раздался ступенях, / Тело дышит без пышных одежд; / Мать — ночь, только душу утешь, / Словно дня уходящие тени⁴». Дня уходящие тени... Какие строки.

Рихард Демель, самый знаменитый немецкий поэт в 1913 году, которого ценили и Томас Манн, и Герман Гессе, и Арнольд Шёнберг, публикует новые стихи — «Прекрасный безумный мир». Это идеальное заглавие к 1913 году. А к Рихарду и его прекрасной жене Иде мы еще вернемся. Погодите. Это я непременно должен рассказать!

А сейчас давайте ненадолго переберемся в Вену, в один из центров прекрасного безумного мира. Субботним вечером 15 февраля на семинаре Зигмунда Фрейда обсуждаются темы «Бисексуальность / невроз и сексуальность / интерпретация снов», то есть всё как надо. На неделе Фрейд с 8 до 9 и с 17 до 19 принимает больных, а по вечерам в среду и субботу у него на семинаре собираются последователи, чтобы заниматься изучением глубин психики. С конца 1912 года это общество блестящих мужчин, видных венских терапевтов и теоретиков посещает одна необычная женщина — Лу Андреас-Саломе. Она носит на поясе два замечательных скальпа — Ницше и Рильке. Они оба стали жертвами ее искрометного ума, блестящей независимости и глубочайшего упрямства. И вот теперь великий Фрейд был в шаге от того, чтобы рухнуть в эту пропасть вслед за ними. Например, 15 февраля она говорит такие любопытные вещи: «И аскетичным, и порочным в принципе может быть только мужчина, а женщина (дух которой есть ее пол, а ее пол есть ее дух) способна на это лишь в той степени, в которой она избавляется от своей женской натуры». Фрейд сказал ей, что она — «поэт психоанализа», а сам он способен только на прозу. Днем 15 февраля Лу Андреас-Саломе отправляется сначала на генеральную репетицию новой пьесы Франка Ведекинда — «Ящик Пандоры». Рядом с ней сидит Артур Шницлер. А вечером она идет на семинар к Фрейду. В тот вечер Андреас-Саломе восторженно записывает в свой дневник: «Фрейд очень симпатично говорил о том обогащении, которое может дать бисексуальность». Ишь!

В феврале Магнус Хиршфельд учреждает в Берлине «Врачебное общество сексологии и евгеники». Выступая в роли эксперта, Хиршфельд убедил криминальную полицию Берлина в том, что гомосексуальность — не «приобретенный порок», а «неискоренимое свойство». Для подкрепления этого тезиса Хиршфельд ежегодно публиковал в своем строго научном «Ежегоднике промежуточных стадий сексуальности» (!) тысячи страниц статистики, которые должны были доказать, что в огромном немецком рейхе есть не только «стопроцентные

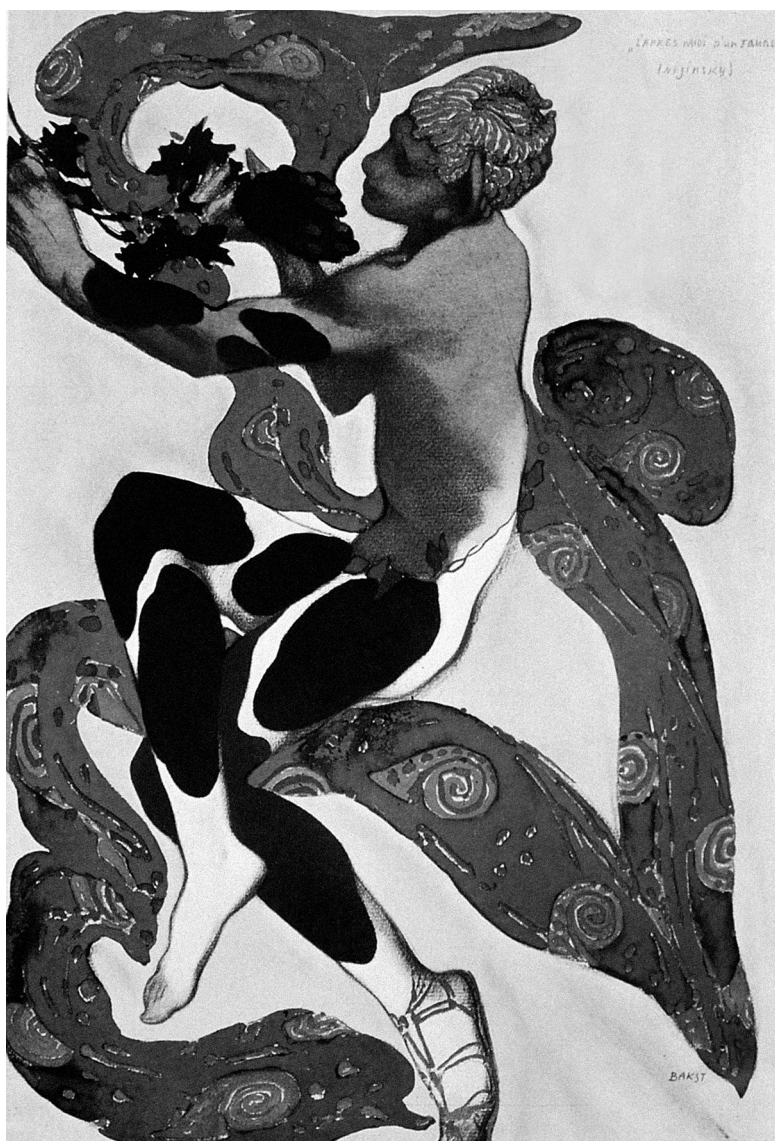
женщины» и «стопроцентные мужчины», что у фантазии в пространстве бисексуальности нет границ.

Семнадцатого февраля в Нью-Йорке, в зале 69-го полка национальной гвардии открылась «Арсенальная выставка». Это был момент, когда мощный поток современного искусства достиг Америки. Молодой фотограф Ман Рэй скажет в конце года: «Полгода я ничего не делал — столько времени мне понадобилось, чтобы переварить увиденное». Альфред Стиглиц, известный фотограф, издатель журнала «Camera Work» и хозяин авангардной галереи 291, реагировал быстрее. Он увидел, переварил и купил сразу в день открытия за 1260 долларов абстрактную картину Василия Кандинского «Импровизация 27».

Скотт Ф. Фитцджеральд не поступает в Гарвард (приходится отправиться в Принстон). В Гарварде летом 1913 года начинает учиться Т.С. Эллиот.

Пятого марта Герварт Вальден, энергичный коммерсант с высоким лбом и низким голосом, убедительно доказавший свою выносливость как издатель хронически умирающего журнала «Der Sturm» и муж Эльзы Ласкер-Шюлер, едет на поезде из Берлина в Мюнхен. На платформе его ожидают Василий Кандинский с подругой, художницей Габриэле Мюнтер, а также Франц Марк с женой, последние двое приехали в Мюнхен из близлежащего Зиндельсдорфа. Вальден, один из важнейших импресарио модернизма, показывает в своей маленькой берлинской галерее итальянских футуристов, «Синего всадника», модернистов из Парижа и Вены. У него безупречное чутье на всё новое. И на то, как нужно показывать это новое. Он приехал в Мюнхен, чтобы вместе с «синими всадниками» — Марком и Макке — разработать план большой осенней выставки, «Первого Немецкого осеннего салона». Эта выставка должна была стать маяком модернизма, каким стала «Арсенальная выставка» в Нью-Йорке. Уже через две недели Август Макке, боннский участник группы «Синий всадник», пишет Вальдену, что ему удалось уговорить своего щедрого дядю Бернгарда Келера, одного из важнейших коллекционеров модернизма, дать выставке финансовые гарантии на четыре тысячи марок. Еще он пишет: «Пожалуйста, поговорите сразу с Аполлинером и Делоне об участии парижского искусства. Я думаю, важнее всего для нас договориться с Матиссом и Пикассо. И чтобы никто из участников „Осеннего салона“ не выставился у Кассирера. Главное — сразу заполучить на свою сторону все основные силы. Они всё сделают». И Герварт Вальден справляется. Заполучает всех на свою сторону. А Кассирер, его главный конкурент в Берлине, осенью 1913-го впервые будет выглядеть старым. Но пока что у нас на дворе весна.

Да, весна. Хотя как посмотреть. На Севере, в вечных льдах Гренландии, при температуре минус тридцать, Альфред Вегенер сидит в лагере своей полярной экспедиции и пишет. Над приват-доцентом по физике, метеорологии и астрономии из Марбурга смеялись, когда в ноябре он представил свою «Теорию дрейфа континентов». Никто

Вацлав Нижинский в «Послеполуденном отдыхе фавна» покоряет всю Европу

не верил в то, что двести миллионов лет назад все части света представляли собой единое целое. Это было слишком смело для времени, имевшего смутное представление даже о самом себе. И разочарованный Вегенер присоединился к экспедиции датского исследователя Йохана Петера Коха. Четверо мужчин, шестнадцать исландских лошадей и одна собака отправились в путь, собираясь пересечь Гренландию с востока на запад, через бескрайние просторы вечной мерзлоты, куда еще не ступала нога человека. Но сейчас слишком холодно для перехода, слишком холодно, чтобы вообще высунуть нос из палатки, может быть, в апреле им удастся продолжить путь. Лошади едят сено, собака грызет свою кость, а Альфред Вегенер играет в шахматы с Йоханом Петером Кохом. Потом он зажигает фитилек масляной лампы и продолжает работать над своим большим трудом о движении континентов. Он знает, что рано или поздно люди поверят ему, хотя бы через двести миллионов лет.

Марсель Пруст нашел издателя для «Поисков утраченного времени» несколько быстрее. После трех отказов он получил согласие. И вот 11 марта он заключает договор с издателем Бернаром Грассе — и сам добавляет 1750 франков, чтобы книга успела выйти в сентябре. Кажется бы, всё в порядке. Но вскоре начинается кошмарный сон Бернара Грассе. Когда он отправил сверстанный текст Прусту на последнее согласование, то через несколько дней получил обратно нечто, что больше напоминало поле боя, а не гранки. Пруст не оставил от них камня на камне, переписал чернилами весь уже готовый текст — один раз, второй, третий... Кроме того, он наклеил на полях дополнительные фрагменты из других гранок, а многое зачеркнул. Даже его легендарное первое предложение, то самое «Давно уже я привык укладываться рано», он сначала полностью зачеркивает, а вскоре, раскаявшись, восстанавливает от руки рядом с зачеркнутым и даже добавляет восклицательный знак. С каждой новой порцией правок издатель постепенно сходит с ума. Книга становится всё толще и толще, в нее постоянно закрадываются новые опечатки, одни персонажи

появляются, а другие исчезают. Грассе предусмотрительно пишет в типографию, чтобы там планировали выход книги на 1914 год, потому что в этом году с ней явно не справиться. А Эдуард фон Кейзерлинг, пожираемый сифилисом и предающийся воспоминаниям, этой весной скажет с тихим вздохом: «Вот если бы существовал корректурный лист — кажется, это так называется? — для прожитой жизни...»

Даже наш друг Райнер Мария Рильке не смог бы сказать красивее. Двадцать пятого марта 1913 года он сидит за своим письменным столом в Париже, на Рю Кампань. В данный момент у него нет насморка, но ему всё равно нехорошо. Он практически безостановочно работает над корректурным листом своей жизни. Иногда он поднимает взгляд и смотрится в карманное зеркальце, видит нежные волоски своей щетины и вспоминает, что у его кончается крем для бритья. И тогда он пишет придворному парикмахеру Гонселю в Мюнхен, на Одеонсплац: «Кстати, я был бы Вам очень признателен, если бы Вы прислали мне баночку крема „Mousse de Violette“, к которому я так привык». Вероятно, в эти же дни в паре кварталов от этого места в Париже Марсель Пруст записывает на корректурном листе «Поисков утраченного времени» ту самую чудесную фразу: иногда, когда тебя совсем одолела меланхолия, «можно забраться на руки к своей привычке».

Оскар Кокошка и Альма Малер, пожалуй, самая буйная любовная пара этого года, 20 марта 1913 года садятся в Вене на поезд, чтобы через Боцен и Верону добраться до Италии.

Зигмунд Фрейд и Анна Фрейд, пожалуй, самая тихая любовная пара этого года, 21 марта 1913 года садятся в Вене на поезд, чтобы через Боцен и Верону добраться до Италии.

Рихард Штраус и Гуго фон Гофмансталь, самый экстравагантный дуэт этого года, 30 марта 1913 года садятся в Вене на поезд, чтобы через Боцен и Верону добраться до Италии.

Мировой дух отправился в путь. А Вена может пока отдохнуть. Наверное.

Вот, пожалуйста: 31 марта мировой дух, несмотря на отсутствие Кокошки, Альмы, Фрейда, Рихарда Штрауса и Гофманстала, ненадолго возвращается в большой зал Венской филармонии. Арнольд Шёнберг дирижирует, или, скажем так, — пытается дирижировать, своей камерной симфонией, а также произведениями Малера и своих учеников — Альбана Берга и Антона фон Веберна. Публика в бешенстве. Такой заряд модернизма оглушает ее. Поэтому — крики, гневные тирады, свист, улюлюканье. А в довершение всего великий Арнольд Шёнберг получает оплеуху от второстепенного опереточного композитора. На следующий день в газетах пишут о «концерте затрещин». Это что, триумф новой музыки над старым вкусом? Ничего подобного. «Публика и критики сейчас настолько деградировали, что ни в коей мере не могут служить критерием, — жалуется Шёнберг. — Сегодня больше не получится поверить в себя после неудачи». То есть радикальный модернист Шёнберг рассказывает нам, что раньше всё было лучше.

Весна

Наконец-то становится теплее. Но самый красивый авиатор, к сожалению, разбивается — самая красивая авиатрисса не доглядела. А знаете ли вы, когда происходит действие фильма Трюффо «Жюль и Джим»? Разумеется, весной 1913 года, в Париже, когда цветут каштаны. Балет «Весна священная» наконец-то готов и имеет успех, но великий Игорь Стравинский сразу так заболевает, что приходится приехать его маме. Великая революционерка Роза Люксембург идет по цветущему лугу, срывает лютик и высушивает его для вечности. Жертва «весны священной», так сказать. А Рильке? Вы угадали: снова простужен, на этот раз в Бад-Риппольдзау.

Эгон Шиле — таким он видит себя, таким его нарисовала жизнь

Первого апреля, и это не шутка, Франц Кафка решает заняться регулярной прополкой сорняков у фермера Дворски из богатого предместья Праги, который выращивает кольраби. В терапевтических целях. Он хочет копать землю, чтобы выбраться из окопов у себя в голове, хочет, как он сам говорит, «вылечить неврастению». Неврастения — это было волшебное слово 1913 года, что-то среднее между СДВГ⁵ и выгоранием, настолько прекрасное размытое понятие для любых психосоматических недомоганий и нервозности, что этот диагноз ставили себе не только Кафка и Рильке, но и Роберт Музиль и Эгон Шиле — не говоря уже о всех великих и страдающих женщинах того года. В 1913 году новая болезнь получила два важных признания своего статуса: ее внесли в одиннадцатитомный справочник «Частная патология и лечение внутренних болезней». А еще ее увековечили в «Симплиссимусе», главном журнале современной сатиры, в бессмертных строках: «Не спеши, не гони, а то ждет неврастения».

Итак, пока неврастеник Кафка окапывает грядки для легендарной капусты кольраби Дворского (Кафка с лопатой, какой сюрреализм) и пишет своей берлинской пассии Фелиции Бауэр о том, как он в одной рубашке копал глинистую землю под морозящим дождем, она познакомилась на ярмарке канцтоваров во Франкфурте-на-Майне со своей будущей закадычной подругой Гретой Блох. В том же году, когда Кафка уже давно уволится от овощевода, а Фелиция приблизится на опасную дистанцию, Кафка будет писать Грете чуть ли не более интимные письма, чем Фелиции, будет жаловаться ей на плохие зубы своей берлинской невесты и фантазировать о любви втроем. В его дневнике есть запись: «Мечтания по поводу Бл.». Грета показывает Фелиции странные письма, та разрывает помолвку с Кафкой, то есть свои «Кошмары по поводу К.». Спустя девять месяцев у Греты Блох родится внебрачный сын. Макс Брод, ближайший пражский друг Кафки, утверждал, что отцом ребенка был Кафка. Ему до сих пор никто не верит. Когда Кафка в последний раз увиделся с Фелицией,

он впервые в жизни разрыдался. Это тоже утверждает Макс Брод. И все ему верят.

Первого апреля, и это тоже не шутка, Марсель Дюшан бросает живопись и поступает библиотекарем в библиотеку Святой Женевьевы. На улице пригревает солнце, зеленеют платаны на набережной Сены, а Дюшан сидит в потемках за столом, а когда никто не приходит за книгами, то он часами читает своего нового любимого философа — Пиррона, мыслителя из окружения Александра Македонского. Пиррон был, как известно, основателем древнейшей школы скептицизма. В раннее Новое время имя Пиррона начали использовать как синоним любых сомнений. В позднее Новое время уже имя Марселя Дюшана начали использовать как синоним любых сомнений.

Пятого апреля в Копенгагене Нильс Бор идет к почтовому ящику. Он отправляет свою статью «О строении атомов и молекул» в английский журнал «Philosophical Magazine and Journal of Science», и ее публикуют в ближайшем номере. Этот текст — один из мифов, лежащих в основании модерна. «Боровская модель атома» принципиально изменила взгляд людей на микромир, уникальная наглядность его моделей сделала невидимое осязаемым. Каким образом, звучал вопрос, атомы формируют окружающую нас материю и как они удерживают ее в стабильном состоянии? Одновременно с Марселем Прустом Нильс Бор разложил мир на мельчайшие элементы — и точно так же, как Пруст, точно таким же способом сумел объяснить стабильность материи. Но с естественнонаучной точки зрения. И с философской тоже: он показывает, что нужно сначала изобрести атом, чтобы понять его. В ходе многолетних экспериментов Бор обнаружил, к собственному изумлению, что та форма, которую, судя по всему, имеют атомы, не вписывается в известные нам законы физики. И он сделал смелый вывод: получается, нужно изменить законы физики. Бор предположил, что атом не может отдавать энергию, а только принимать, чтобы перейти в возбужденное состояние, из которого он может вернуться в исходное состояние только с помощью

квантового скачка. В таком возбужденном состоянии 5 апреля 1913 года начинается атомная эпоха.

Пятого апреля проходит премьера произведения Эрика Сати «Подлинные дряблые прелюдии (для собаки)». Чтобы публика правильно реагировала, композитор в день премьеры публикует в программке концерта специальные инструкции: «В своих новых сочинениях я полностью предаюсь сладостным радостям фантазии. А тех, кто этого не понимает, я настоятельно прошу просто внимать звукам рояля, тихо и почтительно. Подчинитесь, пожалуйста, музыке с полной самоотверженностью. Это ваша истинная роль». То есть авангард просит широкую публику, как и Арнольд Шёнберг двумя неделями ранее, не мешаться под ногами.

Шестого апреля Лу Андреас-Саломе в последний раз мешает спокойному ходу семинара Зигмунда Фрейда в Вене. Ну, на самом деле не мешает, а устаивает своим вниманием. Фрейд дарит ей на прощание букет свежих роз. Господа среднего возраста очарованы невероятно умной гостьей. А Лу Андреас-Саломе знает, что общение с Фрейдом в Вене станет поворотным пунктом в ее жизни, о чем вечером делает запись в своем дневнике. Уже летом она выступит в Берлине с большим докладом на психоаналитическом конгрессе, затем откроет свою практику в Гёттингене. А в конце лета, этого она пока не знает (в отличие от нас), у нее перед дверью опять будет стоять Райнер Мария Рильке. Ничего удивительного, она же так многозначительно писала ему, что его тапочки до сих пор стоят в прихожей и ждут, когда в них окажутся его ноги. Это была не оговорка по Фрейду, а настоящий запрос по Фрейду. И Рильке, герой мягких тапочек, относительно быстро сообразил, что к чему.

Отправимся теперь к Коко Шанель в Париж. Она живет с Боем Кэйпелом, англичанином, который обладает безупречными манерами, большими финансовыми успехами и которого она горячо и преданно

любит. В один прекрасный день она объявила ему, что хочет делать шляпы. Причем такие шляпы, которые можно носить, а не те вагонные колеса, что она видела иногда на скачках, на которые ее брал с собой Бой Кэйпел. Коко Шанель сняла две комнаты на Рю Камбон, второй этаж, на двери была надпись «Chanel modes». Бой Кэйпел, ее заботливый друг, внес за нее залог в банк Ллойда. Прошел год, было продано множество шляп, и Коко Шанель выкупила этот залог. А Бой Кэйпел подкручивал свой ус и слегка меланхолично говорил: «Я думал, что дарю тебе игрушку, а на самом деле я подарил тебе свободу». Уже в июне 1913 года Коко Шанель открыла первый филиал — на аристократическом морском курорте Довиль. Сначала дамы заходили в магазин только посмотреть и поругать товар. Но вот первая купила простое трикотажное платье и простую шляпку — и было видно, что она наслаждается их легкостью и простотой. Другие женщины на променаде немедленно начали завидовать этой странной смеси удобства и элегантности и на следующее утро стояли у дверей магазина. К концу лета весь товар в бутике был распродан. А Коко Шанель сказала: «Я вернула женскому телу свободу».

Редакция «Готы», справочника аристократических родов в Германии, в восемьдесят шестом издании за 1913 год чувствует себя обязанной предупредить подписчиков: «Мы хотим подчеркнуть, что мы не можем скрывать генеалогическую информацию, неудобную какой-либо семье или отдельному человеку (даты бракосочетаний, рождений, а особенно разводов)». Иногда в скобках кроются самые важные изменения в менталитете людей.

После того, как в начале года Джакомо Пуччини гнусно отказался от вызова на дуэль, барон Арнольд фон Штенгель обратился к более современному оружию. Девятого апреля он официально разводится в мюнхенском суде, причина — «вина жены». И никто с ним не спорил, даже упомянутая жена. Йозефина фон Штенгель была на тридцать лет младше Пуччини, когда увлеклась композитором — судя по

всему, в 1912 году. Она была уже пять лет замужем и у нее было две дочери, когда Пуччини соблазнил ее. Это был лютый ловелас с богатой сексуальной биографией, еще и с бесноватой женой по имени Эльвира, которая ложными обвинениями вогнала в гроб служанку Дорию Манфреди — наверное, единственную женщину в окружении Пуччини, у которой с ним ничего такого не было.

Всё это не помешало Пуччини страстно влюбиться в Йозефину фон Штенгель. Он поехал с ней в Байройт, потом в Карлсбад, в Виареджо — классический Grand Tour d'Amour, не очень классическим было только то обстоятельство, что оба участника были связаны узами брака. А когда Йозефина наконец развелась (для себя Пуччини счел это излишним), Пуччини немедленно поехал к ней и вскоре представил своему другу Габриэле д'Аннунцио. Он хочет построить для нее дом в Виареджо, но скоро влюбляется снова, а Йозефина фон Штенгель останется несчастной и умрет в Виареджо через тринадцать лет. К сожалению, ее дочери выполнили завещание матери и уничтожили все письма Пуччини к ней. Так что у нас осталась только морская моторная яхта с красивым названием «Чио-Чио-Сан» и встроенным фортепиано, которую он посвятил ей и которая осталась свидетельством этой необычной любви.

Ислам — часть Германии⁶. «Проблемные» сигареты марки «Moslem» были в 1913 году самыми популярными в стране (да, можете мне поверить).

Одиннадцатого апреля Альфред Керр в журнале «Пан» смеется над тем, что брат Томаса Манна и бабушка его жены написали положительные рецензии на «Смерть в Венеции». В тексте Керра воображаемый Томас Манн рассказывает о пользе «родственных рецензий» и так толкует суть «Смерти в Венеции»: «Главное, что страсть мужчины к мальчику стала приемлемой для образованного среднего

6 Отсылка к спору канцлера Германии Ангелы Меркель и министра внутренних дел Хорста Зеехофера о том, является ли ислам частью Германии.

класса». В те же дни Альфред Керр сочинил насмешливую и злую автобиографию Томаса Манна из нескольких строк, под названием «Томас Боденбрух»⁷: «Всегда гордился и хвалился / тем, что предок разорился. / Я не пишу — я копаюсь. / Я не мечтаю — ковыряюсь».

Париж, апрель 1913 года. Дневник графа Гарри Кесслера просто переполнен светской современностью. Постоянные полуночные ужины в ресторане «Ларю» с Мисей Серт, бывшей любимой натурщицей импрессионистов, ныне покровительницей модернизма, с Дягилевым, его любовником Нижинским и половиной участников «Русских сезонов», с Жаном Кокто, Андре Жидом, а иногда даже с Марселем Прустом — после того, как тот три раза письменно отказал, а два раза почти согласился. Кесслера почти затянула искрящаяся энергия Парижа, нечего и думать о запланированном эссе о Рихарде Демеле, и он пишет сестре: «Я был в движении каждый день с 11 дня до 3 часов ночи. Я совершенно не в состоянии дать тебе какое-то связанное описание этих дней». А нам повезло, что потом Кесслер, переутомленный такой насыщенной жизнью и неспособный написать связный текст, сконцентрировался на ведении дневника.

Двенадцатого апреля огромное изображение льва кисти Делакруа «Лев, пожирающий лошадь» оказывается в настоящей пещере льва: в доме Юлиуса Мейер-Грефе в Николасзее на окраине Берлина, у того человека, который как никто другой (не считая графа Гарри Кесслера) изо всех сил старался привить немцам любовь к французскому искусству, к *savoir-vivre*, к стилю жизни заклятых врагов. Мы должны быть счастливы, что на свете есть французы, ежедневно вдвдбливал Мейер-Грефе своим недоверчивым соплеменникам. Славно прорычал, лев!⁸ Но будет ли прок?

7 «Боденбрух» (букв. «размыв почвы») — искаженная фамилия Будденброк из романа Томаса Манна «Будденброки. История гибели одного семейства».

8 «Gut gebrüllt, Löwe!» — название популярной детской книги Макса Крузе. Изначально — цитата из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

В галерее Бруно Кассирера демонстрируется гигантская частная коллекция Готлиба Фридриха Ребера из Вупперталя, одно из крупнейших собраний французского искусства за пределами Франции: двенадцать полотен Поля Сезанна, важнейшие работы Мане, Ренуара, Курбе, Дега, Коро и Домье, сегодня их общая стоимость составила бы полмиллиарда. Уважаемый критик Макс Осборн лаконично отмечает в этой связи в газете «V. Z. am Mittag»: «Откровенного говоря, меня злит тот факт, что немецкий коллекционер вкладывает значительные средства и собирает галерею, в которой нет почти ни одной немецкой картины. Я категорически протестую против такого неуважения». А Фриц Шталь пишет в «Berliner Tageblatt»: «Не хочу сразу вменять в вину господину Ребера бросающийся в глаза факт, что в его коллекции, собранной немцем, нет практически ни одного произведения современных немецких художников. Но если выяснится, что это не личная особенность, а типичная черта „нового“ коллекционера, то придется не только возмутиться, но и жестко осудить такое явление». Я читаю это и с горечью понимаю, что в начале 1913 года гонка вооружений шла полным ходом не только в армии.

Август Бебель, видный старый социал-демократ, зовет своих социал-демократических друзей из Берлина и Парижа встретиться на Трицу в нейтральном Берне на «Германо-французской конференции взаимопонимания». Там он выступает со своей последней большой речью и повторяет свой настоятельный призыв: «Мир будет вооружаться до тех пор, пока одна из сторон не скажет: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. И тогда произойдет катастрофа. В Европе забьют в барабаны, и от 16 до 18 миллионов мужчин, цвет различных наций, отправятся на поле боя как враги, вооруженные лучшими орудиями убийства».

Француз и немец в расцвете сил гуляют в эти весенние дни вдоль Сены. Они заходят в кафе, потом садятся снаружи, на солнце, выпивают по бокалу розового, потом еще по одному, и еще. Они делятся всем, даже

своими подругами (например, это были парижская художница Мари Лорансен и бешеная мюнхенская графиня Франциска цу Ревентлов), тем более делятся своими впечатлениями, но на этот раз, говорит берлинец Франц Гессель своему парижскому другу Анри-Пьеру Роше, на этот раз он просит друга не заглядываться на его новую подругу. В этот раз, мол, совсем другое дело. В этот раз, кажется, любовь или что-то вроде того, эта Хелен Грунд, художница из Берлина, я хочу жениться на ней, tu comprends? Oui, oui, отвечает Анри-Пьер Роше, закуривает и пускает дым маленькими колечками, только у него получается такое чистое рококо из дыма. Проходит несколько дней, светит солнце, они вместе с общим другом Танкмаром фон Мюнхгаузеном устраивают мальчишник на Монпарнасе. Разумеется, через несколько лет сначала у Анри-Пьер Роше, а потом у Танкмара фон Мюнхгаузена будут романы с женой Франца Гесселя.

Вот только что небо было еще голубое. А теперь появились тучи, они прилетели издалека. На горизонте их первые предвестники, потом они приближаются, их становится больше, они уже у нас над головами. Одно облако зависает. Не двигается с места. Люди смотрят вверх. Сначала с любопытством, потом растерянно. Сначала облако было белым. А теперь становится серым. И не двигается. Собирается всё больше народу, они смотрят вверх, на подозрительно неподвижное облако. И тогда выходит Мартин Бранденбург, единственный художник, которого любил Томас Манн, и рисует эту тучу. А люди под ней «все придавлены тучей, и все воспринимают это давление в зависимости от темперамента: по-детски, равнодушно, беспомощно, недовольно или возмущенно», так потом написал журнал «Kunst und Künstler». Бранденбург назвал свою странную картину «Люди под тучей». А когда он поднял взгляд, тучу уже унес ветер.

Палеонтологическая экспедиция из Берлина находит в Тендагуру (Германская Восточная Африка) самый большой скелет динозавра в мире. *Brachiosaurus brancai*, названный в честь директора берлинского

музея Вильгельма фон Бранки, высотой примерно 12 метров и длиной 23 метра, приказал долго жить примерно 150 миллионов лет назад. Приказал долго жить динозавр, а не профессор Бранка, у того в 1913 году пока всё было хорошо. Брахиозавр был веганом и съедал за день тонну зелени, у него имелась супердлинная шея, чтобы засовывать голову прямо в кроны деревьев. После проведения раскопок африканские рабочие доставили тысячи фрагментов скелета в портовый город Линди — то есть шли пешком невероятные 60 километров под палящим солнцем. Так и сам костей не соберешь. Из Линди скелет отправился на корабле в Дар-эс-Салам и далее в Гамбург, а потом по железной дороге в Берлин, и там в музее естествознания его заново собрали, как гигантский пазл. Эта работа завершится только в 1937 году. Но что такое двадцать четыре года для зверя, который вот уже 150 миллионов лет как мертв? К тому же в берлинских музеях всегда считали, что спешка хороша только при ловле блох.

В Париже в этом апреле выходит сборник стихов Гийома Аполлинера «Alcools». Автор полностью отказался от пунктуации. Но не отказался от эмоций и провокаций. Критики возопили. Аполлинер вопил в ответ. Обиженные критики вызывали его на дуэль, потому что была задета их честь. Но у Аполлинера не было времени на такие затеи. Ему нужно было писать стихи.

В начале апреля к Василию Кандинскому приезжает мама. Она беспокоится из-за того, что ее красивый и сильный сын стал таким абстрактным. Она убеждена, что это из-за той новой женщины. И вот она прибыла из Одессы в Мюнхен, чтобы проверить состояние дел. Кандинский и Мюнтер встречают Лидию, так зовут маму, на вокзале и сразу же отправляются в Мурнау, в их чудесный дом на склоне горы. Мама сидит в саду в кресле, а Кандинский в кожаных штанах и народной жилетке копает огород. Он сажает подсолнухи, и солнце смеется. Есть фотографии из тех апрельских дней, Кандинский на них стоит прямо, как столб, рядом с матерью, а та, в черном платье,

с недовольным видом сидит на стуле, и непонятно — то ли у нее всегда такой вид, то ли это связано с тем, что она вынуждена смотреть в глаза фотографу, подруге ее сыночка Габриэле Мюнтер. Вернувшись в Мюнхен, 12 апреля они снова фотографируются: Кандинский с бородой и серьезным взглядом, перед полкой с безделушками и ужасными настенными часами, потом Кандинский сам берет фотоаппарат и снимает Мюнтер, которая выглядит мрачнее тучи, ставит ее рядом с полкой, на ней искусственные цветы и аляповатая фарфоровая мисочка, стены темные, завешанные крестами и народными промыслами. Такова была квартира на Айнмиллерштрассе, 36 — тесная, почти безвкусная, темная, но именно тут, в этих интерьерях встала яркая заря абстрактного искусства. Мама тоже сидит тут и там на фотографиях, в той же черной одежде, всё такая же серьезная, строгая, с пристальным взглядом, бормочущая себе под нос по-русски: «Что я тут делаю?» Мама тогда потребовала встречи не только с подругой Кандинского, но и с его бывшей женой Аней. И вот они прошли несколько кварталов к Ане, которая была еще и двоюродной сестрой Василия (он развелся с ней в 1904 году). Забавно, что Габриэла Мюнтер фотографирует и там: теперь у всех угрюмый и растерянный вид, и у мамы (которая тут еще и тетя), и у сына. Только Аня в центре композиции задорно теребит свой воротник и готова рассмеяться над этой сюрреалистической сценой у себя в квартире, она явно довольна тем, что вышла из этих сложных отношений матери и сына, и к недовольной Габриэле с фотоаппаратом она, кажется, не очень ревнует. Кандинский как-то растерянно и напряженно трогает себя за бороду. Снято.

Энрико Карузо, голос столетия, очень сильно растолстел после того, как его жена Ада сбежала с шофером, с этим засаленным Чезаре Ромати. Бракоразводный процесс прошлой осенью в Милане стал для Карузо ужасным испытанием, пресса всего мира пересказывала сотню свидетельских показаний, которые в течение четырех дней озвучивали самые дикие теории о семейной жизни супругов Карузо. Ада твердо стояла на том, что ей пришлось соблазнить шофера для защиты

Карузо, потому что шофера на самом деле подослала мафия, чтобы тот убил певца. И только посредством интенсивной любовной связи она смогла удержать его от этого. Даже итальянские судьи не поверили в такую ахиною и приговорили Аду с ее шофером к году тюрьмы за клевету, ложные показания и попытку повлиять на свидетелей.

Карузо после этого сбрил усы, несколько раз в день ходил в рестораны и менял любовниц как перчатки. Одной из них была юная Эльза Ганнелли, продавщица из Милана, с которой он (Зигмунд Фрейд потирает руки) познакомился, когда покупал галстук. Он взял ее с собой на гастроли в Берлин, разместил в пафосном отеле «Бристоль» и однажды вечером, после успешного представления, выпил слишком много и обручился с ней. Спустя два дня он выступает в Бремене и отправляет оттуда испуганную телеграмму: «Женитьба невозможна. Постоянные гастроли вынуждают меня расторгнуть помолвку. Давайте забудем всё случившееся». Да, это был бы для него идеальный вариант. Конечно же, ничего не вышло. Эльза Ганнелли привлекла его к суду, она пожелала получить компенсацию за свое разбитое сердце. И что же Карузо? Он заплатил. На всех нервов не хватит. А потом все хотели послушать Канио⁹ в его исполнении! Этого брошенного, состарившегося любовника, плод фантазии Леонкавалло. «Это не моя любимая роль», — упрямо повторяет Карузо в интервью журналисту «The New York Times».

За несколько недель нью-йоркских гастролей он еще сильнее растолстел, он слишком часто ходит в «Ristorante del Pezzo», не только ради тирамису, но и для того, чтобы окунуться в итальянские речитативы поваров и официантов. Разумеется, как истинный неаполитанец Карузо был романтиком без страха и упрека. Как безумный, он много месяцев колесит с гастролями по миру, в паническом страхе потерять голос — и каждый вечер изо всех сил вредит ему. Из Нью-Йорка он едет в Лондон, публика рукоплещет его ариям в «Аиде», «Тоске» и «Богеме». А ведь англичане — дотошный народ, и вот британский

ученый Уильям Ллойд исследует сердце и почки певца. Он хочет открыть тайну голоса Карузо. Результат: его кости вибрируют сильнее, чем кости других людей, а расстояние между зубами и голосовыми связками больше обычного. Двадцать третьего декабря в Филадельфии Карузо показал, какие возможности он получает благодаря этому. У его партнера по опере «Богема», баса Андреса де Сегуролы, из-за простуды сел голос, и тогда Карузо в четвертом действии подменил его, то есть тенор исполнил партию баса — а публика ничего не заметила и неистово аплодировала. Наверное, за этот вечер расстояние между его зубами и голосовыми связками еще немножко увеличилось.

Четырнадцатого апреля во Франкфурте-на-Майне арестован один из самых знаменитых безумцев 1913 года — Карл Гопф. Он несколько месяцев давал своей жене Валли напитки с мышьяком, обмазывал ее белье смертельными ядами — а потом самоотверженно ухаживал за ней, делал компрессы, пока она металась на их супружеской постели в горячечном поту. Но Валли выжила. Единственная. До нее Карл Гопф успел отправить на тот свет своих родителей, детей и прежних жен. Но никто его не заподозрил. Потому что Карл Гопф был уважаемый гражданин, торговец фуражом, заводчик сенбернаров, артист варьете и искусный фехтовальщик. А еще и ученый. У него часто умирали молодые сенбернары, и он в своей лаборатории пытается создать средство от чумки. Он заказывает себе бланки с надписью «Бактериологическая лаборатория Гопфа». Звучит серьезно. А из одного венского института ему присылают острозаразные штаммы бактерий холеры и тифа. Однажды Гопф пожаловался в письме, адресованном в этот институт, что «на людей они действуют очень слабо», но подозрений не вызвал. Сотрудница института прочитала «на лошадей», а не «на людей». Но когда скоропостижно умерли его третья¹⁰ жена и третий¹¹ ребенок, тут уже возникли первые сомнения; впрочем, уважаемый гражданин Гопф сумел их рассеять,

10 На самом деле вторая.

11 Второй.

а прокуратура Висбадена закрыла дело. Гопф дарит свою коллекцию собачьих черепов Зенкенбергскому музею во Франкфурте, и в его честь устраивают торжественное собрание.

После этого Гопф сосредоточился на фехтовании саблей (все собаки уже умерли, жены и дети тоже, так что у него снова появилось свободное время). Но на этом много не заработаешь. И вот он банкрот. Тут, к счастью, умирает мама и оставляет ему большое состояние. В 1912 году Гопф женится в третий раз, на австрийке Валли Сивич. Вскоре она заболевает. Домработницу, уборщицу и сиделку тоже внезапные судороги приковывают к постели. Лечащий врач тронут тем, как самоотверженно Гопф ухаживает за этими женщинами. Но потом заболевает и сам врач, вместо него приходит другой — и сразу же отправляет Валли в больницу с симптомами отравления. Милый злодей Гопф каждый день приносит ей цветы — потом судмедэксперты найдут на каждой цветке бактерии тифа. Но Валли устоит и под этой атакой. Когда адвокат второй жены Гопфа услышал о том, что следующая жена тоже лежит в больнице с симптомами отравления, он отправился в полицию. Четырнадцатого апреля Гопф арестован у себя дома. Полицейские застают его прямо на адской кухне — и вскоре судмедэксперты обнаруживают высокое содержание мышьяка в эксгумированных телах его отца, матери, первых двух жен и всех детей. Карла Гопфа приговаривают к смерти. Потому что он сам смертельно опасен. В день исполнения приговора он с проклятиями прогоняет священника и жалуется на то, что последний обед был подан остывшим. В тюрьме Франкфурт-Пройнгесхайм падает нож гильотины. Чик.

Тринадцатого апреля 1913 года Райнер Мария Рильке сидит за письменным столом в Париже на Рю Кампань. Разумеется, сегодня ему опять плохо. Он смотрится в карманное зеркальце, долго, очень долго. Сам пугается, как глубоки его глаза. Берет ручку, макает в чернильницу и пишет последние строки своего стихотворения «Нарцисс»: «Я сам тону в своем взгляде, и я готов подумать, что я смертельно опасен».

На следующий день в Берлине было основано Немецкое общество спасения жизни, *DLRG*, занимающееся спасением людей на водах.

Девятнадцатого апреля 1913 года происходит страшное несчастье: Айседора Дункан, самая прославленная танцовщица своего времени, хочет немного отдохнуть в шезлонге (так мне представляется, по крайней мере) и отправляет няню с детьми поиграть в парк. И чтобы надели куртки, никаких разговоров, мама не хочет, чтобы дети простудились. Поцеловать обоих и всё, пока, *au revoir!* Поехали. Шофер приглашает садиться, но двигатель барахлит, и он выходит посмотреть, в чем дело. Проблема в том, что он забыл затянуть ручной тормоз. Машина катится под откос, пробивает решетку на набережной Сены, падает в воду, и уже не спасти почти трехлетнего Патрика, сына Дункан от американца Париса Зингера (наследника фирмы по производству швейных машин), и шестилетнюю Дейдре, дочь от Эдварда Гордона Крэга. В этот день жизнь Айседоры Дункан навсегда погрузилась в слезы.

Тем временем бежавшие из Вены Альма Малер и Оскар Кокошка добрались до Неаполя. Это единственный город, соответствующий их отношениям: переполненный, чувственный, хаотичный, всё на грани дозволенного. В один прекрасный день они садятся на паром и едут на Капри, остров мечты. К голубому гроту. К Максиму Горькому, к безумному Дифенбаху и его гарему. Они селятся на вилле «Монаконе», в странном доме, в котором всегда жили фантазеры и революционеры, как раз подходящее место. Они любят друг друга, гуляют по острову, срывают лимоны и лежат в траве, над ними кружат чайки. Кокошка, этот простой мужик, ест в портовых тавернах, потому что только там достаточно большие порции, а Альма танцует полуобнаженной на тропинках, пока красное солнце погружается в море. По ночам, когда Альма спит, он расписывает светлые стены фресками, чтобы удивить ее — дикие фантазии, сладкие сны, смелые цвета. Альма каждый раз счастлива, когда утром, в легкой ночной рубашке, вместе с голым и гордым

Оскар рассматривает плоды его ночной работы. Но в какой-то момент эта южная сказка закончилась, и им пришлось вернуться в венскую чертовщину. А рыбак Чиро Спадаро, хозяин дома, после отъезда странной пары из Австрии соскоблил все фрески и заново побелил стены. Чиро Спадаро не был большим поклонником экспрессионизма. Зато спустя несколько десятилетий один из сыновей Чиро Спадаро, Антонио, станет любовником Моники, дочери Томаса Манна, которая тоже жила в этом доме с белеными стенами.

Пятилетняя Астрид Линдгрэн играет в саду за родительским домом на хуторе Нес под Виммербу. «Там замечательно быть ребенком, там было и спокойствие, и свобода», — скажет она потом.

Мата Хари, легендарная танцовщица и куртизанка, в качестве шпионки немецких спецслужб даже в обнаженном виде будет носить вызывающе бесчувственное имя Н-21. А в апреле 1913 года она едет в Берлин. У нее за плечами великолепный период в Париже, а теперь она ищет новые поручения или новых любовников. На Унтер-ден-Линден она видит проезжающего мимо на коне кронпринца и влюбляется в него без памяти. Она отправляет ему официальное письмо, в котором просит у «его высокоблагородия» разрешения исполнить для него в Берлинском городском дворце яванские уличные и индусские храмовые танцы. То есть был почти создан Форум Гумбольдта¹²: культуры мира еще в 1913 году могли играючи познакомиться друг с другом! Но, к сожалению, просьба Маты Хари не была удовлетворена, и ей пришлось уехать с пустыми руками.

«Нет, так не пойдет», — сказал Игорь Стравинский, щурия глаза за толстыми стеклами очков. «Что не пойдет?» — спросил Габриэль Астрюк,

12

Музейно-выставочный комплекс в центре Берлина возводится на месте бывшего королевского дворца, сооруженного в XVI столетии и снесенного властями ГДР в 1950 году. В культурном центре расположатся в основном неевропейские этнографические коллекции.

гордо демонстрировавший Стравинскому роскошное новое здание Театра Елисейских полей, в котором только что завершились строительные работы. Стравинский пригладил рукой зачесанные назад, смазанные желатином волосы и проскрипел: «Оркестровая яма слишком мала, если вы ее не увеличите, то тут не получится устроить премьеру „Весны священной“, мне нужно место для восьмидесяти четырех музыкантов». У Астриюка перехватило дыхание, он попробовал спорить, сказал, что эту железобетонную конструкцию только на днях закончили и в ней есть место для восьмидесяти музыкантов, но Стравинскому было всё равно. Ему было нужно место для восьмидесяти четырех музыкантов. И вот в тот же день рабочих вернули в театр, застучали отбойные молотки, зажглись газовые горелки, чтобы сделать невозможное — дать место восьмидесяти четырем музыкантам в слишком тесной оркестровой яме. Оглушительный шум заполнил огромный зрительный зал. До премьеры, запланированной на 29 мая, оставался всего месяц, и нервы Стравинского и Астриюка были на пределе.

Двадцатого апреля гренландская экспедиция Альфреда Вегенера выходит из базового лагеря на леднике Сторстроммен и отправляется в путь через остров. По-прежнему метет метель. Но четыре исследователя всё равно грузят свою лабораторию и провиант на оставшихся четырех исландских лошадок — остальные к этому моменту либо сбежали, либо были убиты во время зимовки. Собака с лаем бежит вокруг маленького каравана, который мужественно пробирается на запад через льды протяженностью 1200 километров. Седьмого мая они достигают края высокогорных льдов. Замерзший, смертельно уставший и в то же время воодушевленный великий полярный исследователь Альфред Вегенер у себя в палатке превращается в большого поэта: «Мы пришли в огромную, белую пустыню посреди самой абсолютной, самой безжизненной пустыни, что носит на себе земля, — записал он в дневнике — Подобно морскому простору расстилалась перед нами белая равнина, почти ровным кругом касаясь неба. Расщелины, пробитые во льду ветром, идут по снежной поверхности

бесконечными рядами, как морские валы. Длинные гибкие сани танцевали на них, как быстрые парусники на волнах. Есть только синее небо и белый снег. Кажется, других достопримечательностей, вроде облаков, местная природа не может себе позволить».

Кажется, что местная природа занята в основном тем, чтобы провести этот странный экспедиционный караван через святая святых. Кажется, снежные боги таких гостей не ждали. Двадцать первого мая термометр показывает ночью минус тридцать один, а в два часа дня, когда солнце поднимается выше всего, — минус двадцать. Вечная мерзлота. Кончик носа отморозен, кожа лица, как пишет Вегенер, свисает клочьями. Вечером обессиленный Вегенер записывает в дневнике, что может думать только о двух вещах: о совместной жизни с далекой невестой Эльзой и о том, что будет сегодня на ужин. «Стоит заметить: первая тема доминирует обычно после еды, а вторая до. Мне не хватает смелости, а то бы я написал на эти темы два таких трактата, по сравнению с которыми „Возникновение континентов“⁴ показалось бы сочинением гимназиста». Двадцать восьмого мая в его записях появляется отчаяние: «Мы по-прежнему не знаем, доберется ли кто-то из нас живым до западного побережья». Лошади ослабели, одну за одной их приходится пристреливать из милосердия и самим тащить тяжелый груз по льду на тяжелых санях, по 12–13 километров в день. Всё лишнее они выбрасывают: инструменты, ящики, запасные курительные трубки — табак всё равно кончился. Четвертого июня, на высоте 2700 метров, пришлось застрелить любимую исландскую лошадь по кличке Дама, которая упала от изнеможения и не могла продолжать путь. И тут, откуда ни возьмись, появился воробей и начал чирикать, летая над караваном.

1913 год неразрывно связывает XIX век с XX веком. И нет ничего удивительного в том, что 29 апреля 1913 года Гидеон Сундбек получает патент на застежку-молнию. Две полоски ткани с маленькими зубцами по краю и с бегунком, соединяющим зубцы. Курт Тухольский констатирует: «Никто не понимает, как работает молния, но она работает».

В числе самых красивых и отчаянных женщин этого года, столь богатого на красивых и отчаянных женщин, загадочная княгиня Евгения Шаховская. Дальняя родственница царя Николая II (но это не точно), но в первую очередь женщина, любящая жизнь и риск (это точно). В 1907 году она в возрасте восемнадцати лет уходит от своего мужа-князя и детей, чтобы присоединиться к кружку секс-гуру Распутина, в котором она носит костюм медсестры. Увидевшие ее мужчины действительно штабелями валятся в обморок либо налетают на дверные косяки и требуют реанимационных манипуляций. У нее короткие темные локоны, inferнальные брови и, самое главное, сверкающие глаза, пылающие черными точками на всех черно-белых фотографиях. Еще в Петербурге княгиня заинтересовалась авиацией, пресытившись участием в автогонках и стрельбой, которой владела мастерски. Вскоре она приехала в Берлин и 16 августа 1912 года получила в Йоханнистале немецкий диплом летчика, один из двухсот семидесяти четырех выданных в Германии к тому моменту, а заодно околдовала город и его мужчин своим бесстрашием (и жизнелюбием). Когда однажды во время полета взорвался бензобак и заглох двигатель, она сумела посадить огненный шар, недавно бывший самолетом, — невредимая, отделавшись парой ссадин на лице. Шаховская искала новых приключений. Она предложила свои услуги итальянской армии и вызвалась выполнять разведывательные полеты на итало-турецкой войне, но не вписалась в итальянские представления о женщинах, бытовавшие в 1913 году. Потом на аэродроме Йоханнистала она влюбилась во Всеволода Михайловича Абрамовича, одессита двадцати трех лет, с короткими волосами и длинным именем, который был летчиком-испытателем в немецком филиале фирмы братьев Райт — «Flugmaschinen Wright». Абрамович, смелый, меланхоличный и молчаливый человек, был некоронованным королем среди авиаторов Йоханнистала. Он летал в Санкт-Петербург на аэропланах собственной конструкции и стремился всё выше и выше в небо. Он установил два рекорда: поднялся на высоту 2100 метров, а также продержался в воздухе 46 минут и 57 секунд

с четырьмя пассажирами. Что может случиться с таким непотопляемым человеком? Любовь.

Двадцать четвертого апреля, в 6:43 утра, Абрамович со своей возлюбленной, княгиней Евгенией Шаховской, садятся в ее аэроплан. Солнце только что встало. Начинается прекрасный, безветренный весенний день. Взлетать можно только при условии, что развернутый платок упадет ровно, не смятый ветром. И платок остается нетронутым. Вот он лежит у их ног.

Они целуются, и полет начинается. Они целуются снова, Абрамович передает возлюбленной штурвал биплана, гладит ей щеки, она на сотую долю секунды теряет концентрацию — и попадает в турбулентность пролетевшего над ней самолета. Аэроплан начинает раскачиваться, княгине не удается выровнять его положение, Абрамович пытается помочь, но они всё равно падают на землю. Зрители на аэродроме в ужасе наблюдают за их крушением. Чудовищный удар, люди с криками спешат к месту падения. Истекающий кровью Абрамович лежит среди обломков аэроплана. Его ранения окажутся смертельными. А княгиня и на этот раз отделалась парой ссадин. Но когда на следующий день она узнаёт о смерти возлюбленного, то пытается покончить с собой. Это единственное, что у нее не получилось в жизни.

Кстати, тот самолет, что пролетел над влюбленными и создал роковую турбулентность, принадлежал еще одной необычной женщине, которая наводила шороху на аэродроме в Йоханнистале — Амели Беезе, которая недавно вышла замуж и получила фамилию Бутар, как мы помним. Ее летное общество называлось «Ad astra». К звездам. В данном случае именно легендарному Всеволоду Абрамовичу пришлось убедиться в том, что летчик может попасть к звездам только «per aspera», то есть через крушение.

Двадцать пятого апреля молодой депутат Рейхстага Густав Штреземан основывает в Берлине «Картель производящих сословий», объединение центрального союза промышленности и союза коммерсантов

среднего уровня. В берлинской прессе это объединение с первого же дня стали называть «картелем загребуших рук».

В тот же день 25 апреля Роза Люксембург публикует в издательстве «Vorwärts» свой боевой памфлет «Накопление капитала». И пусть кто-то скажет, что у Бога нет чувства юмора.

Тридцатого апреля в Мюнхене цензура по соображениям приличий запрещает постановку пьесы «Лулу» Франка Ведекинда. Против такого решения мюнхенского цензурного ведомства протестует его новый член Томас Манн.

Эгон Шиле, которому всего двадцать три года, по-прежнему страстно увлечен Валли Нойциль, своей рыжей подругой, которой исполнилось-таки восемнадцать. В начале мая они едут в городок Мария-Лаахам-Яуэрлинг и вместе регистрируются в книге записи постояльцев гостиницы «Белая роза». В книге Шиле быстро набрасывает карандашом свой знаменитый автопортрет. Ниже головы, там, где обычно находится тело, написано «Wally Neuzil». Тоже своего рода объяснение в любви. Вскоре, вернувшись в Вену, Шиле собственноручно заполняет регистрационный формуляр для Валли: его подпись подтверждает, что она теперь проживает на Фельдмюльгассе, 3, в тринадцатом округе. Ну да, она там зарегистрирована, а живет она, разумеется, у него, на Хитцингер-Хауптштрассе, 101, в его мастерской.

И создал Бог Еву. Я тоже могу, подумал Пикассо, и начал создавать свою Еву. Раньше эту красавицу звали Марсель Умбер, но Пикассо хотел убедить ее в том, что она первая женщина, которую он действительно любит (на самом деле она могла бы иметь примерно номер 101). А себе Пикассо взял роли Адама, змея и творца. Новое, непривычное триединство, вызвавшее к жизни (и к греху) Еву. Впрочем, Пикассо был вынужден переименовать ее в Еву хотя бы потому, что Жорж Брак, его извечный соперник в деле кубистского преломления реальности, по дурацкому совпадению в то же время влюбился

в другую Марсель (которая, разумеется, несколькими годами ранее была любовницей Пикассо). Так что пусть лучше будет Ева. А чтобы и она, и остальной мир не забывали о новом имени, Пикассо называет картины той жаркой весны и лета 1913-го так: «J'aime Eva», «Jolie Eva» или «Ma jolie Eva». Вот только нашей милой Еве не повезло с тем, что она очутилась в жизни Пикассо в период, когда тот экспериментировал с синтетическим кубизмом. Проще говоря, на картинах Еву не узнать. Это такая форма кубизма, в которой все формы расщепляются, а на холст наклеиваются газеты, щепки и другие предметы, коллаж из всевозможных обрывков реальности. Пикассо отправляется с Евой в Пиренеи, в Сере, там они проводят весну 1913 года, и туда же вернутся в августе. Здесь тишина и покой, прохладный ветер с гор, Париж и его смешная беготня так далеко. Но вот 2 мая в Сере, в эту идиллию Пабло и Евы, поступает известие о том, что отец Пикассо, которому тот недавно представил свою невесту, тяжело заболел. Пикассо срочно собирает вещи и мчится в Барселону, но уже слишком поздно. Когда он на следующий день прибыл в Барселону, дон Хосе уже скончался.

А еще Пикассо уже подписал договор аренды на новую квартиру на Рю Шелькер, 5, все окна которой выходят на бескрайнее кладбище Монпарнас. Чудовищная перспектива для Евы, которая в Сере заболела туберкулезом в тяжелой форме и жизнь которой под угрозой. Она кашляла и кашляла — но прятала свои окровавленные платки от Пикассо, потому что думала, что если он узнает о ее болезни, то превратит ее обратно из Евы в обычную девушку Марсель и откланяется (скорее всего, она была права). Но она многому научилась у своего господина и мастера. А его кредо было таково: «Нужно уметь убедить других в правдивости своей лжи». И вот она лжет еще несколько недель. Потом ложится в больницу. Пикассо каждый день навещает ее. А вернувшись домой, крутит роман с соседкой Габи. Эх, мужчины.

Весной на крутых берегах Майна в районе Лора земельный уполномоченный по виноделию Август Дерн впервые в Германии сажает

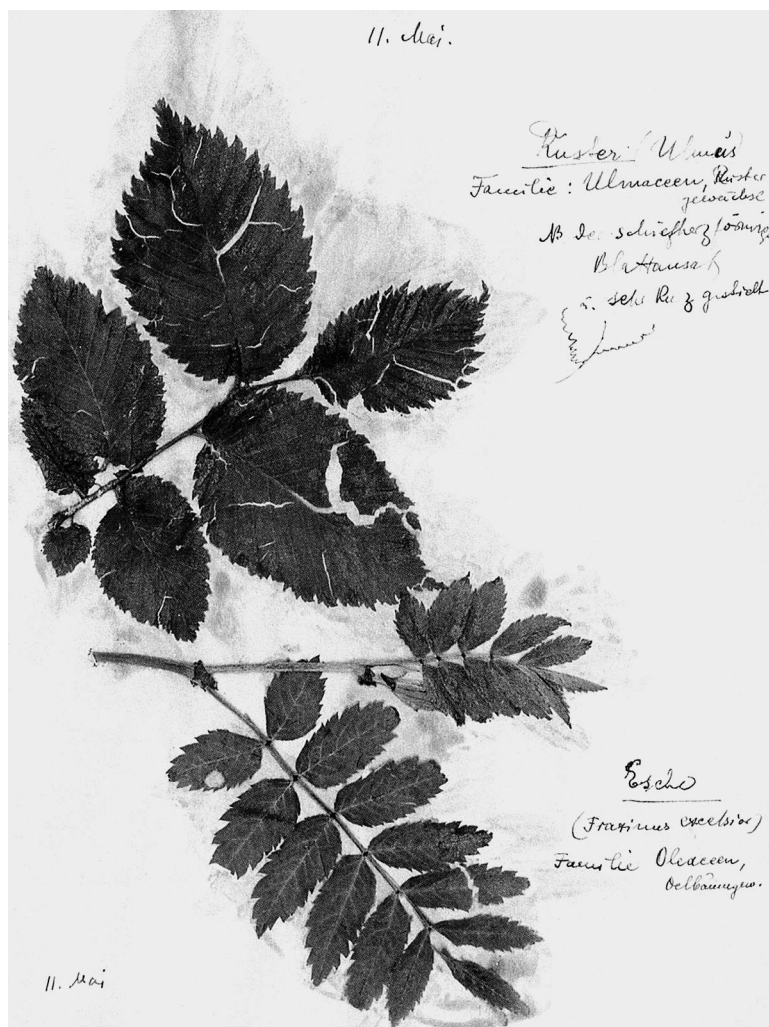
триста виноградных лоз сорта «мюллер-тургау». Он хочет проверить, хватит ли тут этому сорту тепла. Он еще не знает, что грядет лето целого века.

Как вы сказали — «эгофутуризм»? Да, это личное изобретение Ивана Игнатьева из Санкт-Петербурга, одного из бесчисленных русских революционеров духа, увлеченных мерцающими безднами и сверкающими зорями. Он был в первую очередь денди, а во вторую — поэт. Но он рано понял, что кульминацией его творчества может быть только идеальное самоубийство. К сожалению, в 1913 году не подвернулось подходящего повода, только в начале следующего года нашлась смелая невеста, и вот он надевает на свадьбу свой самый красивый фрак, в последний раз целует жену, идет в спальню и бритвой перерезает себе горло. Эгофутуризм истек кровью и испустил дух.

В апреле Хильма аф Клинт выступает с докладом в теософском обществе Стокгольма. Во время выступления она мысленно возвращается к началу своего творчества, когда она еще детально прорисовывала фрукты, жилки на листьях, кожуру яблок. Думает о том, как она развивалась, двигалась к корням, с помощью антропософии, теософии и Вселенной. Хильма аф Клинт рассказывает о посланиях от «высших сил», которые передает своей живописью. И о том, что не нужно рисовать природу. Рисовать надо процесс роста как таковой. И еще важный момент: мужское и женское начало должны наконец прийти в равновесие. Поэтому в 1913 году она начинает свою абстрактную серию «Дерево познания». Ее тема — не грехопадение. А текучесть форм в тени дерева познания, линии, становящиеся птицами, а потом снова линиями или ветвями. Краски живут. Формы качаются. И всё это, как утверждает Хильма аф Клинт, дано ей оттуда. Ошеломленные слушатели в Стокгольме узнают, что сама Вселенная сейчас тяготеет к абстракции. И нет никаких сомнений, что решительная шведка поняла это раньше, чем Мондриан, Кандинский, Купка или Делоне.

В понедельник, 5 мая, его императорскому и королевскому высочеству императору Францу Иосифу подают в Вене на обед суп с фрикадельками из печени, филе из телятины, омлет, картофельное пюре и зеленую фасоль. На восемьдесят третьем году жизни, несмотря на Балканские войны, он отнюдь не утратил аппетита. Затем он принимает эрцгерцога Генриха Фердинанда, сына Фердинанда IV, последнего титулярного Великого герцога Тосканы из секундогенитурной линии Габсбург-Лотарингского дома (даже не просите меня объяснить, что это значит). Визитер хочет выразить благодарность за назначение майором в 6-й драгунский полк. После аудиенции молодой майор сразу отбывает в Грац, чтобы купить на заводе «Puch» новый автомобиль. На ужин император ел ячменный суп, пирожки с мясом, ростбиф, зеленую спаржу и жареных вальдшнепов. На десерт Франц Иосиф отведал клубничное пирожное и шоколадный торт. Жаркого по-сербски в меню не было.

Девятого мая каштаны и сирень заполняют улицы своими цветами, а молодая революционерка Роза Люксембург идет в писчебумажный магазин Пауля Франка на Штеглицерштрассе, 28 и покупает там небольшую серо-голубую тетрадь. В юности она мечтала стать ботаником. И вот теперь, этой цветущей, благоухающей, взрывающейся весной 1913 года, Розу Люксембург, теоретика и борца за новую Республику, внезапно охватило нечто, что она сама называла «заскоком». Десятого мая она впервые отправилась в поля и леса, чтобы собирать там листья; первыми были, как полагается, листья красной и белой смородины, 11 мая вяз и ясень, затем последовали бузина, сирень, бук. Потом она разглаживает эти листья, приклеивает на страницы своей тетради, подписывает, описывает, добавляет латинские названия. «Я страстно, всем своим естеством ринулась в ботанику, — признаётся она лучшей подруге, — и в результате забыла о мире, о партии, о работе, и только одна страсть переполняет меня днем и ночью: бродить по весенним полям, рвать охапки растений, а потом дома разбирать их, определять виды, вкладывать в тетрадку». Первая тетрадь

Когда революционеры хотят отдохнуть, они собирают цветы: гербарий Розы Люксембург, май 1913 года

заполнилась уже к 14 мая, она снова идет в писчебумажный магазин на юге Берлина и покупает на этот раз сразу пять тетрадей, 15 мая она начинает вторую тетрадь роскошным цветком и изящными листьями японской айвы. Двадцатого мая, с пометкой «с моего балкона» — анютины глазки.

Двадцать седьмого мая художественное объединение «Мост» с треском прекращает свое существование. Эрнст Людвиг Кирхнер, Эрих Хеккель, Макс Пехштейн и Карл Шмидт-Ротлуф — с этого момента их пути расходятся. Кирхнер чувствует усталость и облегчение, он едет со своей подругой Эрной Шиллинг на остров Фемарн и ныряет в море. Они снова поселяются в комнате со стенами, покрашенными синей краской, в домике смотрителя маяка Штаберхук; мимо по морю проплывают парусники. Кирхнер сидит за столом, курит трубку, на нем легкие брюки и легкая рубашка, Эрна стоит перед ним обнаженная — в первозданном виде. Они непринужденно беседуют, им интересно друг с другом, в комнате синие стены, мебель в духе кубизма вторгается в пространство, Эрна оборачивается, смотрит в окно, на море, Кирхнер смотрит на нее, снова и снова восхищаясь ее телом. Именно этот момент он запечатлел на картине. Она называется «Комната башни (автопортрет с Эрной)», на ней мы видим один из самых мирных и прекрасных моментов из жизни этой страстной пары. Домашний экспрессионизм. В послеобеденные часы, когда солнце уже спускается, они отправляются на пляж, Эрна накидывает легкое летнее платье, Кирхнер прихватывает с собой фотоаппарат. Он собирается снимать бухту, волны, траву в дюнах. Берлин очень далеко. В путеводителе «Берлин для знатоков» 1913 года перечислены «десять берлинских заповедей». Главное правило: «Ложись спать поздно». Вторая заповедь: «Не трать свое время в Берлине на визиты к родственникам и знакомым». А что нельзя желать жене ближнего своего — об этом ни слова.

Игорь Стравинский вдруг оказывается самым популярным композитором. Уже «Жар-птица» имела огромный успех, а теперь «Весна

священная» должна стать кульминацией триумфа. Стравинский с семьей перебирается в Кларан во французской Швейцарии, в гостиницу «Шателяр», по соседству с Морисом Равелем, чтобы закончить там свое произведение. Дягилев, импресарио «Русских сезонов», заплатил ему за это сочинение 8000 рублей — огромную сумму. Вскоре Равель находит для Стравинского и его семьи жилье получше — гостиницу «Сплендид»: две комнаты, ванная, 52 франка за ночь. Стравинский переезжает. Роза Люксембург, революционерка из Берлина, будет этой весной отдыхать в Кларане, бродить по лугам, собирать цветы, а из открытых окон гостиницы до нее будут доноситься удивительные звуки, игра на фортепиано, как будто с далеких звезд. Она первой услышит революционную «Весну священную» Стравинского.

Стравинский — странный товарищ, прячущийся за стекла очков и такой неприметный в своем строгом костюме, но когда он говорит о своей музыке, то превращается в берсерка. Еще во время работы над «Жар-птицей» у него родился первый образ «Весны»: «Мудрые старцы сидят в кругу и наблюдают предсмертный танец девушки, которую они приносят в жертву». Рабочее название: «Великая жертва». У себя на родине Стравинский собирал материалы о «языческой Руси» — совместно с Николаем Рерихом, художником, который этой весной 1913 года трудится в Париже над декорациями к «Весенней жертве». В начале апреля наконец готов и чистовик Стравинского, сорок девять страниц каллиграфическим почерком, репетиции начались уже давно. Репетируют везде, где гастролирует «Русский балет» Дягилева. Часто в репетициях участвует сам Стравинский. По воспоминаниям одной из танцовщиц, в Будапеште «Стравинский оттолкнул толстого немецкого пианиста, которого Дягилев называл „Колосс“, и дальше играл сам, в два раза быстрее, чем мы привыкли, и мы не поспевали за ним. Он топал ногами, бил кулаком по клавишам, пел и кричал, чтобы донести до нас ритмы и краски оркестра». «Весна» начинается со странной, очень высокой мелодии фагота, а заканчивается в тройном форте глухим финальным ударом. В этом фрагменте Стравинский опередил самого себя, и когда Дебюс-

си слышит в гостях у друга первые пассажи из нового произведения Стравинского, он потрясен и восхищен абсолютной новизной этого искусства. Новизна, идущая из глубин архаических ритуалов, песен и танцев предков. Причем в новом темпе, соответствующем ритму машин, авиационным пропеллерам, стихам футуристов. Стравинский открыл в мире звуков то, что Зигмунд Фрейд параллельно нашел в человеческих душах — в своей фундаментальной книге «Тотем и табу» он как раз в эти дни пишет «о сходствах в психике дикарей и невротиков».

В Париже «Русский балет» ежедневно репетирует хореографию Нижинского, богоподобный фавн и любовник Дягилева полностью освоился в смелой музыке Стравинского. Город гудит от предвкушения, ударная волна от репетиций вырывается из залов Театра Елисейских полей и достигает салонов и мастерских. Генеральная репетиция 28 мая, на которой присутствуют только деятели искусств и критики, проходит подозрительно спокойно. Граф Гарри Кесслер записывает в своем дневнике: «С Дягилевым, Нижинским, Стравинским, Равелем, Вертом, мадам Эдвардс, Жидом, Бакстом и другими мы пошли в „Ларю“, где возобладало мнение, что на премьере будет скандал».

И вот 29 мая, то есть следующим вечером, премьера одного из самых смелых изобретений модернизма. Первое исполнение «Весны священной», «Le sacre du printemps» Игоря Стравинского в исполнении «Русского балета» Дягилева, в хореографии Нижинского. В зале сидели Коко Шанель, Габриэле д'Аннунцио, Жан Кокто, Марсель Дюшан, Райнер Мария Рильке, Пабло Пикассо и, внимание, Марсель Пруст (он пришел в шубе, несмотря на 24 градуса тепла, и не снимает ее до конца спектакля — боится простудиться). И еще пятьсот человек, весь свет Парижа, без всяких шуб. После первых тактов: полное смятение, полный экстаз и полное ошеломление от ритмических заклинаний Стравинского, от ритуальных архаических движений двадцатичетырехлетнего Нижинского, который сумел найти хореографический эквивалент фантастической музыке. Вечером, после

бурной и скандальной премьеры, Стравинский с Дягилевым и Нижинским пошли ужинать. Когда Стравинский отлучился в уборную, Дягилев стал утешать Нижинского, раздосадованного резкой реакцией публики: «Весна священная», шептал он ему на ухо, — это дитя нашей любви. Хм, можно и так посмотреть.

Или так, как на следующий день написал критик в «Фигаро»: «Представьте себе людей в ярких одеяниях, в островерхих шапках, в банных халатах, в шкурах или пурпурных туниках, которые ведут себя как полоумные, повторяют по сто раз одни и те же движения, без конца топчутся на месте». Но именно в этом и заключается прогресс — в топтании на месте. «Фигаро» тоже это понимает: «Хотелось бы услышать голоса беспристрастных, независимых критиков об этом небольшом эксперименте на тему психологии современных народных масс».

Тогда же, 29 мая в Париже (и в Берлине) объявляют о еще одном важном событии — о предстоящей свадьбе Франца Гесселя и Хелен Грунд. «О возражениях, — как сформулировали сотрудники ЗАГСа в сообщении о предстоящем бракосочетании, — сообщить в течение четырнадцати дней в ЗАГС № 2 берлинского района Шенефельд». Но возражений не поступило. Пара поселилась в квартире Гесселя на улице Шельшер, 4, таким образом чета Гесселей стала непосредственными соседями Пабло Пикассо. Но это их ни в малейшей степени не интересовало. Они занимались только собой. Хелен — светловолосая, жесткая, спортивная — и Франц, ее противоположность — лысый, круглый, осторожный, с диковатым взглядом. Но уже весной их постоянным спутником становится Анри-Пьер Роше, ближайший друг Гесселя, писатель, переводчик и журналист, центральная фигура кафе «Le Dôme», собиратель работ Дюшана, Пикассо и Брака. А еще Роше боксирует, причем неплохо, и субботними вечерами его спарринг-партнером часто выступает Жорж Брак. Но он пока не посягает на подругу своего лучшего друга. Они пока что не «Жюль и Джим».

Тридцать первого мая в только что возведенном «Зале столетия» в Бреславле состоялась премьера «Представления в немецких стихах» Герхарта Гауптмана. Оно должно было рассказать об освобождении от Наполеона (1813–1815), но одновременно с этим стало небольшим экспериментом по изучению психологии современных народных масс в Германии. Режиссером был Макс Рейнхардт. Казалось бы, идеальное сочетание: новоиспеченный обладатель Нобелевской премии по литературе пишет текст, самый знаменитый режиссер страны ставит спектакль. Но результатом стал полный провал. Творческий провал. Провалилась идея показать немецкую историю в виде кукольного театра. Пауль Эрнст пишет 1 июня в «Kölnische Zeitung»: «Деятель очень высокого полета может на мгновение представить себе мировую историю в виде кукольного театра. Но когда он строит на этом целое произведение, целый спектакль, предназначенный для праздника, то получается глупость. Это суждение мотивировано не патриотизмом или политикой, глупость — это эстетическое суждение, которое приходится вынести об этом произведении».

Спектакль должен был состояться пятнадцать раз и был призван окрылять немецких патриотов. Но постановку закрыли после одиннадцатого показа, 18 июня. Немецкие патриоты чувствовали себя смертельно оскорбленными. Поступили протесты от военных организаций, поскольку Гауптман в своей пьесе попытался доказать, что влияние Германии в мире основано не на военном, а на духовном превосходстве. Немецкий кронпринц Фридрих Вильгельм фон Гогенцоллерн не стал ударяться в духовные поиски и потребовал немедленного закрытия постановки. Он счел, что непатриотичные строки немецкого лауреата Нобелевской премии ослабляют военную мощь Германии.

Мата Хари тем временем продолжает попытки одолеть кронпринца женским оружием. Она снова приезжает в Берлин, снова останавливается в гостинице «Бристоль» и снова пытается как-то подобраться к немецкому кронпринцу. Она отправляется в театр «Метрополь»,

потому что слышала, что он должен появиться там этим вечером. И он действительно там. Во время самой трогательной любовной сцены она смотрит вверх, в королевскую ложу. И их взгляды встречаются. Он смотрит на нее на сотую долю секунды дольше, чем положено. Так ей кажется.

В час ночи, вскоре после наступления 1 июня, звонит телефон Альфреда Стиглица, знаменитого фотографа, издателя журнала «Camera Work» и авангардного галериста. Пожарные сообщают ему, что горит квартира под его галереей на Пятой авеню, 291 и что огонь скоро может охватить всё здание. Стиглиц в жуткой панике. Он знает, что в галерее лежат не только все его негативы, но и солидная коллекция фотографий, то есть всё его богатство. А жене Эмми, которая посреди ночи заварила ему чай, Стиглиц сказал, что сильнее всего его мучает мысль о сгоревших картинах молодых художников, которых он сейчас выставляет в галерее. Альфред Стиглиц оставался у себя в квартире и прощался с нажитым, пока на Пятой авеню бушевал пожар. Он предавался скорби. Только на рассвете он поехал в галерею, чтобы взглянуть на картину страшной утраты. Но пожарные встретили его радостным известием о том, что помещения галереи не пострадали. Он недоверчиво зашел в парадную, полную воды и холодного дыма, открыл дверь в галерею — все картины висели на стенах, как и накануне вечером, негативы и фотографии не пострадали. Но Альфред Стиглиц не проронил ни слова. Все свои эмоции он растратил ночью, в часы прощания.

Химик Т.Л. Уильямс не мог больше спокойно смотреть на то, как его сестра Мэйбл страдает от безответной любви к своему шефу, который даже не смотрит на нее. Он смешал угольную пыль с вазелином и тем самым изобрел тушь для ресниц «Маскара». Его сестра покорила сердце шефа. А он со своей фирмой «Мэйбеллин» покорила мировой рынок.

Максим Горький продолжает нарезать круги по Капри. Солнце припекает, но он тоскует по безысходным холодам России. Ходят слухи, что Романовы готовят всеобщую амнистию, и он сможет вернуться в страну, изгнавшую его. Сын Горького Максим хочет встретиться с ним, но Горькому некогда, он занят революцией на Родине. Отец отправляет письмо с отказом: «Это долг перед отечеством, спроси

Райнер Мария Рильке страдает от насморка. А с ногами у него всё в порядке?

маму». Мать, которую отец только что оставил, была наверняка очень благодарна.

Горький усердно ухаживает за своими фирменными революционными усами. Ему бы и в голову не пришло сбрить их. Свисающие вниз кончики придают его лицу особенно грозное и решительное выражение.

В основном он что-то пишет, книги или письма, от двенадцати до двадцати писем в день. Теперь почтальон приходит к нему дважды: утром, чтобы доставить письма, и ближе к вечеру, когда гавань скрывается в тени, чтобы забрать новые. Когда к Горькому на Капри приехал Ленин и они играли в шахматы под большим фиговым деревом, гость предупредил хозяина: на этом острове, посреди такой красоты и такого света, легко позабыть о бедствиях России. Но Горький ничего не забыл. Сначала он попытался сделать остров кузницей кадров для героев российского рабочего класса. Потом написал здесь свои главные революционные труды. Иногда он ездит на пароме в Неаполь, чтобы купить последние газеты из России. Там он каждый раз поднимается на террасу гостиницы «Grande Albergo Vesuvio», что на набережной, с которой когда-то впервые разглядел мерцающий силуэт Капри на краю синего моря. Днем он ходит по антикварным лавкам набережной Ривьера-ди-Кьяйя, ищет древнее оружие — мечи, стрелы, топоры. Покупки он отвозит на последнем пароме на свою виллу «Пьерина» на Капри, там он просит местных парней за небольшую плату поднять оружие в гору. И вот, окруженный огромным арсеналом, Горький шлифует в эмиграции планы революции на Родине. «Они, — пишет он в 1913 году, — выдохлись, а у нас богатство духовных сил. Нам, русским, в ближайшем будущем принадлежит гегемония над Европой, гегемония интеллектуальная».

После того, как его бросила Мария, Горький смог полностью отдаться коллекционированию оружия. И курению. Раньше она его каждый день спрашивала: «Зачем ты так много куришь?» Однажды он отогнал ее встречным вопросом: «А зачем ты хочешь

так долго жить?» Наверное, именно в тот момент она поняла, что ее жизнь была бы счастливее, если бы она не проводила ее рядом с Горьким.

После второго исполнения «Весны священной», которую парижские критики издевательски окрестили «Священной бойней», Игорь Стравинский съел в ресторане «Ларю» несвежую устрицу. С острым белковым отравлением его доставили в больницу парижского пригорода Нёйи-сюр-Сен, у него лихорадка, градусник показывает 41 градус, и врачи опасаются за его жизнь. Жена Катя, снова беременная, в панике приезжает из Кларана с тремя детьми, а его мать Анна даже отправляется на поезде из Санкт-Петербурга, чтобы держать сына за руку. Морис Равель и Джакомо Пуччини тоже спешат к постели больного. Неужели величайшему композитору современности придется всего в тридцать один год, сразу после создания шедевра, покинуть наш мир?

Нет. К концу июня Стравинский еще хоть и бледен лицом, но в целом снова бодр и возвращается домой. Эта весна не потребовала человеческих жертв.

Четвертого июня Эмили Дэвисон, одна из самых известных английских суфражисток, уже восемь раз попадавшая в тюрьму из-за своей борьбы за избирательные права женщин, приехала на знаменитые скачки в Эпсоме. Когда лошади проходили последний поворот, она внезапно перелезла через ограждение и бросилась под лошадь короля Георга V. Вскоре она скончалась от травм черепа и с этого момента стала почитаться как мученица английского движения за права женщин. Из-за суматохи осталось почти незамеченным, что на скачках победила лошадь по кличке Кенимор. Этому особенно обрадовался Пол Дрэйпер, поставивший на ее победу несколько сотен фунтов. Дрэйпер был видным бонвиваном, игроком и любителем красивой жизни, в своем гостеприимном лондонском доме он поселил пианиста Артура Рубинштейна, а на выигранные деньги он может позволить себе

не только несколько лишних ужинов в ресторане отеля «Савой», но и два домашних концерта Рубинштейна и его компаньона, великого виолончелиста Пабло Казальса.

От визитов русских матерей всё же есть польза. Они лечат своих сыновей, как, например, Стравинского. Проводив маму на поезд в Одессу, Кандинский 5 июня наконец-то сбривает бороду. Он пишет Августу Макке: «Я побрился и теперь похож на пастора».

Этой весной завершаются одни из самых интенсивных братско-сестринских отношений современного искусства. Гертруда Стайн и ее брат Лео разделяются. Они делят свою коллекцию искусства, Лео перебирается в Италию, они больше никогда не обмолвятся друг с другом ни словом. Гертруда рада тому, что может теперь одна, вместе со своей возлюбленной Алисой Токлас, принимать гостей субботними вечерами в легендарной квартире на улице Флерюс, 27, одном из центров современного искусства. Гости салона пьют чай среди картин Сезанна, Пикассо, Ренуара, Брака и Матисса. Разумеется, Алиса и Лео терпеть не могут друг друга. Гертруда не будет оплакивать расставание с братом. В отличие от расставания с «Пятью яблоками» Сезанна, небольшим натюрмортом 1877 года, который брат с сестрой приобрели в 1907 году и который Лео забрал себе при разделе коллекции. Лео был одержим этой маленькой картиной, по его словам, «нигде нет такого приближения к чистому выражению формы, подобному фрескам Микеланджело в Сикстинской капелле, как в этих яблоках Сезанна». Он писал сестре, что той следует относиться к утрате натюрморта с яблоками как к результату стихийного бедствия. Но Гертруда Стайн признавалась одной из подруг, что гораздо чаще вспоминает об утраченных яблоках Сезанна, чем об утраченном брате. Она так горевала, что Пабло Пикассо в конце концов написал ей в утешение картину с одним яблоком и надписью на обратной стороне: «Souvenir pour Gertrude et Alice». Чтобы они и в будущем не теряли остроты зубов.

Это, конечно, важный вопрос: страдает ли Райнер Мария Рильке и в Бад-Риппольдзау от насморка? Наверняка страдает. Но на этот раз дела обстоят гораздо хуже. «Я подобен траве, побитой градом» — пишет он в подавленном состоянии своей исповедательнице и покровительнице, княгине Турн-и-Таксис в Дуино, приехав 6 июня 1913 года на виллу «Зоммерберг» в маленькой долине в Шварцвальде, чтобы отдохнуть от самого себя. Уже много месяцев, да что там, много лет он мотается по Европе в поисках покоя, май был ужасен, «полон превратностей, помню, что я только говорил и говорил на протяжении тридцати одного дня», к этому добавились новая ссора в Париже с Роденом, его кумиром, которому Рильке всё больше действует на нервы, и самоубийство его друга Яна Надгерны, брата его возлюбленной Сидонии. Это окончательно выбило из колеи Рильке, который уже давно ехал на ободах, тридцатисемилетний поэт переживал тяжелейший кризис, он называл его «засухой», и вполне логично, что помочь должно было «водолечение» в Бад-Риппольдзау. Но там сначала зарядили дожди — «с печальной и докучливой неустанностью». И конечно, очень трудно не простудиться! Рильке просит хозяина гостиницы дать ему шерстяное одеяло, чтобы ночью кутать в него ноги. Рильке хочет «обновиться перед лицом природы», своим помощником в этом обновлении он избрал Гёте, во время прогулок по бесконечным, молчаливым лесам он носит с собой томик с его стихами о природе. Прогулочный костюм Рильке таков: темный костюм с жилетом, белая рубашка, светлые чулки, светлая шляпа с черной лентой и трость с кованым серебряным набалдашником. В этом костюме он поднимался на поросшие сосновым лесом горы, к той самой «скамье Пандоры», на которой его сфотографировала за книгой Гедвиг Бернгард. Там Рильке трижды прочитал «Пандору», неоконченную драму Гёте, наверное, в надежде на то, что в результате ларец Пандоры не раскроется и для него, что несчастья и грехи обойдут его стороной. У Гёте Пандора является вседающей, она дарит радость от красоты, от мечтаний: «Кто овладел земною красотой, тот и на небесах с ней будет рядом». Эта идея завладела умом Рильке.

Весной 1913 года он пришел к выводу, что в таких «благородных пристанищах», как Дуино, ему слишком тяжело адаптироваться: «Я бы предпочел не жить „у кого-то“». Рильке панически боится всех тягостных обязанностей гостя, он хочет быть анонимным путешественником и жить в гостинице, которая не предъявляет к нему никаких требований, лишь бы он оплачивал счет. Можно сформулировать и так: Рильке ценит такое положение дел, при котором только он сам может предъявлять высочайшие требования к себе и своему окружению. Четырнадцатого июня он сообщает своему издателю Антону Киппенбергу в Лейпциг, что ему «сегодня и вчера слегка нездоровится». Немного першит в горле. «Лечение идет активно и напрягает вегетативно, у меня не осталось никаких сил», таков его итог трех недель в Бад-Риппольдзау. «Я слишком устал, чтобы писать», — говорит он и пишет в тот же день еще одиннадцать писем. И дальше ничего не меняется: слишком устал, чтобы бодрствовать, слишком мало сил, чтобы предпринимать творческие усилия, слишком сильный насморк, чтобы дышать. Бедняжка.

В Америке в июне выходит книга «Don'ts for Husbands» Бланш Эббатт. Ее главный совет: «Перестаньте постоянно беспокоиться по поводу своего здоровья. Если вы действительно больны, обратитесь к врачу, вместо того чтобы сводить с ума жену своими бесконечными версиями, чем же вы заболели».

В 1913 году единственная пятница, тринадцатое, выпала на 13 июня. Арнольд Шёнберг, известный паникер, за несколько месяцев начал бояться этого дня. И что же случилось? Ничего.

В конце года истекают авторские права на Рихарда Вагнера, исполняется тридцать лет со дня его смерти. Козима Вагнер, вдова, опасается финансовых потерь. И ей в голову приходит дурацкая мысль — сократить содержание их дочери Изольды Вагнер, родившейся в 1865 году. Изольда хотя и родилась еще в то время, когда Козима была замужем

за Гансом фон Бюловым, но ее отцом был, несомненно, Рихард Вагнер. В июне она получила письмо от матери, адресованное «госпоже Изольде Байдлер, урожденной ф. Бюлов». И ей не помогло, что на партитуре «Золота Рейна» написано: «закончено в день рождения моей дочери Изольды». В сообщении о смерти Рихарда Вагнера были указаны его дети: Изольда, Ева, Зигфрид. Но и это не помогает, когда твой оппонент в суде — почетная гражданка города Байройта. Козима говорит, что ничего не помнит. Весной 1913 года Изольде пришлось подать на мать иск о наследстве в байройтский земельный суд. Но мать, как ни старалась, не смогла вспомнить дочь, зато она хорошо знала судью — и победила. Изольде пришлось оплатить судебные расходы, потому что она не смогла убедительно доказать, что является дочерью Рихарда Вагнера. В свое время ее записали ребенком Ганса и Козимы фон Бюлов, а Рихард Вагнер фигурировал в документах только как ее крестный отец. Изольде, внебрачному ребенку, не очень повезло и с мужем, композитором Францем Бейдлером: у того за время их брака родилось трое детей от двух любовниц.

Двадцатого июня в Берлине состоялась премьера фильма «Право на счастье». Он был снят весной на студии «Vitascope» на Линденштрассе, 32–34. Пленка имела длину 695 метров, но основной посыл фильма состоял в том, что счастье обычно длится недолго.

Марсель Пруст не теряет времени даром. Он занимается всеми аспектами своей книги, которая, наверное, когда-нибудь выйдет под названием «В поисках утраченного времени»: форматом, типом бумаги, размером шрифта, полосой набора, ценой. Продолжает мучить издателя и наборщика своими пометками на гранках, которые больше похожи не на пометки, а на новую книгу. Он предусмотрительно пишет в издательство: «Я предлагаю добавить по странице на каждую страницу, потому что при редактировании гранок, особенно в начале, я вношу некоторые изменения и объем текста может слегка увеличиться». Слегка увеличиться! В итоге он увеличит объем книги

примерно вдвое. Когда поступают свежие гранки, он начинает зачеркивать, исправлять, приклеивать бумажки с новыми фразами и формулировками. В июне Пруст получает последнюю из девяносто пяти гранок первого тома. В мае он отправил первые сорок пять отредактированных гранок. Пруст подозревает, что не укладывается в цену, изначально согласованную с издателем Грассе (ну конечно же, Пруст фактически сам оплачивает издание книги), и спрашивает издателя, на сколько дорожает книга с каждой новой страницей. Еще Пруст пишет друзьям и издателю, что пока колеблется между девятью вариантами названия. От названия «Les intermittences du coeur» пришлось отказаться, пишет он, хотя «Сердечная аритмия» была бы неплохим вариантом. Теперь он рассматривает такие варианты, как «Les colombes poignardées», то есть «Крововогрудые голуби», или «L'adoration perpetuelle», «Вечное восхищение». К сомнениям относительно названия добавляются другие проблемы: в хаосе записок и набросков перед Прустом оказываются две стопки, ожидающие редактуры: одна с гранками, а вторая с корректурными оттисками. Одновременно с этим он отправляет копии корректуры друзьям, те возвращают их со своими замечаниями, а Пруст по ошибке вносит эти поправки в первые гранки. Полный хаос. Уже никто ничего не понимает. И уже никто не верит, что Пруст когда-то закончит этот роман.

По случаю двадцатипятилетия правления германского императора Вильгельма II газета «The New York Times» 15 июня объявляет его «главным миротворцем в мире».

Польщенный император на следующее утро, в понедельник 16 июня, выпустил «Указ о помиловании», относящийся «ко всем преступлениям, совершенным из нужды, по легкомыслию, несознательности или в результате подстрекательства». Какая красивая, теплая, заботливая формулировка, не правда ли? Может быть, германский император и вправду бог?

Пьер Боннар, великий французский художник, часто навещает еще более великого французского художника, причем ему не приходится далеко ходить. Весной Боннар поселился в сельском доме под Верноном, с видом на речную долину — а отсюда рукой подать до легендарного Живерни, где живет Моне, превративший свой сад в *gesamtkunstwerk*. За клумбами и прудами с кувшинками ухаживают шесть садовников, а Моне после завтрака выходит из дома и пишет, пишет до заката, а потом вскоре укладывается спать: «Ведь чем же мне заниматься, если солнце ушло?» — растерянно спрашивает он.

В Берлине тепло, жара до позднего вечера держится на новых улицах в Пренцлауэр-Берг, деревья на улицах пока что не выше людей, перед угловыми барами на тротуарах стоят столики, слышен звон бокалов и смех, неутомимый дрозд поет восходящей луне свою сладкую песню. Фелиция Бауэр сидит в своей комнате на Иммануэлькирхштрассе и мечтает о совместной жизни, или хотя бы о совместной ночи, с ее далеким женихом Францем Кафкой. Она решается написать ему об этом. Но он иначе представляет себе свои ночи (и свою жизнь): «Для писательства, — пишет он, — мне нужна полная отрешенность, как мертвецу. Писательство в этом смысле просто более глубокий сон, то есть смерть, и как мертвеца не станут да и бесполезно тягать из могилы, точно так же и меня не оторвать от письменного стола ночью»¹³.

Эрнст Людвиг Кирхнер? Кандинский? Пикассо? Дюшан? «Я нахожу экспрессионистов просто бездарными, — пишет художник Макс Либерман 26 июня 1913 года, — так же как и кубистов, и футуристов, я думаю, что эта дурацкая мода скоро перестанет приносить прибыль, хотя мне это безразлично. Пусть делают что хотят, и я буду делать что хочу».

«Тур де Франс» в этом году стартует 28 июня. Участвуют сто сорок велосипедистов. Только двадцать пять из них преодолеют 5388 километров и доберутся до финиша. Один из них — Эжен Кристоф, у которого во время спуска с перевала Коль-дю-Турмале сломалась вилка на велосипеде. Потом он 14 километров бежал по трассе с велосипедом на плече и в ближайшей кузнице с помощью молотка починил своего железного коня. Несмотря на такую задержку, в общей итоговой классификации он стал седьмым.

Тридцатого мая официально закончилась Первая Балканская война, а уже в воскресенье 29 июня началась Вторая Балканская война. Потом случится и третья, но она получит имя, которое будет, к сожалению, носить не региональный, а глобальный характер.

Тридцатого июня германский Рейхстаг принял новый закон об армии и тем самым беспрецедентно увеличил военные расходы: закон предусматривал рост численности армии на сто тридцать пять тысяч человек. Россия и Франция в ответ тоже существенно увеличили численность своих регулярных вооруженных сил.

ЛЕТО

Марсель Пруст влюбляется в своего шофера и сбегает с ним. Гений танца Нижинский тоже в бегах и, как ни странно, с женщиной. Эрнест Хемингуэй начинает заниматься боксом и просит маму присылать ему рубашки побольше и посвободнее в плечах. Бертольт Брехт жалуется на сердце. А Эрнст Людвиг Кирхнер купается. В Граце тем временем изобретен первый детектор лжи.

Главная картина 1913 года: 25 июля этот локомотив повис над пропастью, точнее, над рекой Эмс

Артур Рубинштейн, величайший пианист 1913 года, родился в 1887 году в польском городе Лодзь, а сейчас сидит июньским вечером на опере в Лондоне, он хочет увидеть «Русский балет» Дягилева, который продолжает свое триумфальное шествие по Европе. Он смотрит «Весну священную» Стравинского, которая месяцем ранее взбудоражила музыкальный мир Парижа, и гневно пишет в своем дневнике: «Меня раздражают шумная монотонность партитуры и непонятные действия на сцене».

Элена Рубинштейн, крупнейшая предпринимательница в косметической промышленности 1913 года, родилась в 1870 году в польском городе Краков (нет, она не близкая и не дальняя родственница Артура Рубинштейна). Она убедила женщин сначала в Австралии, потом в Америке, а теперь, в 1913 году, в Париже и Лондоне в том, что только ее польский крем из трав, миндального масла и говяжьего жира поможет добиться идеальной кожи лица — причем только в ее салонах красоты, только продукция *by Helena Rubinstein*.

Акиба Рубинштейн, величайший шахматист 1913 года, родился в 1880 году в польском городке Стависки (нет, он не близкий и не дальний родственник Артура Рубинштейна или Элены Рубинштейн). В 1913 году он имел лучший в своей карьере коэффициент Эло — 2789. По этому показателю он даже превзошел чемпиона мира из Германии Эмануэля Ласкера, но матч между ними не состоялся, потому что в финансовом отношении Рубинштейн находился в удручающей позиции и не мог изыскать средств на участие в матче. Ласкер слегка заскучал с другими противниками и попробовал себя на поприще сельского хозяйства в Треббине (Бранденбург), в чем потерпел провал, а потом в качестве философа, опубликовав летом 1913 года книгу «О постижении мира», которую, однако, никто не постиг. Поэтому по своей основной профессии он остался чемпионом мира по шахматам. На этой вершине он продержится невероятно долго — двадцать семь лет, с 1894 по 1921 год. Акиба Рубинштейн после 1913 года

больше не пытался вызвать его на поединок, к тому же слегка сошел с ума. Но как бы то ни было, одна из его легендарных партий войдет в историю как «бессмертная партия Рубинштейна».

Пятнадцатилетний Бертольт Брехт в начале июня прибыл в сопровождении своей достопочтенной мамы на лечение в Бад-Штебен в Верхней Франконии, молодой человек страдает от болей в сердце. Потом он поймет, что поэту так и полагается. А в Бад-Штебене он пока что усердно и испуганно ведет дневник всех колебаний давления и нервного состояния. Поэзия пока не дарит ему избавления. На данный момент у него такие стихи: «Вчера, за 7 часов до полуночи, мы прибыли сюда — небо было ясное, солнце смеялось». Но вскоре этим летом начинаются нескончаемые дожди — и в Бад-Штебене, и в Бад-Риппольдзау, и повсюду в обширной Германской империи. А что Брехт? «Мы едим и скучаем». Зато начинает расти борода.

И у Рильке то же самое. Он гордо сообщает из Бад-Риппольдзау, что «может круглосуточно отращивать бороду». Но это не главное его занятие. В основном он занимался нытьем. В первые дни июня он одарил весь коллектив воздыхательниц описаниями своего тяжкого положения, своей усталости и немощности: каждый день, дождавшись, когда в 17 часов наконец умолкнет курортный оркестр капельмейстера Лотца, он несет с элегантно виллы «Зоммерберг» на почту стопку писем — баронессе Сидонии Надгерной, княгине Турн-и-Таксис в замок Дуино, Катарине Киппенберг в Лейпциг, Еве Кассирер, графине Агапии Вальмарана в Венецию, Лу Андреас-Саломе, Хелене фон Ностиц, всем своим покровительницам, душевным подругам и музам. Исполнив свой долг по отчетности перед далекими дамами и разослав им свои унылые бюллетени, Рильке внезапно выздоравливает, оживляется и посвящает себя вполне реальной Гедвиг Бернгард, молодой актрисе из Берлина, которая случайно оказалась его соседкой — она живет в соседней комнате на вилле «Зоммерберг». Уже 28 июня она пишет в своем дневнике: «Моя душа полна новым

и столь дорогим мне человеком: тут живет Райнер Мария Рильке, поэт». Смогла ли она оценить все достоинства своего дорогого человека? Этого мы не знаем. Мы знаем только о том, что в послеобеденные часы они вместе поднимаются по короткой лесной дорожке за гостиницей, наедине, сначала молча, а потом оживленно беседуя, обычно он говорит, а она слушает, и он рассказывает ей под моросящим дождем о красотах летнего Капри и летнего Дуино. Гедвиг Бернгард восторженно описывает его: «У него ясная голова и сильный характер, высокий и красивый голос, его глаза как два чистых голубых озера, и нигде на лице ни одной морщины». А Рильке, обычно влюбленный только в свои страдания, влюбляется в эту девушку. Они гуляют по долинам и лугам, она слушает его, затаив дыхание, он говорит, а она не сводит глаз с его губ. Когда 5 июля она уезжает, Рильке дарит ей свою «Книгу образов» и пишет на первой странице: «Не то, как ты его называешь, потрясет сердце. Любящая: как ты двигаешься, неизбежно формирует его. Райнер, Риппольдзау, ночь 4 июля 1913 года». Что бы это ни значило, она растаяла. И уже 8 июля он пишет ей в Берлин: «Гедвиг, как же мне тебя не хватает. Сохранились ли наши прогулки за пеленою дождя? Ты взяла их с собой? Когда я смотрю на те места, где мы ходили: было ли это на самом деле? Или не было полетов, бурь, потоков?» Так что мы можем быть благодарны Гедвиг Бернгард за то, что она сделала страдальца снова поэтом. И еще: мы благодарны ей за уникальную серию фотографий, на которых видим Рильке во время их прогулок в Бад-Риппольдзау, он хоть и застегнут на все пуговицы, но всё же не отворачивается, он сидит на скамейке и читает Гёте, стоит у ручья, всегда в безупречном костюме и при галстукке, но мы чувствуем, что он взбудоражен и окрылен этим маленьким летним флиртом, который здесь, в тихой шварцвальдской долине, отвлек его от хандры и меланхолии.

Выходит книга Макса Шелера с симпатичным названием «О феноменологии и теории чувства симпатии, любви и ненависти». Автор

пишет: «Любовь освещает ценность любимого человека, ядро его личности. Любовь — акт, делающий нас зрячими. Чем больше мы любим, тем больше ценности имеет для нас мир». Разве не красиво сказано?

Макс Регер пишет 8 июля из Майнингена перед тем, как отправиться на гастроли с концертами: «Кроме того, прошу представлять меня в печатной продукции следующим образом: под руководством главного дирижера Макса Регера (я буду исполнять обязанности главного дирижера)». Но главное его требование — чтобы все концертные залы предоставили ему на сцене рояль «Ibach». Якобы только на нем он может играть. А правда в том, что Рудольф Ибах, производитель роялей, еженедельно снабжал его русскими папиросами и требовал в ответ лояльности его марке. И табакозависимый Регер подчинялся.

Мадам Матисс плачет. Она пришла в мастерскую мужа и видит, что тот полностью закрасил ее изящный портрет, вместо ее красивого, как в жизни, лица теперь какая-то серая маска, а глаза и рот — просто черные линии. Абстракция сурова, особенно к тем, кого абстрагируют. Мадам Матисс горько плачет, увидев готовую картину. А вот Пабло Пикассо благородно восхищается, когда видит картину, он в полном восторге от «Портрета жены художника». И сам приступает к женскому портрету. «Женщина в сорочке, сидящая в кресле», так он называет картину. Но на ней трудно узнать Еву. Мы видим только ее половые органы. Красивые острые груди Евы, в стиле диких аборигенов, он написал дважды. И Ева тоже плакала. Она тоже поначалу присутствовала на эскизах, а потом как будто исчезла. Мало радости в том, чтобы быть женой художника-кубиста.

Не будем забывать, что 1913 год — лето целого века. Десятого июля в Долине Смерти (Калифорния) зафиксирована максимальная температура за всю историю наблюдений на метеорологических станциях мира: термометр на Гринленд-Ренч в местечке Фернес-Крик показал 56,7 градуса.

Ранний вечер субботы 12 июля, коровы только что подоены, солнце спряталось за стеной из молочно-белых облаков, и тут на хуторе Велли в окрестностях Зеста в Вестфалии раздается глухой выстрел. Прибывшие врачи и полицейские обнаруживают на втором этаже дома фермера Тео Велли, лежащего в луже крови. Внизу, в комнате, сидит его перепуганная жена. Тео Велли умирает по дороге в больницу. Газета «Soester Anzeiger» пишет 16 июля: «Следствием пока не установлено, каким образом В. получил огнестрельное ранение. Врачи утверждают, что версия самоубийства исключена». Кажется, и полиция довольно быстро исключила эту версию, потому что 18 июля газета сообщает: «Жена фермера Велли из Мавикке, который скончался в результате огнестрельного ранения, полученного в своем доме, была вчера арестована по распоряжению прокуратуры». Двадцатидевятилетняя Тереза Мелли была помещена в следственный изолятор. Ее адвокат ходатайствовал об освобождении из-под стражи, но к этому моменту стало известно, что против нее ранее было возбуждено несколько дел в связи с прицельной стрельбой по проезжавшим мимо мотоциклистам. Так что ей пришлось задержаться в тюрьме на полгода. Но она не была там совсем одна. Двадцать восьмого декабря «Soester Anzeiger» сообщает об ее освобождении из-под ареста: «Супруга фермера Велли, находящаяся на позднем сроке беременности, временно освобождена из-под ареста под высокий залог. Возбужденное против нее дело по обвинению в убийстве мужа из огнестрельного оружия будет продолжено». После того как она во время краткого отпуска рождает на свободе своего третьего сына Франца, судебный процесс возобновляется. Газета выдает такое резюме: «Разбирательство показало, что семейная жизнь пары не была идеальной». Проще говоря: ежедневные побои и издевательства со стороны пьяного мужа. Точно так же дела обстояли и 12 июля 1913 года. Отец семейства слетел с катушек из-за того, что Тереза отказалась пойти с ним на праздник стрелков¹⁴. Она заявила на суде, что муж в ярости и в алкогольном бреду сам застрелил себя. Экспертиза показала, что выстрел был произведен с расстояния не меньше трех метров. Самоубийство с помощью такой длинной

руки исключалось по анатомическим причинам. Тереза Велли тяжело вздыхает и продолжает придерживаться своей версии.

Самое главное — это всегда дыхание. Так утверждает не создатель учения об осознании¹⁵, а изобретатель детектора лжи Витторио Бенусси. Бенусси был многопрофильным гением, ученым и художником, это был очень нервный человек и при этом мастер на все руки, и он пытался с помощью всё новых и новых машин добраться до глубин человеческой души. Он хотел понять, как устроено человеческое восприятие времени, как мы воспринимаем цвета и оцениваем вес предметов. Но больше всего его интересовало то, как мы себя выдаем. Этот блестящий философ и психолог из Триеста работал в Граце в «Психологической лаборатории» — какое эlegantное название, не правда ли? Там Бенусси в июле 1913 года разработал первого предшественника детектора лжи — этот аппарат не обращал внимания на такие критерии, как пульс и давление, а концентрировался исключительно на дыхании испытуемого. В статье с красивым названием, как у романа, — «Дыхательные симптомы лжи» — он показал, что люди делают относительно долгий выдох перед тем, как солгать. Поэтому он ввел так называемый критерий Бенусси: отголосок правды — удлиненный выдох, а прелюдия лжи — удлиненный вдох.

В эти первые дни июля в окрестностях Лондона чуть было не встретились два великих англоязычных писателя — Джозеф Конрад, поляк по происхождению, и американец Генри Джеймс. Конрад в то время пытался красивыми автомобилями излечить психологические травмы, полученные в джунглях, и только что купил новый «кадиллак».

14 Шютценфест — традиционный праздник стрелков в Швейцарии и Германии. Он проводится ежегодно начиная с XVI века, когда в городах начали формироваться локальные оборонительные союзы для защиты от нападений разбойников. Со временем союзы стрелков начали проводить смотры и состязания.

15 Осознанность — понятие в современной психологии; определяется как непрерывное отслеживание текущих переживаний, то есть состояние, в котором субъект фокусируется на переживании настоящего момента, не вовлекаясь в мысли о событиях прошлого или будущего.

В конце июня Генри Джеймс пишет Конраду, который живет в загородном доме всего в нескольких милях от Джеймса, что слышал о его новой машине, о «чудесной машине, которая не спасает жизнь, а буквально делает ее»¹⁶. И вежливо спрашивает, нет ли у адресата желания в один из погожих дней заехать на этом автомобиле в его усадьбу «Лэмб-Хаус», чтобы попить чаю? И через несколько дней Конрад действительно подъезжает к его дому, звонит в звонок, просит доложить. Но слуга отвечает, что Генри Джеймса, к сожалению, нет дома. Так что Джозеф Конрад несолоно хлебавши мчит обратно и продолжает предаваться меланхолии. Под Рождество он купит себе новую машину, еще больше, четырехместный «Хамбер». Но и на ней он всегда будет ездить в одиночестве.

Тринадцатого июля Альберт Эйнштейн оказывается перед выбором. В летнем костюме он встречает на цюрихском вокзале Макса Планка и Вальтера Нернста, которые прибыли поездом из Берлина, чтобы заманить Эйнштейна в Германию. Они предлагают ему звание профессора без преподавательской нагрузки в Прусской академии наук. Эйнштейн глубоко вздыхает, и его «да» звучит отголоском и правды, и лжи. Он согласился не только потому, что сможет там спокойно дорабатывать теорию относительности и развивать квантовую физику. Еще и потому, что в Берлине живет его кузина и возлюбленная Эльза Левенталь.

Тринадцатого июля в Швейцарии готовится новый полет на рекордную высоту. Утром, в 4 часа 7 минут, на восходе солнца, Оскар Бидер садится в Берне в летательный аппарат из ясеневого дерева и собирается стать первым человеком, перелетевшим через Альпы. Он хочет без посадок долететь из Берна до Милана. На своем одноместном аэроплане он берет курс на перевал Юнгфрауйох, высота которого составляет 3500 метров. Ровно через два часа, в 6:07, Бидер перелетает через

16

...not life-saving but literally life-making miraculous car.

горную грядку. Ближе к полудню он приземляется в Милане и встречает там восторженный прием. С технической точки зрения это был самый значительный траверс Альп после похода Ганнибала.

Тринадцатого июля Артур Шницлер собирается в обеденное время зайти в гости к одной молодой особе, с которой он несколькими днями ранее познакомился в кофейне. У нее была такая двусмысленная улыбка. Он звонит в звонок. Никто не открывает. Он достает визитку и карандаш, пишет пару слов. «Д-р Артур Шницлер, — прочитала вечером дама, вернувшись домой, — несколько раз безрезультатно звонил и при ближайшей возможности попытается нанести еще один визит».

Пересечение Гренландии становится для Альфреда Вегенера бесконечной историей, пока что никто не знает, окажется ли экспедиция полезной или потерпит неудачу. Ледяной ветер дует в лицо участникам экспедиции, все полностью обессилели, за день удается пройти только несколько миль и всё чаще приходится останавливаться на отдых. В начале июля они застрелили Грауни, последнюю исландскую лошадь, которая до того смогла перенести все трудности. Особенно трагично было то, что лошадь застрелили в трех часах ходу от первой зеленой травинки, после полугода ледяной пустыни. «Это было очень странное чувство: после бесконечного снега снова ощутить землю, настоящую землю под ногами, увидеть, как ветер качает море цветов, наблюдать за шмелями и бабочками, прислушиваться к щебетанию птиц. Этот моренный ландшафт на краю льда, весьма унылый для обычного человека, показался нам раем», — пишет Вегенер. Но вот снова холодает, начинается снегопад, людям нечего есть, а Альфред Вегенер записывает в дневнике: «Не умирать же от холода в начале июля!» Одиннадцатого июля четверо участников экспедиции убивают собаку и съедают ее. Они устраивают себе на побережье хижину, с неба льет ледяной дождь, они в отчаянии, на телах волдыри и воспаления, вокруг ни души и некого больше съесть. Альфреда

Вегенера охватывает смертельный страх. Но вот 15 июля они наконец видят парусник, плывущий мимо безлюдного берега: это пастор Хемнитц из Упернавика, который отправился к вечным льдам за прихожанами, чтобы готовить их к конфирмации. Путешественники зовут на помощь, кричат и бегают вдоль берега — и спасение приходит.

В те же вечерние минуты 15 июля в Париже Франц Гессель, его свежее испеченная жена Хелен Грунд и ближайший друг Франца Анри-Пьер Роше, который обещал не заглядываться на Хелен, идут в маленький ресторан в седьмом округе. За столом Франц, как и на протяжении предыдущих семи лет дружбы, разговаривает только с Пьером, на жену он не обращает внимания, только под конец он спрашивает, не желает ли она еще один десерт, вот и всё. Она отказывается и решает по-своему завершить эту унижительную трапезу. Примерно в полдиннадцатого они по пути домой проходят мимо шлюза Эклюз-де-ла-Монне на Сене, оба ее спутника продолжают болтать друг с другом, будто они тут одни, и тогда Хелен Гессель, урожденная Грунд, находит возможность соскочить. Она перелезает через железную ограду и ныряет в воды Сены. Мужчины в ужасе и с криками бегут к берегу, но на воде качается только шляпа Хелен, шикарный головной убор, подарок свекрови. А самой Хелен и след простыл. Франца охватывает паника. Но Хелен всплывает в отдалении, у лестницы в конце шлюза. Там она выбирается из воды, и не Франц, а Роше протягивает ей свое пальто и вытягивает на берег. Она дрожит, с волос течет вода, все несколько ошеломлены этой ситуацией и новым раскладом сил. Они едут на Рю Шельшер, там Франц ставит чайник на огонь, он считает это своим супружеским долгом. Он вообще довольно необычно исполняет свою новую роль. Вскоре они с Хелен отправляются в свадебное путешествие по южной Франции, и он приглашает с собой еще одного товарища: свою маму Фанни. Втроем они наслаждаются мучительными неделями. Вместо Роше Франц теперь говорит только с матерью, Хелен он во время медового месяца игнорирует. Она описывает в своем дневнике, как впервые изменила мужу:

с бюстом римского императора Луция Вера в музее в Тулузе. Дородный, крепкий, мужественный парень. В то время, пока Франц Гессель с мамой в соседнем зале изучают картины, Хелен Гессель шепчет на ухо Луцию Веру: «Я люблю тебя».

Когда Трюффо будет потом снимать фильм по роману, который Роше написал о Франце, Хелен и себе, и назовет его «Жюль и Джим», он уберет фигуру свекрови и сосредоточится на прыжке в Сену. И, конечно, на том, что Роше, который остался в Париже один и начал в эти летние дни писать свою автобиографию под изящным названием «Дон Жуан», не будет вечно блюсти свою клятву не прикасаться к темпераментной Хелен. А Франц не будет сильно обижаться на друга. Слишком часто они делились любовницами. Сначала Франциска цу Ревентлов, прекрасная графиня и предводительница мюнхенской богемы, перешла от Франца к Роше, потом в Париже художница Мари Лорансен — от Роше к Францу, прежде чем продолжить свой путь к поэту Аполлинеру. Потом в Нью-Йорке Роше продолжит политику *ménage à trois* с еще одним другом — Марселем Дюшаном. Как символично, что именно Хелен Гессель довелось перевести на немецкий книгу Дюшана о шахматах (кстати, еще и «Лолиту» Набокова).

Пит Мондриан в этом июле пишет в Париже две свои знаменитые картины: «Картину 1» и «Картину 2». Для него начинается новое летосчисление — абстракция. Деревья, которые он писал прошлой зимой, распались на конгломераты кубических форм. Мондриан нашел себя.

Он пишет для журнала «Теософия» статью «Искусство и теософия», в которой ясно показывает, что эволюция в искусстве происходит так же, как и в теософии. К сожалению, редакция сочла текст «слишком революционным», и он был утрачен.

В Берлине летом 1913 года насчитывается два миллиона жителей, семь тысяч девятьсот автомобилей, три тысячи триста извозчиков и тысяча двести таксомоторов. И всего один император.

Семнадцатого июля Роберт Фрост размышляет в Беконсфилде под Лондоном о том, по какому пути ему идти, а по какому лучше не надо. Ему сейчас тридцать девять лет. Он переехал из Америки с женой и четырьмя маленькими детьми, он познакомился с Эзрой Паундом, но боится его. Он был фермером, но получалось плохо, он бросил преподавание, но пока не решается называть себя поэтом. Но у него в голове уже появились магические строки «Неизбранной дороги», те самые строки: «Развилка двух дорог — я выбрал ту, / Где путников обходишь за версту. / Всё остальное не играет роли»¹⁷. Семнадцатого июля он очень нерешительно пишет другу: «I think I have made poetry».

Ультима — так звали жену шведского врача Аксея Мунте, «Последняя», хотя она и была первой женой этого мужчины. Ультима любила дождь. Потому что когда шел дождь и вода текла по улицам, то даже благородным дамам на парижских бульварах дозволялось приподнимать юбки. Ультима любила показывать свои чулки, даже несмотря на то, что прогулки по воде всякий раз портили ее красивые туфли. Но Ультима неспроста звалась последней, потому что была последней попыткой Аксея Мунте приспособиться к буржуазному образу жизни. Это был иллюзорный брак — как он писал, это была «только видимость семейного союза, которому отчаянно сопротивляется вся моя природа, причем это означает, что природа более благочестива, чем закон». Мунте переехал из Парижа на Капри и жил там до конца жизни. Тут всегда, даже в июле, дул легкий ветерок, и его соломенно-белые волосы падали на лицо, а он убирал их за уши тысячекратно повторенным жестом. Любить какую-то женщину, с ее кожей и волосами, а в придачу получить еще какие-то супружеские обязанности — ничего этого не было в жизненных планах уважаемого Аксея Мунте. Мунте предпочитал перечитывать Артура Шопенгауэра, его «Мир как воля и представление», эта книга была ему

по вкусу, например вот эти слова: «И если взглянуть теперь на важность той роли, которую играет половая любовь, во всех ее оттенках и нюансах, — это ли не повод воскликнуть: из чего шум? Для чего мольбы и неистовства, страхи и бедствия? Речь ведь идет лишь о том, чтобы каждый петушок нашел свою курочку». Аксель Мунте нашел Капри. По его словам, ему не нужно ничего, кроме комнаты с белыми стенами, кровати, пары стульев и пианино, пения птиц за окнами и — единственное условие — «шума моря вдаль», так писал он, когда поселился на маленьком острове близ Неаполя. Наверху, в Анакапри, он нашел развалины виллы императора Тиберия, он расчистил мозаики, по которым когда-то ступали ноги мрачного старого императора, и построил над ними свою виллу «Сан-Микеле», белую, с видом на бескрайнее синее море, с вечным птичьим пением, как он и хотел — даже зимой. Мунте становится лейб-медиком шведской кронпринцессы Виктории из рода Баденов и мотается между Лондоном, Швецией, Римом и Капри. Он путешествует почти всегда один, иногда с ним собака (такса по кличке Леший), иногда две или три собаки, иногда его обезьянка. У Мунте за всю его долгую жизнь были доги, овчарки, колли, терьеры и дворняжки, их становилось всё больше в его доме на Капри, только общество собак он мог переносить на протяжении длительного времени. Людей же он терпел только как пациентов, которые после консультации уходят к себе домой. Его приемная в Анакапри и вилла «Сан-Микеле» становятся Меккой хворой европейской элиты: тут лечится кронпринц Австрии Рудольф, а еще императрица Евгения, Генри Джеймс, Оскар Уайльд, Элеонора Дузе, Райнер Мария Рильке и, конечно, Ага-хан, яхта которого стояла на якоре в гавани Марина-Гранде, испортивший себе желудок несвежими мидиями. Мунте принимает шесть дней в неделю, по воскресеньям он играет на органе в маленькой местной церкви. А потом Мунте заманит на остров даже Курцио Малапарте, такого же денди по части самоотверженности и самодостаточности, как и он сам, и вилла Малапарте станет вторым после виллы «Сан-Микеле» сооружением на острове, эстетика которого шагнет за пределы XX века.

Оскар Кокошка и Альма Малер никогда еще не были так счастливы, как в апреле на Капри. Им были не нужны консультации доктора Мунте. А сейчас, 19 июля, они как бы собираются пожениться, в ратуше венского района Дёблинг, они уже подали заявление. Но Альма расхотела замуж. В письмах она всё чаще называет Кокошку «тряпкой». В назначенный день ничего не происходит. А спустя несколько дней Альма на всякий случай спрашивает Вальтера Гропиуса (Берлин, Кайзерин-Аугуста-штрассе, 68), своего бывшего любовника, любит ли он ее до сих пор. Они познакомились, когда Альме требовался отдых от Густава Малера, и прозорливый санаторный врач прописал ей танцы. Среди танцоров был один, как она пишет, «неожиданно красивый немец, который подошел бы на роль Вальтера фон Штольцинга в „Мейстерзингерах“». Она влюбляется. Отчаявшийся Малер обращается к Зигмунду Фрейдю. Но и тот не в силах помочь. Зато выставляет солидный счет. Потом Малер умирает. Потом Альма немножко скорбит. А потом в ее жизнь врывается Кокошка. И вот теперь, в июле 1913-го во Франценсбаде, куда она сбежала от Кокошки, Альма вдруг с некоторой тоской вспомнила о своем немецком мейстерзингере. После всех безумств с Кокошкой ей захотелось чего-то благоразумного. И она продолжает реализовывать свою девичью мечту — «засадить свой сад гениями». Гропиус сумеет прийти с ней до ЗАГСа, в отличие от Кокошки. Но Гропиусу не удастся дать ей свою фамилию. Это получится потом только у Франца Верфеля. Летом 1913 года, когда Альма Малер переметнулась от Кокошки к Гропиусу, Верфелю только что исполнилось двадцать три года и в лейпцигском издательстве Курта Вольфа у него вышел первый сборник стихов с многообещающим названием «Мы существуем».

Двадцать первого июля в Монте-Карло обрывается жизнь одной из самых необычных женщин того времени — Эммы Форсайт-Ко, или Королевы Эммы, как ее называли. Обстоятельства ее смерти неясны, но довольно достоверные газетные статьи в те дни сообщали о трагической автокатастрофе. Другие издания не менее убедительно писали,

что она умерла от инфаркта. А третьи источники утверждают, будто бы ее застрелили, так же как и ее мужа, немецкого коммерсанта Карла Пауля Кольбе, который ровно неделей ранее в том же самом Монте-Карло совершенно неожиданно приказал долго жить. Это был один огромный скандал. Ясно только то, что некая молодая актриса из Берлина как-то связана с внезапной смертью как минимум мужа Королевы Эммы. Потому что незадолго до кончины в гостинице «Монако» ему нанесла неожиданный визит дама, искренне уверявшая, что она является невестой Карла Пауля Кольбе или даже его супругой. Она якобы увидела в журнале фотографию своего благоверного, в то время как все считали его пропавшим без вести где-то в южных морях. Молодая особа и Кольбе встретились в баре гостиницы, потом очевидцы видели, как они сели в ожидавший их автомобиль и уехали в сторону побережья. И вот вскоре он погиб, а она исчезла. А Королева Эмма погибла семь дней спустя. Какая прекрасная мистика. Всего год назад они поженились в Берлине, а в мае приехали на Лазурный берег, чтобы наслаждаться жизнью в Ницце, Каннах и Монте-Карло. Бульварная пресса Европы постоянно писала о них в светской хронике, потому что Королева Эмма была легендарным персонажем, наверняка одной из самых красивых женщин конца XIX века и совершенно точно одной из самых ушлых предпринимательниц.

Она была дочерью самоанской принцессы и американского китобоя, родилась на Самоа и с двенадцати лет считалась сказочной красавицей — а после учебы в школе в Сан-Франциско она считалась и сказочной красавицей, и умницей международного уровня. После возвращения на родину она работала в торговой фирме отца, а затем отправилась с мужем на маленький остров Миоко в архипелаге Дьюкоф-Йорк (Папуа — Новая Гвинея). Там к этому моменту осталось всего одиннадцать поселенцев, еще двоих недавно употребило в пищу племя людоедов. Эмму тоже однажды схватили людоеды, они связали ее и подготовили груз к отправке, но на помощь пришел муж со своей личной охраной. Потом туземцы постепенно отступили в труднодоступные горные районы, а Эмма с мужем занялись окультуриванием

страны. Мясо было исключено из рациона. А когда спустя пять лет островок внезапно стал частью немецкой колониальной империи и получил название Нейлауэнбург, немецкий представитель Густав фон Эртцен с удивлением обнаружил, что большая часть плодородных земель принадлежит некой Эмме Форсайт-Ко, то есть нашей Королеве Эмме — так ее стали называть жители Новой Гвинеи за солидность манер. Она продолжала скупать землю, устраивала кокосовые плантации, потом с прибылью продавала их, становилась всё красивее, богаче и влиятельнее. А когда она построила рядом с немецким административным центром Хербертсхёэ богатую усадьбу и начала устраивать там светские вечеринки, то стала считаться неофициальной королевой южной части Тихого океана. Она с наслаждением и много курила, не отставая от мужчин, выпивала за день две бутылки шампанского, играла на рояле, декламировала Гёте и лихо меняла любовников. Когда в 1912 году она вышла замуж за ослепительно красивого Пауля Кольбе, который был младше ее на пятнадцать лет, за этого светловолосого высокопоставленного чиновника Германской Новогвинейской компании, и переехала с ним в Берлин, то продала свои земельные угодья Гамбургскому тихоокеанскому акционерному обществу и получила за них целое состояние. На эти деньги она купила квартиру в Монте-Карло, а там, в душном июле 1913 года, империя Королевы Эммы и ее короля Пауля внезапно прекратила существование.

Двадцать шестого июля газета «Volksblatt» сообщает из Мескирха в Шварцвальде: «В субботу из Фрайбурга пришли радостные вести. Мартин Хайдеггер, сын здешнего пономаря, получил степень доктора философии и математики, причем с отличием. Нам стало известно, что господин Хайдеггер в ближайшее время планирует издать большой научный труд. В добрый час!»

Разумеется, все очень старались написать картину года: Пикассо со своими коллажами из наклеенной реальности, Матисс с чувственными

красками. Макке с картинами вечного мира, Марк с громоздящимися лошадьми, Мондриан, Купка, Малевич с их абстракциями. Но в результате картину 1913 года создала сама жизнь. Дело было так: в ночь с 26 на 27 июля последний пассажирский поезд на участке Ирхове — Нойшанц вышел со станции Хилькенбург в регионе Эмсланд, хотя стальной Фризский мост, поворотный мост через реку Эмс, был еще разведен после прохода судов, а сигнал громко и четко извещал — «стоп». Машинист локомотива примерно в ста метрах от края пропасти заметил ошибку и увидел перед собой зияющую пропасть и часть моста, ведущую в никуда. Он стал тормозить, тормозить... и в пустоту над Эмсом съехал только паровоз. Остальной состав остался на мосту, сцепка между локомотивом и тендером была изготовлена с немецким качеством и поэтому выдержала, и в результате падения в реку не произошло. Машинист и кочегар перепрыгнули с локомотива на передний вагон. Локомотив, зависший над пропастью — неистовое стремление вперед на зыбкой почве, сюрреалистическое застревание между верным путем и верной гибелью, характерное для современности, верящей в прогресс и технику: вот картина 1913 года.

После оглушительного успеха «Русского балета» в Париже и Лондоне Дягилев и его молодая звезда Нижинский в конце июля приезжают на отдых в Баден-Баден, в гостиницу «Stéphanie les bains», которая сейчас называется «Brenners Park-Hotel». Они хотят немного отдохнуть перед тем, как 15 августа «Русский балет» отправится на корабле в турне по Южной Америке. Русский импресарио и его шаловливый друг валяются на диванах, гуляют по парку, курят, пьют, расслабляются. А что же нового они открывают там, в Баден-Бадене? Иоганна Себастьяна Баха. И думают о балете на музыку Баха, в духе роскошных придворных празднеств в стиле рококо. Пожилой немецкий пианист целыми днями исполняет для них Баха на рояле в гостиной отеля. Неделю спустя они точно знают, что им нужно: что-то из «Хорошо темперированного клавира», что-то из фуги до-минор, и много чего еще. Чтобы лучше понять дух времени, они ездят по замкам и церквям в стиле барокко и рококо, посещают базилику Четырнадцати святых помощников, дворец Брухзаль и резиденцию в Вюрцбурге. Последним произведением искусства, которое Нижинский видел в конце июля до путешествия через Атлантику, стали фрески Тьеполо в Вюрцбургской резиденции, то есть сцена свадьбы Фридриха Барбароссы и Беатрис Бургундской. Он еще не знал, что это значит. В тот момент Дягилев и Нижинский еще не знали, что здесь, в Вюрцбурге и Баден-Бадене, они видятся в последний раз в жизни.

Золотое солнце стоит высоко в небе, веет легкий ветерок, жилистый торс Эрнста Людвиг Кирхнера покрыт темным загаром. Иногда на нем легкие летние штаны и расстегнутая льняная рубашка, когда он сидит на берегу острова Фемарн и рисует, иногда совсем ничего. Эрн Шиллинг, его возлюбленная и натурщица, обычно полностью раздета, она водит ногами по теплomu песку, она погружена в себя и даже не замечает, что Кирхнер пишет ее, потому что он делает это постоянно. Этим летом голова Кирхнера снова

«Светлый женский загар / Подстраивается к темному мужскому», писал Готфрид Бени.
Фотография Эрста Людвиг Кирхнера показывает, что именно имелось в виду

ясна. Берлин остался позади. Этот большой, сумасшедший, шумный, несущийся вперед Берлин. Тут, на морском берегу, не слышно скрежета трамвая, когда на повороте его колеса трутся о рельсы. Тут нет людей, бегущих по тротуарам, будто за ними кто-то гонится, тут нет газет, выходящих три раза в день, а вечерами тут нет ни варьете, ни премьеры Герхарта Гауптмана или Франка Ведекинда, нет и варьете Маты Хари, тут вечером есть только стакан вина, которое можно пить лежа на песке, пока вдали медленно садится солнце. Эрна мурлычет, обнимая его. И он снова хочет ее, хотя они совсем недавно встали с кровати в комнате для гостей у Лютмана, смотрителя маяка Штаберхук. Но Кирхнер идет купаться, у берега лежит затонувший корабль, и он добывает там несколько отличных досок, чтобы в ближайшие дни было из чего делать скульптуры.

Ведь на следующее утро приезжают гости из Берлина, его друг художник Отто Мюллер со своей Машкой. В мае распалась художественная группа «Мост», но сейчас, этим летом, Кирхнер об этом совершенно не жалеет, он чувствует, что центробежная сила Берлина, куда из сентиментально-бездвременного Дрездена перебрались все художники «Моста», оказалась слишком велика, потому что этот проклятый город расщепляет всё, что не спаяно на самом глубинном уровне. Эрих Хеккель и Карл Шмидт-Ротлуф страдают из-за расставания, причиной краха они считают эгоистические эскапады Кирхнера. Отто Мюллера это мало интересует. Он хочет просто побыть с Кирхнером у моря, купаться с ним, рисовать с ним. Машка и Эрна хорошо ладят, сразу после прибытия Мюллеров они голыми проходят почти километр по бесконечному пляжу, брызгаются ногами на мелководье. Кирхнер достает свой фотоаппарат и фотографирует Мюллера между Эрной и Машкой, когда они заходят в воду, фотографирует, как они прыгают в накатывающих волнах, как они ныряют; летние тела, высыхающая соль оставляет на них красивые белые пятна, а волосы делает такими жесткими. «Из моря плоть нагая изошла, / Вооруженная

загаром до зубов»¹⁸, так напишет Готфрид Бенн об этом лете на Балтике. А Кирхнер фотографирует это лето. И рисует его. И наслаждается им. Может быть, Эрнст Людвиг Кирхнер никогда не был так счастлив, как в августе 1913 года на Фемарне. За короткий срок он написал шестьдесят восемь картин и сделал бесчисленное множество рисунков. Потом он берет лист бумаги и пишет другу, упоенный собой и своими ощущениями: «Тут я учусь создавать и завершать абсолютное единство человека и природы».

Второго августа человечество наконец-то достигает Олимпа. Швейцарский фотограф Фред Буассона, его друг Даниэль Бо-Бови и греческий пастух Христос Какалос впервые взошли на окутанную мифами гору Древней Греции. Накануне вечером пастух Какалос умолял швейцарцев не подниматься на вершину высотой 2917 метров, потому что туда могут подниматься только орлы, но не люди. Но всё оказалось не так страшно.

В августе Йозеф Колер, самый известный и эффективный юрист Германии, уезжает из Берлина на прохладное Балтийское море. И разумеется, там он не может просто так смотреть на воду. Только что вышла его книга «Правовые проблемы современности», в которой Колер задается вопросом о том, располагает ли человек свободной волей или нет. Как бы то ни было, его резюме таково: никому не удастся уйти от ответственности. Всякий человек должен «работать над своим характером». А сам он этим летом предпочитает работать над старой юридической проблемой: два человека, потерпевших кораблекрушение, хватаются за одну доску, но она может спасти только одного. В Хайлигендамме, глядя на усталое, спокойное море, которое ласково плещется о берег и исключает любые фантазии о кораблекрушениях, Йозеф Колер пришел к идее, которую он немедленно изложил в статье для «Архива юридической

и экономической истории»: «Разве не нужно спасти Гёте, когда его жизнь входит в противоречие с жизнью какого-то индейца?» Вот так вот. Суровая немецкая самооценка в одной фразе. Конечно, Колер мог важно изрекать эту колониальную чушь только потому, что ровно год назад умер Карл Май. Карл Май, которого впервые объявили в розыск в двадцать два года по обвинению в «аферизме», в последние годы жизни на своих выступлениях убедительно доказывал, что он потомок вождя апачей. Нет сомнений в том, что Карл Май на том свете проклял берлинского юриста Йозефа Колера за его богохульство: во-первых, сам он был, конечно, важнее, чем Гёте, а во-вторых, индейцы важнее, чем пруссаки.

Когда Герхарт Гауптман живет в своем доме в Агнетендорфе, он каждое утро выезжает верхом. Он наслаждается утренней прохладой, особенно в эти жаркие августовские дни, когда раскаленный воздух медленно поднимается из долин. Но сегодня, 11 августа, у перелеска на его лошадь неожиданно нападает огромный сенбернар. Сразу же подбегают две дамы, хозяйки собаки, но они ничего не могут сделать. «Мы с моей лошастью тоже были бессильны», — написал Гауптман вечером в своем дневнике. Сенбернар свирепо рычит и кусает лошадь за ноги, несмотря на намордник. Впрочем, действующий нобелевский лауреат Герхарт Гауптман демонстрирует хладнокровие и снисходительность, с учетом культурно-исторических и родовых аспектов: «Это был инстинкт, направленный на лошадь как объект охоты, этот инстинкт происходит из ассирийских областей, где короли с такими собаками охотятся на лошадей, похожих на мою».

«Синий всадник» Франц Марк в эти дни заканчивает в Зиндельсдорфе под Мюнхеном свою картину «Башня синих лошадей». Август Макке пишет ему: «Подари своей эпохе животных, перед которыми будут стоять подолгу. Пусть цокот копыт твоих лошадей звучит много столетий». А этим летом Макке тоже вдруг начинает рисовать

лошадей — причем таких, на которых сидят солдаты. Учения, лошади как средство достижения цели, в седлах мужчины в немецкой форме. А у Марка совсем не то: лошадь как самое лучшее, самое чистое, что может помыслить человек. Абсурдная ирония судьбы в том, что именно Франц Марк, тот самый «синий всадник», создатель фантастических синих лошадей, погибнет на Первой мировой войне, находясь в седле — снаряд угодит в него во время верховой разведки. И еще: на следующий день была запланирована демобилизация тридцатилетнего Марка как «одного из самых значительных художников Германии», чтобы он смог полностью посвятить себя искусству. Но на следующий день он был уже на небесах.

Август Бебель, когда-то мастер по изготовлению дверных ручек, то есть издавна имеющий склонность к приходам и уходам и поэтому всегда отлично подходивший на любую высокую должность в социал-демократической партии Германии, в 1913 году был депутатом от округа Гамбург-1 и сидел в германском Рейхстаге. Но прежде всего он был голосом социал-демократии, пользовался уважением и почетом. А 13 августа 1913 года ему пришлось окончательно уйти: он умирает от сердечного приступа в Пассуге в Швейцарии, где проживал в санатории. Его смерть вызвала потрясения по всей Европе. Роза Люксембург, гостившая летом у Клары Цеткин в Зилленбухе под Штутгартом, в утро смерти Бебеля под морозящим дождем собирает растения на лугах за домом, находит перекати-поле¹⁹ и засушивает в своем гербарии, она начинает уже десятую тетрадь и пишет латинское название растения: *Gypsophila paniculata*. На следующий день после смерти Бебеля она находит в Зилленбухе то, в чем острее всего нуждается: валериану. Она срывает растение, сразу несет домой и заваривает из него чай, а один стебелек с листьями вклеивает в тетрадь и смягчает свою скорбь латинскими словами *Valeriana officinalis*. Может

19

По-немецки это растение называется Schleierkraut, то есть «трава-вуаль».

быть, лучше было стать ботаником, а не революционером, думает она в эти дождливые летние дни.

Из порта Саутгемптона 15 августа вышел «Эйвон», гигантский корабль грузоподъемностью 11 073 регистровых тонн, несущий ценный груз: «Русский балет» в полном составе. Русские танцоры покорили Европу и собрались теперь покорить Южную Америку. Однако молодая венгерская танцовщица Ромола де Пульски волнуется, она видит, что на корабле нет ни Дягилева, ни Нижинского. Нижинский всё же присоединяется к коллективу 16 августа во французском Шербуре, с шестью чемоданами и слугой Василием, а Дягилева нет как нет. Еще в Баден-Бадене он решил поберечь себя, он панически боится морских путешествий с тех пор, как предсказательница напророчила ему, что в таком путешествии с ним случится большое несчастье, к тому же его совсем не интересует Южная Америка, он хочет отдохнуть в Венеции, так что пусть команда едет на заработки без главного тренера.

Двадцать дней в море стали для танцоров долгими каникулами, светило солнце, они были окружены заботой и вниманием, можно было отдохнуть от напряженного европейского турне, и танцоры встречались только по утрам и вечерам — зарядка, легкие тонизирующие упражнения, тренировки с гирями. На борту был весь основной состав «Весны священной», кроме трех молодых танцовщиц, они забеременели еще во время репетиций в Париже. У двадцатитрехлетней Ромолы де Пульски созрел отчаянный план. Она хотела освободить гея Нижинского из лап Дягилева в частности и мужчин вообще. И это морское путешествие, которое двадцатичетырехлетний танцор совершал без своего старшего любовника, воспитателя, покровителя и полубога, казалось ей уникальным шансом. Ромола оставила каюту второго класса своей горничной Анне, а себе взяла каюту первого класса наискосок от каюты Нижинского, чтобы держать под контролем его дверь. Днем она медленно нарезала круги по палубе, ища возможности

как-то сблизиться с объектом своей страсти. Нижинский был возвышенной натурой, сдержанным и необщительным, он часто сидел в шезлонге и читал, овеваемый теплым ветром, Толстого и Достоевского, в светлом костюме или в голубом блейзере с белыми брюками. Он поглядывал на морской простор, жмурился на солнце, дремал. После обеда он под палубой работал над своим балетом по Иоганну Себастьяну Баху, который начал еще в Баден-Бадене, Ромола заглядывала к нему и наблюдала. Когда однажды стюард хотел прогнать ее, чтобы мастер мог спокойно заниматься, Нижинский легким движением руки позволил ей остаться. С этого всё и начинается. С разрешения остаться. И вот как-то вечером, в ярком лунном свете, Нижинский стоял у борта судна, в смокинге, и обмахивался черным веером, украшенным золотой розой. Мимо проходил Чавес, франко-аргентинский модельер, он увидел погруженного в меланхолию Нижинского, а слева от него — юную Ромолу, и сказал: «Monsieur Nijinsky, permettez-moi de vous présenter Mademoiselle de Pulszky?» То есть предложил представить ему молодую особу. Нижинский не возражал. Но при этом лишь слегка склонил голову и приобрел вид точь-в-точь такой, как на афишах «Послеполуденного отдыха фавна». Все молчат. Потом Ромола лепечет: «Вы подняли танец до уровня других искусств». Чавес перевел. Снова молчание. Нижинский смотрит сначала красивой девушке в глаза, потом на ее тонкое кольцо. Она снимает его и говорит, что это талисман, мама подарила его ей на счастье перед отплытием с «Русским балетом». Нижинский берет кольцо, долго рассматривает его, затем нежно надевает Ромоле на палец и говорит: «Оно принесет вам счастье, несомненно». Это уже можно считать обручением?

Потом они втроем пошли по палубе, море блистало в сумеречном свете, всюду царил бесконечный покой, корабль только-только пересек экватор, Ромола и Нижинский смотрели на небо, на новые звезды, которых не увидишь в северном полушарии. Он не говорил по-французски, она не говорила ни по-польски, ни

по-русски. Но они как-то понимали друг друга. Они долго молча смотрели на Южный Крест у себя над головой, потом осторожно попрощались и отправились спать.

Спустя два дня к Ромоле приходит Гинцбург, компаньон Дягилева в «Русском балете», с просьбой о срочном разговоре. Она боится, что не соответствует уровню труппы и ее снимают с гастролей по Южной Америке. Но дело совсем в другом: «Ромола Карловна, поскольку Нижинский не может поговорить с вами, он попросил меня спросить вас, не хотите ли вы выйти за него замуж?» Ромола краснеет, в ее глазах слезы, она убегает в свою каюту в объятия горничной Анны, которая потом долго и осторожно расчесывает ее длинные, очень длинные волосы. Вдруг в дверь стучит Нижинский, он взволнован и спрашивает, припоминая все известные ему французские слова: «Mademoiselle, voulez-vous, vous et moi?» Ромола в ответ лепечет только «Oui, oui, oui». Он берет ее руку, они выходят на палубу, уже наступил вечер, они садятся на стулья на капитанском мостике и снова смотрят в бездонное звездное небо. Они молчат, они счастливы этой тропической ночью. На следующее утро, 21 августа, их корабль причаливает в порту Рио-де-Жанейро. И Нижинский, и Ромола без ума от счастья. Они идут к ювелиру, заказывают гравировку на кольцах, вечером возвращаются на судно и обедают за одним столом с капитаном. Весь корабль бурлит. Нижинский, любимец богов и Дягилева, всё-таки не голубой? И как же этой молодой, не очень-то одаренной венгерской танцовщице удалось очаровать его, если они даже не могут поговорить друг с другом?

В принципе, Марселю Прусту надо было заниматься своими гранками. В принципе, да. Но он заболел от любви. И немедленно сбежал из раскаленного Парижа в Кабур, на побережье Нормандии, в «Гранд-Отель» прямо у моря, номер 414, как всегда. Третьего августа газета «Фигаро» сообщает о прибытии Пруста в рубрике «Встречи на пляже». Газета ничего не пишет о прибытии Альфреда

Агостинелли, потому что тот официально был всего лишь шофером Пруста. Пруст познакомился с ним в Кабуре в 1907 году, где тот был таксистом, и немедленно увековечил его в своей статье как «паломника или, скорее, монахиню скорости». За этими сравнениями он явно пытался скрыть собственные нескромные мысли. Конечно же, безуспешно. Когда Агостинелли весной 1913 года обращается к Прусту, потеряв работу, Пруст не раздумывая берет его к себе. Досадное обстоятельство: у него уже есть шофер, Одилон Альбаре, которого он не хочет просто так увольнять, но и уникальный шанс иметь при себе Агостинелли Пруст тоже не хочет упускать. Поэтому он назначает автомеханика своим секретарем. Была машина, будет машинка — наверное, так он рассуждает и просит привести в нормальный вид горы его неразборчивых, непонятных рукописей и исправленных гранок к «Поискам утраченного времени». Он поселяет Агостинелли и его жену Анну в своей большой квартире на бульваре Осман, 102. А решив в начале августа уехать в Кабур, Пруст дает отпуск своему настоящему шоферу и отправляется в путь с Агостинелли. Почти сразу после прибытия, во время поездки в Ульгат, он решает прямо оттуда вернуться со своим возлюбленным шофером обратно в Париж, в опустевшую квартиру. В тихую гавань. Из его писем к друзьям, в которых он довольно загадочно высказывается по поводу Агостинелли и всех своих передряг, можно заключить, что Пруст в те дни находился на грани нервного срыва. Он сходит с ума от любви, а трагедия в том, что он опять втрескался в мужчину, который любит женщин. Он пишет и пишет друзьям, а в письмах просит никому ничего не говорить о его секретаре, как будто того не существует. Пруст совершенно теряет голову: «Я сбрил бороду, — пишет он своему близкому другу, виконту д'Альтону, — чтобы как-то изменить свое лицо и понравиться одной персоне, которую я вновь повстречал на жизненном пути». Оказалось ли этого достаточно, чтобы Агостинелли пустил его к себе в постель? Как бы то ни было, суммы денег, которые Пруст дарит ему и его жене,

приобретают такие масштабы, что Прусту приходится продать половину своих акций Royal Dutch.

Восемнадцатого августа в знаменитом казино в Монте-Карло случается нечто невероятное: шарик на столе для рулетки двадцать шесть раз подряд выпадает на черное. Очень много людей во фраках проиграли этим вечером очень много денег, потому что начиная с шестнадцатого, семнадцатого или восемнадцатого раза они ставили всё больше денег на красное, ведь они были уверены, что по законам вероятности пора бы уже выпасть красному. Та ночь вошла в историю теории игр как «ошибка игрока» (gamblers's fallacy). Хотя участникам игры и трудно в это поверить, даже в двадцать шестом раунде вероятность выпадения красного составляет ровно 50 процентов. У шарика нет памяти. И нет закона справедливости. Но при этом вероятность того, что шарик двадцать шесть раз подряд выпадет на черное, составляет 1 к 136 800 000.

Джек Лондон, автор «Морского волка», в прошлом году протрезвел, впервые с незапамятных времен, причем он был трезв несколько месяцев, потому что во время длительного морского путешествия вдоль западного побережья Америки на корабле закончился алкоголь и наркотиков тоже было негде достать. Он путешествовал со своей второй женой Чармиан, они возвращались на свою любимую ферму, в ее «Поместье красоты» (Beauty Ranch) и в его «Дом волка», который он там строил. Во время плавания он, к своей огромной радости, зачал ребенка, и его мечта о наследнике, которому перейдет поместье, была так близка к осуществлению. Но уже в Калифорнии Чармиан потеряла ребенка, а Джек Лондон потерял опорх жизни. И пустился во все тяжкие, снова начал пить, употреблять наркотики — опиум, героин. Чармиан тоже была в отчаянии от того, что у нее, скорее всего, никогда не будет детей.

В результате они еще больше старались сделать плодородной свою землю. Джек Лондон надеялся тут, на ферме, придать своей

жизни какой-то смысл, он собирался на доходы от писательства развивать сельское хозяйство, а не наоборот. После выкидыша Джек Лондон купил быка-производителя и самую породистую корову, так он положил начало большому стаду джерсейских коров. Он любил животных и любил разводить их, он хотел немного улучшить и животных, и землю. С растениями он обращался тоже куда более деликатно, чем с собственным телом: «Короче говоря, я попробовал сделать то, что китайцы делают уже сорок веков, а именно возделывать поля без промышленных удобрений. Я восстанавливаю выщелоченную холмистую землю, которую калифорнийские пионеры испортили своим расточительным хозяйствованием». Получается, что Джек Лондон создал в 1913 году первую в мире экоферму (если не брать в расчет голых огородников на Монте-Верита). Жемчужиной в раю Джека Лондона должен был стать дом, являющийся частью природы, так называемый «Дом волка». Весной и летом 1913 года Джек и Чармиан трудились не покладая рук, стараясь завершить стройку, начатую два года назад: двадцать три комнаты, все из дерева. Двадцать второго августа, за два дня до запланированного новоселья, дом полностью сгорел. Деревянные полы накануне почистили скипидаром, и когда Джек Лондон прибежал ночью тушить пожар, его дом и мечта его жизни полыхали голубым факелом.

Некоторое время спустя Лондону пришлось лечь на тяжелую операцию по удалению слепой кишки, а врач заодно сообщил, что его почки из-за злоупотребления алкоголем долго не протянут. Через две недели зубной врач удалил ему все верхние зубы, чтобы остановить пародонтоз, разбушевавшийся в деснах. Можно сказать, что 1913 год стал для Джека Лондона *annus horribilis*. Пожар в доме полностью разорил его, были потрачены его доходы на полтора года вперед. Нужно было срочно заработать денег, и он писал, даже когда плохо себя чувствовал. Права на экранизацию семи рассказов Лондон продал голливудской компании *Wosworth Inc.*, та сняла немые фильмы по знаменитым рассказам, но они не имели успеха. Так что

ему нужно было срочно публиковать новые рассказы. «Маленькую хозяйку большого дома» он написал именно полными отчаяния ночами того жаркого лета, когда вся его жизнь, казалось, горела синим пламенем. Книга должна была стать гимном «Дому волка», научно обоснованному земледелию и сексу. «Роман полон секса, от начала и до конца, — писал он, как мужик мужику, издателю журнала «Cosmopolitan», с которым у него был договор об эксклюзивных правах. — В нем нет прямого изображения сексуальных приключений, этим даже не пахнет, но в нем присутствует вся ненасытность секса, в комбинации с силой». На самом деле в романе присутствуют мощное бессилие и нерешительность, которые охватывают Полу, героиню романа, и героя Дика Фореста (что за имя-то!) из-за их бесплодия. Закончив роман, он снова идет к своему врачу, доктору Портеру, и тот прописывает ему новые наркотики от невыносимых болей в почках и в мочевом пузыре, микстуры из морфия и белладонны, из героина и стрихнина. Краткосрочный эффект от морфия и героина оказался благоприятным — он стал намного меньше пить. И сразу сел за книгу о пьянстве — «Джон Ячменное Зерно», которая в Германии вышла под более подходящим названием «Король Алкоголь»: темой новой книги он сделал собственный алкоголизм. «The New York Times» написала, что это, «пожалуй, самая живая книга из всех написанных Лондоном». Ну, наверняка самая честная. Он утверждает, что на протяжении всей жизни употреблял много алкоголя, но не получал никакого удовольствия. Главный тезис таков: алкоголь — это демон, который заключает с мужчинами сделку: позволяет им общаться в компании, но в конечном счете уничтожает их. А еще Джек Лондон надеялся, что женщины получают избирательные права и добьются запрета алкоголя. Хм.

Ночью Джек Лондон в наркотическом угаре всё дальше уносится в иные сферы, прочь из своего разрушенного тела, от своего грустного брака, от своего сгоревшего дома и копящихся долгов. «Морской волк» захотел стать орлом. Захотел посмотреть на свою жизнь и весь мир с высоты птичьего полета. И морфий помогал

ему хотя бы в этом. Он взял новый черный блокнот со страницами в линейку. Написал на обложке: «The Last Novel of All». А на первой странице — ту самую жуткую прощальную фразу: «Далеко за самой дальней звездой вращалась когда-то Земля».

В тот день, 22 августа, когда погиб «Дом волка» Джека Лондона, Франц Кафка несколькими фразами погубил мечту своей невесты Фелиции Бауэр. Она только что написала ему с острова Зильт, где она наблюдает за парами на пляже и мечтает о том, что скоро станет женой Кафки. Кафка паникует и вносит ясность: ту, что выйдет за него замуж, ждет «монастырская, келейная жизнь подле сумрачного, печального, молчаливого, недовольного, болезненного субъекта». И довольно разумно поступает отец Фелиции Карл, который на следующий день пишет Кафке, что подождет с согласием на их брак до разговора с дочерью. Но его дочь действительно хочет замуж за этого сумрачного, печального, молчаливого, недовольного, болезненного субъекта, и отцу не остается ничего иного, как 27 августа ответить согласием на сватовство Кафки. Но тот через три дня отвечает Фелиции письмом, в котором умоляет: «Оттолкни меня, всё прочее будет погибелью для нас обоих». Ну что тут сказать?

Двадцать третьего августа Оскару Шмитцу кажется, что он наконец-то понял, как надо вести себя с этими странными существами — женщинами. Шмитц, один из главных ловеласов этого года, которого по частоте и вариативности задокументированной сексуальной жизни опережал разве что Эрих Мюзам, от которого до нас досадным образом не дошел именно дневник за 1913 год, так вот, этот самый Шмитц, который всё первое полугодие 1913 года промучился в Берлине с психоанализом у одного из учеников Фрейда, где пытался освободиться от архетипа матери и понять отцовские проблемы с пищеварением, этот самый Шмитц 20 августа в Штеттине в виде исключения взбирается на пароход (а не на даму) и отправляется в Прибалтику. Кажется, в жизни Шмитца идеально переплелись индивидуальные

и коллективные неврозы того времени, и нет ничего удивительного в том, что ему нужен небольшой отдых.

В Хельсинки солнце, конечно, совсем не хочет садиться, а он знакомится на набережной с красивой эстонкой по имени Ольга Тильга и гуляет с ней до пяти утра, чтобы у нее не создалось впечатления, что он хочет затащить ее в постель. «Трогательна была ее борьба между желанием отдаться и недоверием, — записывает Шмитц и рапортует своему терапевту в Берлин: — Под утро я из-за усталости посчитал, что всё пропало, всё ушло в болтовню». Но Ольга внезапно изъявляет желание провести с ним и следующий день, однако Оскар холодно отвечает ей: «Нет, спасибо». Как истинный фрейдист, он видит во сне, как пишет ей письмо, и действительно делает это, проснувшись. Ответ положительный. Спустя два часа фиктивные месье и мадам Шмитц вселяются в номер с голубыми стенами и ванной в гостинице «Afallo», она наскоро приводит себя в порядок. Затем торжественный ужин в гостинице, раки, «Вдова Клико», музыка Баха, всё как положено. А потом? «А потом несколько ошеломительных часов редкого совершенства».

А потом эротоман Оскар А.Х. Шмитц в своем дневнике объясняет миру, как это делается: «1) Внезапной холодностью вынудить женщину сказать „да“. 2) НИКОГДА не уступать из жалости ее мольбам. 3) Когда из-за моего „нет“ ситуация стала неопределенной, через 2 часа упросить ее сказать „да“, чтобы она чувствовала себя не униженной, а дарительницей, а во мне так снова проснется желание». Это *minima amoralia*²⁰ Оскара А.Х. Шмитца. Доктор Фрейд, это ваш клиент!

Но у доктора Зигмунда Фрейда (Вена, Берггассе, 19) сейчас другие заботы. Он готовится к психоаналитическому конгрессу в Мюнхене, где его ждет встреча с его оппонентом К.Г. Юнгом. Фрейд боится. И не знает, как подавить этот страх, какая-то проклятая профессиональная деформация.

20

Отсылка к работе Теодора Адорно «*Minima moralia*».

А как в общих чертах обстоят дела с отношениями мужчин и женщин в 1913 году? Общий ответ такой: всё сложно. И те, и другие не знают, чего хотят. Например, фотограф Генрих Кюн пишет своему другу, великому американскому фотографу Альфреду Стиглицу, который только что купил свою первую картину Кандинского: «Женщины, которые действительно обладают глубоким пониманием художественного творчества, так мало интересуются домашним хозяйством и нормальными кухонными хлопотами, что мужчина начинает тосковать по деревенской бабе, которая пусть, ради Бога, ничего не смыслит в искусстве и литературе».

Пока была жива моя жена, жалуется Кюн своему другу Стиглицу, я мог фотографировать только наших детей, потому что жена запрещала снимать других моделей. Сама виновата. В результате няня Мэри, постоянно сопровождавшая детей на фотопрогулках, стала любовницей Кюна. А потом, после смерти жены — второй женой. Но и она, судя по всему, всеми силами старалась не допустить того, чтобы ее муж фотографировал обнаженными других женщин, и стала его единственной моделью для таких снимков. И она очень разнообразно интерпретировала роль деревенской бабы: на фотографиях Кюна она и соблазнительная модель ню, и бодрая путешественница в народном костюме, и любящая мать, склонившаяся над своими детьми, и уверенная в себе женщина в элегантном костюме. Она воплощает сразу всё. И мужу не пришлось искать чего-то другого. Еще один рецепт гармоничных отношений.

Как раз в эти дни Эгон Шиле пишет в Вене несколько очень странных изображений женщин: он совсем отказывается от головы и показывает только тело, на уровне шеи заканчивается бумага. Это торсы, зависшие в пространстве без почвы под ногами, обезглавленные, прикрытые легкими платками, а в остальном совершенно голые, телесная акварель, мягкие контуры. Женщина без ненужной головы. Плохой рецепт для гармоничных отношений.

Жизнь пока еще прекрасна: Дягилев, импресарио «Русского балета», едет в Венецию с Мисей Серт.
А потом получает телеграмму

Двадцать третьего августа в порту Копенгагена открывают «Русалочку» скульптора Эдварда Эриксона. Эриксен поступил довольно оригинально, изобразив голову своей возлюбленной Эллен Прайс, прима-балерины Датского королевского балета, и тело своей жены Элины. Тоже вариант.

Насколько велико культурное сообщество в 1913 году? Готфрид Бенн подсчитал точно. Во вторник 2 сентября он пишет своему другу и издателю Паулю Цеху: «Искусство — дело 50 человек, из них 30 ненормальных».

Один из этих пятидесяти человек, и вроде бы нормальный, — директор банка Карл Штейнбарт из Берлина, 2 сентября он едет в Мосс к норвежскому художнику Эдварду Мунку. С ним пятьдесят первая любительница искусства, его дочь Ирмагарт, портрет которой будет писать Мунк. Сначала Штейнбарт спонтанно покупает несколько картин Мунка на сумасшедшую сумму в 34 500 марок. Но уже на обратном пути его начинают одолевать сомнения. И вот Штейнбарт, садясь в свою машину на Штеттинском вокзале в Берлине, кладет картину «Утро на берегу Балтийского моря», за которую он тремя днями ранее заплатил 6000 марок, на крышу автомобиля, забывает о ней и отъезжает. Когда он прибывает в Лихтерфельде, картины уже нет. Восьмого сентября газета «Berliner Tageblatt» сообщает: «Чрезвычайно ценная картина, за возврат которой обещано вознаграждение в 200 марок, была вчера утеряна одним господином в девятом часу вечера во время поездки на автомобиле с Штеттинского вокзала в Лихтерфельде через Штеглиц. На картине изображен морской пейзаж. Имеется подпись *Munch 1902*». Но ничего не помогло, картина пропала и до сих пор не найдена, сейчас она стоила бы не 6000 марок, а 6 миллионов евро. Но это далеко не конец несчастливых отношений между Мунком и его немецким коллекционером. Через несколько дней портрет Ирмагарт кисти Мунка прибывает в Берлин, и в доме Штейнбарта все в ужасе. Коллекционер

немедленно пишет художнику, что хочет вернуть картину, потому что она не нравится ни ему, ни жене, ни дочери. И спешно относит картину обратно на почту. Потом Штейнбарт насчитывает бедному Мунку еще 15 марок за доставку и страховку. Мунк, вежливый и усталый человек, который этим летом сам себе кажется «полянным классиком», так прокомментирует ситуацию: «От Штейнбарта столько хлопот».

Результат: после октября 1913 года Мунк не будет брать заказов на портреты от немецких сутяжников.

Восьмого сентября газета «Irish Times» печатает стихотворение «Сентябрь 1913» У.Б. Йейтса. Это стихотворение о конце романтизма и начале материализма. Поводом к его написанию стал отказ города Дублина принять в дар коллекцию современной и импрессионистической живописи. Йейтс видит в этом принципиальное прощание: «Romantic Ireland's dead and gone». Рефрен его стихотворения — колокол, звонящий по исчезнувшему прошлому.

Восьмого сентября Карл Краус и Сидония Надгерна сталкиваются в «Кафе Империял» в Вене, как две кометы. Всю жизнь они будут кружить друг вокруг друга. Но уже 19 сентября она пишет в своем дневнике: «Это унижительно — растить страсть мужчины с помощью своей недоступности. Он должен обладать мною, чтобы понять, насколько я недоступна для него. Только тогда будет расти его влечение, только тогда оно будет относиться именно ко мне, только тогда я смогу ускользнуть от него». И далее: «Как низка женщина, которая поцелуем хочет сказать не то же, что и телом, которая губами разжигает страсть, которую потом не утоляет». Какая интересная теория. Кажется, она действительно постепенно отдаляется от парализующего влияния Рильке.

Четырнадцатилетний Эрнест Хемингуэй в начале сентября пишет из университета Oak Park and River Forest High School письмо матери.

Он просит прислать ему длинные штаны. И самое главное, новые рубашки, потому что в результате постоянных занятий боксом увеличилась его грудная клетка: «Я каждый раз взрываюсь пуговицами на рубашке, когда вздыхаю полной грудью». Гордая мать Грэйс Холл отправляет сыну посылку с новыми вещами. Она всегда знала, что ее сын будет взрывать все нормы, все его письма и записки она вклеивает в толстую книгу в кожаной обложке. Большое ей спасибо за это.

Восьмого сентября в мюнхенской гостинице «Bayerischer Hof» происходит выяснение отношений между Зигмундом Фрейдом и К.Г. Юнгом, которого Фрейд когда-то считал своим «сыном и наследником». Мероприятие официально называется «4-й конгресс международной психоаналитической ассоциации», в списке участников — восемьдесят семь членов и гостей, среди которых и Райнер Мария Рильке, который снова оказался под влиянием Лу Андреас-Саломе. Но на самом деле тут только два главных героя среди восьмидесяти семи присутствующих: речь идет о борьбе за власть между Фрейдом и Юнгом. И уже через несколько минут среди участников распространился каламбур: «Юнги больше не верят Фрейду»²¹. Если в двух словах, то Юнг полагает, что Фрейд в вопросе о возникновении невроза и в толковании психологической травмы слишком одержимо концентрировался на сексуальности. В конце концов цюрихские аналитики из круга Юнга покидают ассоциацию, хотя сначала они в результате голосования добились переизбрания Юнга на пост ее председателя. Но разбитую вазу было уже не склеить. Фрейд тогда так сказал о Юнге: «Его дурные теории для меня не компенсируют его скверный характер». Юнг о Фрейде: «Насколько я восхищаюсь смелостью его эксперимента, так же мало я соглашаюсь с его методом и его результатами». После 8 сентября 1913 года мастер и его непонятливый ученик больше никогда не встретятся.

Всех искателей свободы и фанатов природы тянет в Аскону, к горе Монте-Верита, в первое поселение немецких «альтернативщиков». Эрих Мюзам описывал, как из пристанища для нескольких приверженцев индивидуальной этики вырос солидный этический коллектив, «санаторное учреждение „Монте-Верита“, которое я стал называть „салаторием“, потому что там кормили только сырыми фруктами и овощами. Об обитателях я высказывался довольно скептически; я называл их „этичными разбойниками со спиритическими, теософскими, оккультными или утрировано вегетарианскими идеями“». Веганы, секс-гуру, танцоры, нудисты, буддисты, Германь Гессе и денди швабингской²² богемы — здесь, на холме высотой 321 метр с фиговыми деревьями и полуразвалившимися хижинами, который купили сын бельгийского промышленника Генри Уденковен и его подруга Ида Гофман вместе с несколькими единомышленниками, здесь все они заметили, что вера двигает горы. Потому что у этой горы вообще не было названия. И они назвали ее «горой правды», никто не возражал, а власти кантона Тичино, впечатленные тевтонской волей к созданию, послушно утвердили название *Monte Verità*.

Каролина София Мария Вигманн, дочь торговца швейными машинками из Ганновера, совершила аналогичный поступок: она сменила имя на Мэри Вигман и вдруг стала новым человеком. Она изучала «ритмическую гимнастику» у Эмиля Жак-Далькроза в Хеллерау, пригороде Дрездена, а летом 1913 года она едет в Аскону, чтобы учиться экспрессивному танцу без музыки у видного танцевального теоретика Рудольфа фон Лабана, который впервые перенес занятия своей школы из Мюнхена в Аскону. Мэри Вигман услышала о Лабане от Эмиля Нольде, который любил рисовать танцовщиц. Чего только не было к тому моменту на Монте-Верита — это и филиал швабингской богемы, и место для экспериментов с наркотиками и психоанализом, гнездо свободной любви и пристанище молодых матерей-одиночек вроде Фанни цу Ревентлов, прообраз идеального мира для людей, питающихся

22

Швабинг — богемный район Мюнхена.

только воздухом, любовью и овощами. Но по-настоящему знаменитым это место стало тогда, когда люди там начали танцевать голыми. И благодаря фотографиям голых женщин на фоне далеких гор и озера Лаго-Маджоре. Казалось, что тело освобождено — причем телесность стала такой, как была до грехопадения. Мэри Вигман говорит, что тело — это инструмент, который люди должны настроить по-новому. Она приезжает из Мюнхена на поезде и сначала оказывается в Локарно. Идет пешком в Аскону и там поднимается на гору. За небольшой рощей, рядом с местом для дамских воздушных ванн, она видит танцоров. Лабан сразу говорит ей: «Раздевайтесь там за кустами и подходите». Так всё и началось. В Асконе она записала в дневнике: «Освободиться от музыки! Все должны освободиться! Только тогда движение может стать тем, чего все ждут от него: свободным танцем, чистым искусством». И у нее получилось. У Мэри Вигман получилось в мире танца то же, что сделал Кандинский в живописи в сфере абстракции, чего Шёнберг достиг в музыке. Когда Оскар Кокошка впервые увидел ее танец, он был поражен и сказал: «Она воплощает экспрессионизм в движении». Ведь из чего появляется авангард? Из движения.

Из чего появляется авангард? Из разделения. Вот, к примеру, Франтишек Купка, в 1913 году одна из главных фигур абстракционизма, наряду с Малевичем, Кандинским и Мондрианом. Он хотя и жил в Париже, по соседству с Матиссом и Пикассо, но в письме своему другу Артуру Рёсслеру заявлял: «Конечно, в Париже я знаком со всеми художниками, но мне не кажется, что надо с ними как-то объединяться, мне не кажется, что я должен ходить к ним в мастерские, да и они ко мне приходить не хотят. На самом деле я веду здесь жизнь отшельника». Или, если воспользоваться словами Готфрида Бенна из стихотворения «Экспресс»: «Но потом! Какое одиночество!»²³ Или, еще поэтичнее, когда есть еще несколько лет жизненного опыта: «Жто в одиночестве, / тот в тайне».

Хотя это как посмотреть. Один берлинский домовладелец пожаловался на молодую актрису, которая не любила одиночество и поэтому часто принимала в своей квартире джентльменов. Хозяин квартиры увидел тут не тайну, а правонарушение. А вот берлинский имперский суд рассудил иначе и вынес 9 сентября 1913 года революционный вердикт: «Запрет на визиты мужчин является нарушением прав личности, и наем жилья не является основанием для запрета таких действий. Каждый человек сам волен решать, в какой мере он подчиняется законам морали. Если дама желает принимать гостей мужского пола и не порочит своими действиями репутацию дома, то она вправе делать это у себя в квартире». Обоснование решения суда еще точнее определяет: «Даже если визиты мужчин происходили в аморальных целях, это не меняет позиции суда. Никого не касается то, что происходит за закрытыми дверями». Иными словами: закон для всех един, а мораль у каждого своя. Вот такой уровень развития общества в 1913 году.

Девятого сентября в Суссексе Вирджиния Вульф пытается покончить с собой, приняв большую дозу снотворного.

В эти дни Макс Эрнст, по сути своей уже художник, а по форме пока студент, изучающий историю искусств в Боннском университете, отправляется вместе со своим профессором Паулем Клеменом на экскурсию в Париж. Студенты посещают мастерскую великого Родена. К радости Альмы Малер (она сейчас Малер, больше не Кошка, пока еще не Гропиус и не Верфель) тот в данный момент трудится над бюстом Густава Малера и подробно рассказывает о различиях в пластике гипса, бронзы и мрамора. Макс Эрнст никогда не забудет этот визит.

Девятого сентября Ромола де Пульски и Нижинский идут в Буэнос-Айресе на исповедь, потому что на следующий день танцоры «Русского балета» собираются пожениться. Нижинский долго о чем-то

рассказывает аргентинскому священнику, тот не понимает ни слова ни по-польски, ни по-русски, но всё равно отпускает ему грехи. Ромоле же приходится пообещать священнику, что она постарается удержать будущего мужа от исполнения аморальных танцев в «Шахерезаде», о которых слышал священник. Она обещает. На бракосочетании, состоявшемся в час дня по местному времени в ЗАГСе Буэнос-Айреса, на Ромоле темно-синее плиссированное платье из тафты с букетиком моховых роз на талии и черная шляпа с изогнутыми полями и синей лентой. Она выглядит потрясающе. Вечером венчание в церкви, а затем генеральная репетиция «Шахерезады», и, конечно же, Нижинский снова исполняет аморальные танцы. Потом они, изнемогая от усталости, ужинают в своем номере-люкс гостиницы «Majestic». Они смущены и взволнованы. До сих пор они только целовались. Ромола забеременеет прямо в брачную ночь.

Расстояние иногда дает простор новым мыслям и новым решениям, которые дарят ощущение свободы, свободы от рутины и привычных ритуалов. Еще месяц назад Нижинский вместе с Дягилевым, своим первооткрывателем, покровителем и практически супругом ездил в Вюрцбург, чтобы посмотреть на свадьбы кисти Тьеполо. А теперь, спустя всего одно морское путешествие, Нижинский, который никогда в жизни не целовал женщину, вдруг оказался женат на молодой венгерской танцовщице? Возможно, Нижинский был величайшим танцором в истории. Но он не был величайшим психологом. Он отправил Дягилеву в Венецию, где тот отдыхал, телеграмму. А Дягилев в тот самый день, 11 сентября, пригласил к себе в номер Мисю Серт, мецената и парижскую светскую даму, чтобы показать ей новую партитуру. В Венеции было очень жарко и душно, она пришла к нему с зонтиком от солнца. Дягилев лихо исполнил в номере несколько танцевальных па, при этом он ритмично закрывал и раскрывал зонтик. Жутко суевверная Мися Серт попросила его закрыть зонтик, потому что нельзя раскрывать его в помещении, это приносит большую беду. Но было уже поздно. Портье постучал в дверь и вручил Дягилеву телеграмму — телеграмму от Нижинского. И тогда Сергей Павлович Дягилев

закричал. Сначала он решил отправить в Буэнос-Айрес телеграмму и запретить свадьбу, попытаться заявить права собственности на этого русского вундеркинда, которого у него так неожиданно вырвали из рук, хотя ничто не предвещало такого поворота. Но потом он ощутил свое бессилие. Дягилев неистовствовал, бушевал, рыдал и кричал. В эти минуты в Венеции для него обрушился весь мир: не только его его любовника и мужчины, но и его мечта о будущем «Русского балета», всё погибло, потому что его обхитрила двадцатитрехлетняя танцовщица, а он, дурак, отказался от поездки по морю. Дягилев смотрит на обломки своей жизни: он, как Пигмалион, вылепивший своими толстыми пальцами из Нижинского совершенство, которым восхищался Роден, он чувствовал, как его творение ускользает от него. Мися Серт пыталась утешать своего безутешного друга, к нему позвали Льва Бакста и Гуго фон Гофманстала, они вообще-то собирались обсудить постановку «Легенды об Иосифе», но теперь появились проблемы поважнее. Бакст, своей афишей для «Послеполуденного отдыха фавна» навсегда сделавший Нижинского иконой, этот самый Бакст больше всего хочет узнать у расстроенного Дягилева ответ на такой вопрос: купил ли Нижинский в Баден-Бадене, перед отъездом в Южную Америку, новые трусы? Если да, то он с самого начала собирался сбежать, доказывает Бакст. В какой-то момент у Дягилева лопаются терпение, он просит оставить его в покое с этими трусами, он в отчаянии и не может сейчас думать о такой ерунде. Кстати, получается, что предсказательница была права, когда напроорочила Дягилеву, что морское путешествие принесет ему несчастье.

Мися Серт, добросердечная дама, разбирающаяся в суевериях и человеческих пороках, взяла несчастного под руку, усадила в ближайший поезд и поехала с ним в Неаполь. Она сразу поняла: тому, кто грустит, нельзя находиться в эти душевные дни позднего лета в Венеции, в столице меланхолии, ему нужно окунуться в жизнь, в хаос, ему нужно в Неаполь. А там она устроила так, чтобы Дягилева круглосуточно отвлекали многочисленные юноши с огненным взглядом, она надеялась таким способом немного смягчить его унижение. Всё

без толку, разумеется, потому что обида — одна из главных сил на земле. Она — причина величайших мерзостей, коварнейших интриг, выдающихся подвигов, а также смертельных размолвок.

Пятнадцатого сентября 1913 года Вальтер Беньямин, только что выросший из «Берлинского детства на рубеже веков», сидит у себя дома на Дельбрюкштрассе, 23 в Берлине и пишет своей подруге Карле Зеллигсон: «Это непрерывно вибрирующее чувство абстрактности чистого духа я назвал бы юностью. Потому что (если мы не станем простыми рабочими какого-то движения), если мы сохраняем ясный взгляд и видим дух, где бы он ни был, то мы же его и воплощаем. Почти все забывают, что они сами являются местом воплощения духа». Вот такая «Юность в Берлине в 1913 году».

Восемнадцатого сентября сбывается великая мечта Джека Лондона: женщины начинают борьбу с алкоголизмом. Но прежде чем заняться мужчинами, они начинают с себя. Еще весной предложение баронессы Густль фон Блюхер построить рядом с новым памятником Битве народов приют для трезвенниц вызвало насмешки.

Однако председательница Германского женского общества трезвости не оставляла свою затею. Ее логика была такова: если этот памятник призван напоминать об освобождении немцев от чужеземного тирана, то есть Наполеона, то рядом непременно нужен символ освобождения от внутреннего тирана — алкоголя. Одиннадцатого марта началось строительство «Дома королевы Луизы», или «Дома трезвенниц», и вот уже 18 сентября было готово красивое здание в лейпцигском районе Штёттеритц. Оно было построено прямо напротив входа на южное кладбище, явно для того, чтобы продемонстрировать дамам-алкоголичкам, что пора завязывать. В доме была и вода, и чай. А в саду чашки.

Когда берлинцы возвращаются с берегов прохладных озер в столицу империи, их поджидает сенсация: 19 сентября открывается «Первый

Немецкий осенний салон» на площади 1200 квадратных метров, на четвертом этаже нового здания аукционного дома Рудольфа Лепке на Потсдамерштрассе, 75, угол с Палласштрассе. Салон проходит по инициативе Франца Марка и Августа Макке, организовал его в качестве импресарио Герварт Вальден, создатель журнала «Der Sturm», на салоне будет девятнадцать отделов и триста шестьдесят шесть картин русских, французских, итальянских, бельгийских и немецких художников. Разумеется, там будут Макке, Марк, Пауль Клее, Кандинский, а еще оба Делоне из Парижа, Шагал, Пит Мондриан и Макс Эрнст. Франц Марк в восторге пишет Кандинскому: на этой выставке чувствуется, что абстрактное искусство теперь доминирует. Это был «большой взрыв» современной живописи в Германии. Но почти никто этого не заметил. Разве что Вилли Баумейстер почувствовал что-то. Молодой художник, гордый тем, что на Осеннем салоне представлены две его картины, 25 сентября ходил по выставке и вдруг увидел Франца Марка, который стоял перед огромной картиной Леже и явно был сильно впечатлен ею. «Высокий, темноволосый элегантный человек, — вспоминает Баумейстер, — он просто искрился от возбуждения». Через некоторое время волна этого возбуждения захлестнула и остальной мир.

Наша прекрасная и загадочная русская княгиня Евгения Шаховская, кузина царя Николая II, так эффектно рухнувшая со своим возлюбленным 24 апреля на аэродроме Йоханнисталь (Берлин), кажется, довольно быстро оправилась от потрясения и вернулась к привычному занятию — кружить головы мужчинам. Двадцать первого сентября, поздний вечер в Берлине, званый ужин у семьи Штерн: там она встречает Герхарта Гауптмана, который подводит такой итог 1913 году в жизни княгини Шаховской: «Молодая и романтическая княгиня Шаховская. Летчица. Пилотировала самолет и погубила своего возлюбленного, Абрамовича. Тяжело отходила от тяжелой истории, теперь рядом с ней молодой немецкий офицер-морьяк, и эрос носится в воздухе. Морьяка зовут Ганс Шиллер. А что касается пилотирования,

говорит княгиня, то для самого авиатора это совсем не романтично». Хорошо тогда, что хотя бы где-то на земле есть немножко места для романтики. Ее новый кавалер, Ганс Шиллер, уже начал перебираться с моря в воздух и 5 мая сдал экзамен на пилота, всего через десять дней после смерти Абрамовича.

Двадцать третьего сентября, во вторник, Ролан Гаррос первым перелетает Средиземное море. Его аэроплану «Morane-Saulnier G» потребовалось около восьми часов, чтобы добраться из Фрежюса в южной Франции до Бизерты в Тунисе.

Кафка осознает, что на дворе особый год. Из Ривы на озере Гарда, где он пытается провести что-то вроде отпуска, Кафка отправляет открытку своей сестре Оттле и просит ее раздобыть для него проспект книги «1913 год».

Выходит книга «1913 год» Даниэля Заразона. Она начинается лаконичной констатацией: «Вероятно, мы живем в самое интересное и волнующее время из всех времен». Потом слова Эрнста Трёлча: «Напряженность современной борьбы за жизнь не позволяет наступить покою и тишине, которые необходимы для религиозной жизни, и утомленным чувствам требуется какой-то иной отдых. Это старое явление, мы все хорошо его знаем, какое-то время его называли прогрессом, потом декадансом, а сейчас многие надеются, что оно готовит нам новый идеализм». Это же мой текст, наверняка подумал Кафка.

Двадцать шестого сентября Розе Люксембург не до сбора растений. Она выступает с речью в «Песенном зале» во франкфуртском районе Боккенхайм. Зал заполнен народом. Жарко. Она призывает рабочих не братья за оружие, если начнется война. «Если от нас требуют поднять смертельное оружие на наших французских братьев, мы крикнем в ответ, что отказываемся». Эта речь будет иметь последствия. Уже 30 сентября франкфуртский верховный прокурор

возбудит против Розы Люксембург дело по обвинению в «подстрекательстве к неповиновению государственной власти», и вскоре ее приговорят к году тюрьмы.

В конце сентября Огюст Роден пишет из Парижа Вите Сэквилл в Лондон. У нее странное желание: она предлагает ему гонорар за создание бюста германского императора Вильгельма II. Роден возмущенно отвечает, что никогда в жизни не согласился бы работать над скульптурой человека, который «является естественным врагом Франции».

Свой первый патент он получил за фасовку в бутылки прозрачного льда, но это ни к чему не привело. Рудольф Дизель хотел изобрести что-то стоящее, что-то такое, что поможет человечеству сделать шаг вперед. И он изобрел дизельный двигатель, или, на бюрократическом языке, «патент № 67207, технология и воплощение двигателя внутреннего сгорания». Двигатель вскоре стали называть по его фамилии, то есть дизелем, но в финансах и в переговорах он не так гениален, как в изобретательстве, и крупные фирмы постепенно присвоили все его патенты и богатство утекло сквозь пальцы. И осенью 1913 года было то же самое. Первого октября нужно было выплатить проценты по многочисленным кредитам, но Дизель не знал как. У него было долгов больше чем на 300 000 рейхсмарок. Он был знаменит на весь мир, но банкрот. Летом ему пришлось продать семейный автомобиль. В таком нервном состоянии 29 сентября в Антверпене он взошел на борт почтового парохода «Дрезден», чтобы переправиться через Ла-Манш и на следующий день встретиться в Харидже с руководством фирмы «Consolidated Diesel Manufacturing Ltd.» и обсудить финансовые проблемы. Дизель ест в судовом ресторане и, кажется, пребывает в хорошем расположении духа. Он просит стюарда разбудить его утром. И с этого момента его следы теряются. Когда пароход на следующее утро прибыл в Англию, знаменитого изобретателя на борту не было. На палубе нашли его шляпу и плащ, а в его каюте газетчики сфотографировали откиннутое покрывало на кровати и сложенную пижаму.

У кровати стоит неразобранный чемодан. На следующий день новость о его исчезновении была на первых страницах «The New York Times» и лондонской «Times», конечно и во всех немецких газетах тоже. Рудольф Дизель просто исчез. Сразу же появились версии, что его убили из-за конфликта вокруг его патентов. Говорили и о самоубийстве. Или это был несчастный случай? Десятого октября лоцманский бот «Куртсен» выловил в водах Ла-Манша коробочку для таблеток и футляр от очков Рудольфа Дизеля. Вот и всё. Этот первый в истории «дизельный скандал»²⁴ так и не улажен до сих пор.

Той ночью, когда погиб Рудольф Дизель, Вальтер Ратенау устроил в Берлине шикарную вечеринку по случаю своего сорокашестилетия. И все присутствующие получили прекрасное алиби.

Тридцатого сентября издание «Münchner Neueste Nachrichten» сообщает о наступлении погоды, которая может вызвать головную боль: «Влияние фена при усилении южноевропейского антициклона». Это, конечно, проблема для наших нервических и метеозависимых деятелей. И вот Гуго фон Гофмансталь пишет из мюнхенской гостиницы «Мариенбад» сначала Оттонии фон Дегенфельд, что «сегодня утром ветер переменялся», а потом знаменитой светской даме Эльзе Брукман в Штарнберг: «Я вчера уже совсем было собрался постучаться в Ваш штарнбергский домик, у меня в кармане уже лежало расписание поездов, но тут с юга снова задул этот ужасный сирокко, и я всё отменил». От одного чтения этих строк может голова заболеть. Так что Гуго фон Гофмансталь снова прячется в своем царстве теней и продолжает писать в гостинице драматичное либретто к опере «Женщина без тени». Кстати, в той же гостинице «Мариенбад» проживает и Райнер Мария Рильке, он 18 сентября, в отличие от Гофмансталя, не испугался фена и вместе с женой и дочерью поехал к княгине Брукман на Штарнбергское озеро.

24

Отсылка к скандалу, разразившемуся после того, как концерн Volkswagen уличили в намеренной фальсификации данных о токсичности дизельных двигателей.

А вот Клубунд воспеваает фен. Весной этому странному молодому поэту удалось опубликовать свои первые стихи в журнале «Пан» Альфреда Керра, чувствительный молодой человек учился во Франкфуртена-Одере в одной гимназии с Готфридом Бенном, и они читали друг другу свои первые поэтические опусы. Но если Бенн в стихах склонен к аскезе, то Клубунд не знает преград. В сентябре 1913 года выходит его «Песня фена»: «Буря сбивает нас в единый организм / И смешивает с природой. / В ночном кошмаре, в утреннем свете / Двое сливаются, а один раздаивается». В 1913 году поэты убеждают нас в том, что это природа сводит нас вместе и разделяет. Всё дело в направлении ветра.

Осень

Карл Вильгельм Дифенбах находит Остров мертвых. Дягилев находит утешение. Марселю Прусту опять приходится всё делать самому. Рихард Демель получает в подарок дом — причем от сливок общества 1913 года. У Герхарта Гауптмана появляется новый «мерседес», а у Айседоры Дункан — ребенок. Открыта новая комета и изобретен ручной пылесос. Вот так год. Альфред Лихтенштейн только что вернулся с отдыха на Балтийском море и защищает диссертацию по праву в Эрлангене, а еще отправляет стихотворение «Летняя свежесть» в Берлин, в журнал Франца Пфемферта «Die Aktion». Его публикуют 4 октября 1913 года. Очевидно, что молодому докторанту хочется немножко апокалипсиса:

«Полита соусом из солнечного света / Земля — кусок воскресного жаркого. / О где же ураган, что рвет на части / Тот нежный мир железными когтями. / Грудь наполняя мне злорадства счастьем, / Что вечность неба в клочьях под ногами!»²⁵

Седьмого октября 1913 года ровно в полдень перед дверью новой квартиры Герхарта Гауптмана на Хубертусаллее в берлинском районе Груневальд стоит очень позитивный господин Крокер, директор берлинского представительства «Daimler-Motoren». И новый шофер, господин Шмидтман, тоже тут. Они передают Герхарту Гауптману новый «мерседес». Все позируют фотографу. Пятидесятилетний Гауптман взволнован. Он записывает в дневнике: «Новая ситуация, новый опыт: автомобиль, портвейн, квартира в Берлине». Счастливый Гауптман едет на новой машине по Берлину, «один в прохладном осеннем золоте», подъезжает к своему старому дому в Эркнере на севере города, где родились трое его старших сыновей. Ему кажется, что сейчас слились воедино прошлое, настоящее и будущее. Он не знает, что 3 августа 1914 года государство реквизирует его «мерседес» для военных нужд и будет использовать на фронте. Опять-таки «новая ситуация, новый опыт».

На всех рекламных тумбах в Берлине расклеен желто-красный плакат, призывающий посетить «колониальную выставку» в Паноптикуме на Унтер-ден-Линден, угол с Фридрихштрассе: «50 диких женщин из Конго. Мужчины и дети в настоящей конголезской деревне». А в зоопарке Хагенбека в Гамбурге в эти дни проходит «этнологическая экспозиция», посвященная Нубии. Наряду с разными африканскими животными там можно увидеть и воинов из народа шиллук в их характерной позе, то есть стоящих на одной ноге, и любопытные гамбургцы рассматривают их. Единственной проблемой выставки, на которой под научным прикрытием можно было рассматривать почти обнаженные тела африканских мужчин, стала привлекательность этих мужчин. Хагенбек вскоре закрыл свои показы — «из-за внезапной болезненной влюбленности некоторых молодых девушек и женщин в этих коричневых парней», как ему объяснил один его друг. «Стройные нубийцы с бронзовой кожей, с минимумом одежды, сильнее всего беспокоили юные сердца. Почти каждый день можно было наблюдать, как такая влюбленная девчушка полчаса гладит и ласкает руку

коричневого Адониса». Интересно, что бы сказал наш уважаемый Герхарт Гауптман о таких незапланированных последствиях славного немецкого колониализма? Новая ситуация, новый опыт. Но такую ситуацию можно вывернуть наизнанку, что продемонстрировала замечательная «Научная экспедиция африканца Луканги Мукары вглубь Германии», которую в эти дни из номера в номер печатает журнал «Der Vortrupp». В этом произведении Ганс Пааше очень смешно описывает немецкие привычки и обычаи с точки зрения вымышленного персонажа из черной Африки, все самые странные ритуалы, связанные с выпивкой, курение на улицах, одержимость цифрами, мировой торговлей и величиной валового внутреннего продукта, бессмысленную беготню по улицам — и неспособность наслаждаться жизнью.

Десятого октября в Вашингтоне американский президент Вильсон нажимает на маленькую кнопку, его сигнал отправляется по телеграфному проводу из Белого дома через Кубу и Ямайку в Панаму, и близ города Гамбоа одновременно детонируют сотни зарядов динамита. Юлиус Мейер-Грефе, мастер ставить диагнозы современному искусству, вклеивает в свой дневник вырезку о взрыве из «Berliner Tageblatt» и подписывает: «В современном духе». На воздух взлетают пласты земли, взрыв на канале сотрясает джунгли, но результат оказывается удачным и массы воды заполняют Панамский канал. Впервые за 60 миллионов лет воды Тихого и Атлантического океанов смешиваются не только у мыса Горн.

Одиннадцатого октября Франц Кафка приехал на один день в Мюнхен. Он прибыл из Ривы на озере Гарда, а на следующий день уезжает в Прагу. И чем же он занимается в течение дня? Заходит в технический музей, где недавно побывал Марсель Дюшан? Или он посмотрел выставку Эль Греко в «Старой пинакотеке»? Погулял в Английском саду, как неделей ранее Гуго фон Гофмансталь и Рильке? Сходил в кино? Вспоминал Фелицию или больше думал о летнем флирте в Риве? Или он просто лежит в апатии на кровати в гостинице

«Мариенбад» и думает, не поменять ли номер, потому что тут так мешает шум лифта. А в паре кварталов от него Томас Манн пишет первые страницы «Волшебной горы», а Освальд Шпенглер работает над «Закатом Европы».

«Siemens AG» получает патент на телефонный наборный диск.

Это не может быть совпадением: композиторы Клод Дебюсси и Морис Равель 1913 году искали интересные темы для воплощения в музыке и нашли одно и то же. И вот в 1913 году и Равель, и Дебюсси сидят за своими фортепиано, ничего не подозревая друг о друге, и сочиняют музыку к «Трем поэмам Стефана Малларме». Невероятно, но факт — они еще и выбрали два одинаковых стихотворения из трех. Дебюсси потом написал своему другу: «В истории с семьей Малларме и Равелем нет ничего веселого. И разве не странно, что Равель выбрал те же самые стихи, что и я? Это какой-то феномен самовнушения, может быть, стоит сообщить о нем в медицинскую академию?»

Одиннадцатого октября дождь льет из густых серых туч как из ведра, но почти три тысячи молодых людей и девушек всё равно упорно поднимаются по склонам горы Высокий Майснер. Это «Первый слет свободной немецкой молодежи», и праздник состоится несмотря ни на что, пусть даже под дождем. Молодежь превратила на два дня горные склоны в окрестностях Касселя в праздник освобождения от вильгельмовской муштры, повсюду водят хороводы, проходят какие-то конкурсы, выступают ораторы, днем все вместе варят обед на костре, и дым смешивается с туманом над елями. Высокий Майснер был в эти дни вершиной немецкого молодежного движения. Мирное собрание, где были разнообразные группы «лебенсреформ»²⁶, вегетарианцы,

26 Лебенсреформ (нем. *Lebensreform* — «реформа жизни») — социальное движение конца XIX — начала XX века в Германии и Швейцарии, пропагандировавшее возврат к природе, натурализм, вегетарианство, сыроедение, сексуальную свободу, альтернативную медицину.

пацифисты, «Вандерфогель»²⁷ — это был «Вудсток» эпохи императора Вильгельма. Люди разговаривали, пили, ели, выступали, и потом все, окрыленные, возвращались домой, в эйфории, это был день наподобие Вартбургского праздника в 1817 году или Хамбахского праздника в 1832-м. С зажигательной речью выступил Густав Винекен, он сказал, глядя на печальные северо-гессенские ели в дымке дождя, что «будущее скрыто за плотной пеленой тумана». Но в то же время он слышит «голос справедливости и красоты, пробивающийся через туман из далеких времен по ту сторону пелены, из вечности». Вот как можно из плохой погоды сделать хорошую речь. В ее завершение Винекен призвал своих слушателей, раз уж солнце так и не появилось из-за туч, быть достойными этого будущего и стать «воинами света». Как это сделать, за что и против чего нужно бороться — эти вопросы он оставил открытыми, как и подобает хорошему оратору. Но молодежь встретила его речь с восторгом. И покупала на память легендарные открытки художника Фидуса с изображением «Молитвы солнцу». Совершенно обнаженный юноша получает свыше, от света, наставления относительно своей жизни на брэнной земле. Фидус был главной звездой «лебенсреформ», он был тесно связан с Монте-Верита и другими движениями вроде теософского общества Рудольфа Штайнера и новаторских практик Жак-Далькроза из Дрездена. Все хотели свободной жизни, красоты, избавления от стесняющих одежд, приобщения к восточной мудрости, обновления жилищ и душ, побольше секса — и побольше овощей на столе. Фидус пытался с окраины Берлина просвещать весь мир и создал для этого «Союз Святого Георгия», а после праздника на Высоком Майснере его картины стали легендарными, потому что на открытках с «Молитвой солнцу» он снизу добавил надпись: «Слет свободной немецкой молодежи 1913». А памятное издание, посвященное фестивалю, он украсил другими своими картинами

27 Вандерфогель (нем. *Wandervogel* — «перелетная птица») — наименование различных немецких культурно-образовательных и туристических молодежных групп и клубов, впервые появившихся в 1896-м. Название символизирует любовь к природе. Группы «Вандерфогель» объединяет тяга к природе, путешествиям, походам, скалолазанию, пению песен у костра.

и посвятил их силе следующие слова: «Юные друзья! Вы сохранили немецкий дух верности, немецкое трудолюбие и простоту, вы хотите вернуться к тому, о чем так долго забывала немецкая душа, к красоте своеобразия и подлинности, к красоте тела». А далее, после перечисления всех радостей, которые может доставить красивое тело, Фидус пишет: «Стремитесь же к красоте и к любви, к чистому и здоровому телу — и к вам сами придут и сила, и добро, и справедливость, и любовь, и подлинность, то есть все наши немецкие добродетели». Тут альтернативное движение вдруг как-то удивительно тесно переплетается с немецкими добродетелями.

Мата Хари продолжает постепенно внедрять нудизм в Париже. Раз уж немецкий кронпринц отказался от ее приватного выступления, она снова взялась за Францию. Она продолжала идти по жизни танцуя, в одном только поясе и нагрудных «доспехах», но на парижские сцены ее больше не приглашали. После того, как моду начал диктовать «Русский балет», Мата Хари немного выпала из времени. Деньги на роскошный образ жизни ей были по-прежнему нужны, а шпионаж как профессию она для себя еще не открыла, поэтому осенью 1913 года Мата Хари предложила свои услуги одному *maison de rendez-vous* на улице Лорда Байрона, 14, и еще одному там же, за углом, на улице Галлея, 5 — по 1000 франков за ночь. В саду своего загородного дома в Нёйи она пытается поддерживать прежний лоск. Между кронами деревьев виднеются Триумфальная арка и стройный силуэт Эйфелевой башни. А здесь, в тени платанов ее сада, она этой осенью танцует для фотографа «Татлера» свой знаменитый яванский танец с вуалью. Потом под фотографией было написано: «Ее танцы напоминали религиозные ритуалы, они говорили о любви, о страсти и были превосходно исполнены». Ах, если бы это мог видеть немецкий кронпринц.

Шестнадцатилетняя полячка Аполония Халупец, актриса с глубокими темными глазами, которая благоразумно взяла себе псевдоним Пола Негри, празднует свой первый успех в Варшаве, в драме Герхарта

Гауптмана «Вознесение Ганнеле». Она появилась как будто ниоткуда, и довольно скоро Макс Рейнхардт пригласил ее в Берлин. Оттуда продолжилось ее восхождение к вершинам. В мире появилась новая *femme fatale*. И даже немецкий кронпринц усаживается в свою ложу, когда она играет Гауптмана. Только знала бы Мата Хари!

Романовы по случаю трехсотлетия своего правления помиловали Максима Горького, и тот в октябре 1913 года возвращается с Капри в матушку-Россию. Там он сразу же начинает протестовать против постановки в Московском художественном театре «Бесов» Достоевского, поскольку эта пьеса придает «смертельно опасную убедительность болезненным идеям Достоевского о страдании и смирении»²⁸. Горький говорит, что для него невыносимы эти мучающиеся и страдающие русские люди из романа. России, по его мнению, необходимо оздоровиться: «Хватит любить страдания, надо научиться ненавидеть их». Это говорит человек, который на Капри уже научился любить жизнь.

Восемнадцатого октября в Лейпциге происходит торжественное открытие памятника Битве народов. В то время, как повсюду открывают новые станции метрополитена, когда футуристы уже стали историей, из Петербурга можно долететь до Берлина за семь часов, а Генри Форд запускает в Детройте первый конвейер по сборке автомобилей, в то время как новые времена всё быстрее набирают ход, в Лейпциге пытаются черпать силы в воспоминаниях о победе над Наполеоном в битве, состоявшейся сто лет назад. Бред какой-то. Но если немцы взялись что-то праздновать, то всё будет серьезно: «Все немецкие народности отправят гонцов, чтобы передать императору приветствия от народа в виде дубовых ветвей, что будут срезаны в исторических местах и эстафетой пронесены бегунами по городам и весям Германии к подножию памятника». Так и сделали — под четким командованием

28 Автор вольно цитирует статью Горького «О карамазовщине», впервые опубликованную в газете «Русское слово».

Германского физкультурного союза ранним утром 17 октября повсюду в обширном Германском рейхе юные спортсмены срезали дубовые веточки: на могиле Бисмарка во Фридрихсру, у родного дома «отца гимнастики» Ф.Л. Яна, на заводе дирижаблей во Фридрихсхафене. 37 835 спортсменов пробежали до 18 октября в общей сложности 7319 километров, чтобы принести императору дубовые ветви.

Тот принял ветви и благосклонно кивнул.

В эти дни десятки тысяч человек, некоторые даже без дубовой ветки в зубах, стекались на торжество в Лейпциг со всех концов страны. На Франкфуртском лугу в Лейпциге народные массы завлекал цирк «Барум», предлагавший посмотреть на выступление десяти диких львов. После вечернего представления 19 октября животных поместили в запряженный лошадьми фургон, за которым следовал фургон с медведями — ночью животных должны были отправить с Прусского товарного вокзала в Лейпциге к следующему месту выступлений цирка. На город опустился туман. Оба кучера решили сделать остановку и зашли в пивную «Граупетер» на Берлинерштрассе, чтобы выпить по пиву перед отправкой животных. Пока они преспокойно сдували пену со своего пива, лошади медвежьего фургона чего-то испугались и проломили оглоблей заднюю стенку фургона со львами, и из отверстия показалась фыркающая львиная морда, потом запаниковали лошади львиного фургона, они повезли фургон вперед по улице, и там в него врезался трамвай. Восемь диких львов выпрыгнули на свободу. Крики пешеходов, ужас в глазах, хаос на дороге; оказавшийся поблизости полицейский сразу открыл огонь и попросил подкрепления из восьмого полицейского участка. Так началась легендарная лейпцигская львиная охота — спустя сто лет после легендарной Битвы народов. Довольно скоро пять мертвых хищников лежали на Берлинерштрассе. В льва по кличке Абдул, любимца директора цирка, кинули камнем, и он набросился на прохожего — в результате его изрешетили сто шестьдесят пять пуль лейпцигских полицейских. И вот на Берлинерштрассе лежали уже шесть мертвых

хищников. Седьмого так впечатлила казнь Абдула, что он апатично позволил запереть себя в клетке.

Не хватало только Полли, которая всегда была самой своенравной львицей в стае, и еще одного ее товарища. Директор цирка Артур Крейзер и директор лейпцигского зоопарка Йоханнес Геббинг поспешили на место событий, чтобы поймать их живыми. Однако Полли решила прогуляться по ночным улицам. На Блюхерштрассе ей встретилась пожилая дама, которая потом удивлялась, что посреди ночи по тротуару ходит такой большой теленок. Другие прохожие, более сведущие в разновидностях фауны, позвали пожарных, и те направили на Полли струю воды; спасаясь от нее, львица запрыгнула в окно гостиницы «Блюхер». Наверное, от перевозбуждения Полли почувствовала позывы в мочевом пузыре — она уверенно направилась к туалету на втором этаже. Там в этот момент сидел француз по имени Франсуа, который не закрыл за собой дверь, — и вот в месте уединения его потревожил не кто иной, как лев. Франсуа закричал и со спущенными штанами побежал вниз по лестнице, а Полли тем временем устроилась в туалете. Директору зоопарка, взлетевшему по лестнице, оставалось только тихонько запереть дверь снаружи, чтобы поймать львицу. Потом ее заманили в ловушку и увезли.

Бедного же директора цирка Крейзера приговорили к десяти дням заключения или к 100 маркам штрафа на выбор за «непринятие необходимых мер безопасности для предотвращения ущерба при содержании злых или диких животных», в немецком законодательстве предусмотрено действительно всё (§ 367 номер II уголовного кодекса). И еще два замечания: лев и до этой истории фигурировал на гербе Лейпцига. А во времена ГДР в международной гостинице «Zum Löwen» предлагали ореховый десерт «Полли».

Двадцать седьмого октября Герхарт Гауптман отправляется на аэродром Йоханнисталь в Берлине, чтобы понаблюдать за полетами самого знаменитого пилота того времени. «Смотрел так называемые пикирующие полеты Пегу / сильный прогресс / эпохальное событие».

То есть пикирующий полет — это сильный прогресс. Неплохой девиз для 1913 года.

В тот же день 27 октября в обсерватории аргентинского города Ла-Плата Пабло Делаван обнаруживает в пределах Солнечной системы новую необычайно яркую комету. Он торопится и, недолго думая, называет ее просто и убедительно — «1913 f.». Немного позднее он публикует в издании «Gazette Astronomique» призыв ко всем астрономам, чтобы те «уделили особое внимание этой великолепной комете». И действительно, надо торопиться: в следующий раз эта комета попадет в пределы видимости через 24 миллиона лет.

В Париже было два центра силы, Монмартр и Монпарнас, с недавних пор их связывала линия метрополитена «А», но это всё равно были разные миры, причем Монпарнас стал сердцем авангарда не только благодаря тому, что прошлой осенью там поселился Пикассо. Имелись и два салона, споривших за право решающего слова о модернизме, тоже два разных мира (но в обоих точкой кристаллизации был Пикассо). С одной стороны — серьезный, традиционный салон Гертруды Стайн (и ее брата, пока они не расстались), а с другой — оголтелый, экзотичный русский салон Елены Эттинген и ее так называемого брата Сержа Фера, который на самом деле был сыном ее бывшего возлюбленного. Их имена тоже были ненастоящими, они ежедневно играли с новыми псевдонимами, генеалогическими линиями и идентичностями, никто не сомневался только в том, что у Пикассо был краткий роман с Еленой. Если сестра и брат Стайн вкладывали деньги в искусство и скупали работы Сезанна, Пикассо, Матисса, то Елена Эттинген финансировала журнал Аполлинера «Les Soirées de Paris» и сделала его центральным органом монпарнасской богемы. В ее квартире на бульваре Распай, 229 всегда привечали гостей, там непрерывно приходили и уходили художники, в любое время дня и ночи гостям предлагали вино и выпечку, а по комнатам расхаживала Елена в смелых муаровых пижамах и в туфлях на высоком

каблуке. Только к вечеру она переодевалась и подсаживалась к итальянским футуристам, к Модильяни, де Кирико и другим итальянцам, угощала их равиоли и кьянти. А русским — Марку Шагалу, Липшицу и Архипенко — подавали, конечно, водку. Французам — анисовку. И всем немножко кокаина. В 1913 году Сережка и Лялешна, как называли друг друга загадочные хозяева салона Серж и Елена, находились в самом центре монпарнасского авангарда, они были постоянными представителями той варварской экстравагантности, которая обрушилась на Париж весной вместе с Дягилевым, Нижинским и «Русским балетом».

Марселю Прусту 2 октября возвращают четвертый вариант его редакции «В поисках утраченного времени», пятый вариант ему пришлют 27 октября. Он сидит, исправляет, приклеивает бумажки, приписывает, потом отдает всё это Агостинелли, своему шоферу и любовнику, который вообще-то не умеет обращаться с пишущей машинкой, а уж тем более — с редакторскими капризами своего работодателя. В принципе, с апреля Пруст уже написал новую книгу, объем его правок уже больше изначального текста. Агостинелли за своей пишущей машинкой окончательно запутался и пребывает в отчаянии. Но несмотря на всё — да, в это трудно поверить, но из всех правок и коллажей в конце концов получается книга. Четырнадцатого октября выходит первый том «В поисках утраченного времени». Невероятно. Великая дата в истории мировой литературы. Вопреки всему Марсель Пруст прислал в издательство последние гранки своих «Поисков». Конечно, он успел напоследок всё поменять местами, в последний раз вычеркнул целые фрагменты и написал новые, но потом всё же выпустил книгу в свет. Когда книга века, вопреки ожиданиям издателя, вышла в ноябре 1913 года, на первых ста экземплярах была указана дата издания «1914», то есть реальность всё-таки опередила пессимизм издателя. Тот еще в марте предусмотрительно велел типографу поменять 1913 год на 1914-й, потому что не верил, что книга будет готова до конца года. И это действительно чудо. А теперь,

когда работа закончена, в Прусте проснулся директор по маркетингу: он устраивает у себя в квартире изысканный прием для рецензентов с небольшими денежными подарками для них, платит 2000 франков за размещение хвалебной рецензии на обложке «Journal des débats» и всего 1000 франков за оду своему роману на первой странице «Фигаро». Которую написал не кто иной, как сам Марсель Пруст, под смешным псевдонимом. Этот роман, пишет Марсель Пруст о Марселе Прусте, — «маленький шедевр». И наверняка думает при этом: опять всё приходится делать самому!

Но на самом деле Пруст всё время думал об Агостинелли. Он постоянно думал о том, как бы еще очаровать своего любимого шофера и секретаря и как окончательно убедить его в преимуществах гомосексуальности. А тот, когда последние готовые гранки были отправлены в издательство «Грассе», объявляет своему господину и покровителю, что интересуется вовсе не пишущими машинками, а совсем другими аппаратами — летательными. И в ноябре Пруст оплачивает первый курс Агостинелли в летной школе «Блерио» на аэродроме Бюк. Но 800 франков за курс — смешные деньги по сравнению с 27 тысячами франков, которые приходится заплатить Прусту, потому что в своем любовном безумии он поддался на уговоры и согласился подарить своему дорогому Агостинелли в награду настоящий самолет. Пруст получает счет за самолет, и ему приходится спешно продавать все оставшиеся акции, на этот раз рудников «Utah Copper» и компании «Spassky AG». В письме другу Альберу Намьясу он в двух словах описывает свои передраги: «На этом заканчиваю, просто нет слов, сколько у меня душевных терзаний, сколько материальных затруднений, сколько психических страданий и литературных неурядиц». И Пруст не преувеличивал, может быть, впервые в жизни. Ведь что делает его друг Агостинелли с подаренным самолетом? Улетает на нем. Без лишних комментариев он вместе со своей женой Анной (да, он никак не мог отвыкнуть от женщин) покинул квартиру Пруста на бульваре Осман и отправился на юг Франции. Пруст нанимает частных сыщиков, чтобы те нашли Агостинелли. Вероломство, остроумие

или сумасбродство — не знаю, как назвать такой поступок, но этот Агостинелли вскоре записался в летную школу братьев Гарберо в Антибе под именем «Марсель Сван». То есть взял имя своего брошенного покровителя и фамилию главного героя из его только что вышедшего романа. Неплохо. Но и эта любовь Свана закончится так же, как и в романе — смертью. В начале следующего года бесстрастный шофер упадет на дареном самолете в Средиземное море и утонет.

Хелен Гессель, ученица знаменитой Кете Кольвиц (эксперта по человеческим страданиям), ставшая потом возлюбленной благополучного художника Жоржа Моссона (специалиста по цветочным натюрмортам), хочет родить ребенка от своего мужа Франца Гесселя (лентяя и мастера по уклонению от своих обязанностей). Хочет несмотря на то, что ей пришлось совершить свадебное путешествие на юг Франции с его мамой, и несмотря на то, что она, как ей стало понятно, не меньше самого Франца вождедеет его друга Анри Роше. И несмотря на то, что ей пришлось отправить в сумасшедший дом своего любимого брата Отто (он еще выступил на свадьбе с антисемитскими оскорблениями в адрес семьи Франца). Это всё неважно. Она хочет ребенка от Франца. Сейчас, в эти октябрьские дни, когда солнце так красиво освещает листья и те вспыхивают пурпуром. Чтобы зачатие прошло как по маслу, Хелен Гессель не хочет ничего отдавать на волю случая. Она берет мужа под руку и увозит из Парижа в небольшое местечко Бланкензее в Бранденбурге. Именно там молодая художница Хелен когда-то провела несколько страстных ночей любви с Жоржем Моссоном. Наверное, она подумала, что если теперь в постели с Францем она оживит в себе ощущения того мая, с Моссоном, то всё должно получиться. И у нее получается. Золотым октябрьским днем в Бланкензее Хелен Гессель мгновенно беременеет.

В эти тихие безвременные дни, полные теплого света, Август Макке пишет в Хильтерфингене на Тунском озере самые красивые, ясные и беззаботные картины всего 1913 года.

В Баварии на часах, конечно, другое время. Поэтому никого особенно не удивляет, что после того, как 5 ноября 1913 года на престол вступил Людвиг фон Виттельсбах, в Баварии три года правили сразу два короля. Номер первый, король Отто, был психически нездоров уже в момент своего восхождения на трон; во Франко-прусской войне в 1871 году он поучаствовал неплохо, но потом его сразу взяли под опеку, сначала он жил в южном павильоне дворца Нимфенбург, а потом во дворце Фюрстенрид, туда его перевели после того, как помешал богослужению своими чистосердечными покаяниями в грехах. Король Отто страдал от религиозных галлюцинаций и проводил свои мрачные дни либо в апатичной неподвижности, либо часами стучась головой о стены, предусмотрительно обитые мягкой тканью, и лучшие врачи страны не могли предложить ничего, кроме ледяных ванн и инъекций морфия. Поэтому с 5 ноября прекрасной Баварией официально начал править Людвиг III, засидевшийся в престолонаследниках, и баварский парламент лишил первого правящего короля, Отто I, всех королевских полномочий. Официально считалось, что бедняга страдает от депрессии, и ему из уважения оставили титул и регалии. Вся эта монархическая неразбериха привела к тому, что через несколько лет Королевство Баварию запросто превратили в советскую республику.

В субботу 8 ноября Франц Кафка и его пассия Фелиция Бауэр с 10:15 до 11:45 гуляют в Берлине по Тиргартену, погода пренеприятная, стоит туман, а потом Фелиция уезжает на похороны. Их отношения с Кафкой в этот момент тоже находятся почти в состоянии клинической смерти.

Каждый, кто считает себя свободомыслящим человеком, в этом году сразу вспоминает об Анри Бергсоне. Профессор философии в парижском «Коллеж де Франс» был, бесспорно, самым влиятельным теоретиком тех лет. Макс Шелер пишет в ноябрьском номере журнала «Die weißen Blätter»: «Имя Бергсона сегодня так громко и настойчиво

Рождение абстракции в режиме реального времени: «Композиция VII» Кандинского,
снимки 27 и 28 ноября 1913 года

звучит по всему культурному миру, что обладатели чуть более тонкого слуха задаются вопросом, стоит ли читать такого философа. Овации образованных и читающих масс сейчас более чем когда-либо должны заставлять краснеть действительно мудрого человека. Но позвольте всё же сказать обладателям тонкого слуха, что Бергсона стоит почитать. Ему есть что сказать». У Миси Серт, знаменитой парижской светской дамы, у Марселя Пруста, у Гертруды Стайн приглашения на его лекции в «Коллеж де Франс» лежали рядом с приглашениями на открытия выставок Пикассо, футуристов, Матисса.

Согласно прусским «Правилам движения транспортных средств» скорость автомобилей в населенных пунктах не должна превышать 15 километров в час. Эпоха ускорения стартовала в 1913 году — на первой скорости.

Райнер Мария Рильке вернулся в Париж и неважно себя чувствует. Ах, ему совсем нехорошо. Он пишет такие строки: «Слезы, слезы, я не могу сдерживать их. Моя смерть, тьма, опора моего сердца, наклони меня, чтобы они стекали».

В кинотеатрах идет шпионский фильм «S1». Гертруд, в роли которой снялась Аста Нильсен, тайно помолвлена, но ее жених хочет раздобыть через нее чертежи нового аэроплана для иностранных спецслужб. Гертруд рассказывает всё своему отцу-генералу, который и летает на этом аэроплане. Тот заявляет: «Я никогда не отдам руку дочери тайному врагу отечества». И бедная Гертруд оказывается перед выбором между любовью и отцом, который, как положено, олицетворяет отечество. Разумеется, она правильная немка и вырывает у возлюбленного выкраденные чертежи, гремит музыка — и вот торжественный финал: «Счастье отечества — это счастье каждого». Однако в Берлине фильм почему-то получил ограничение по возрасту, а в Мюнхене полиция целых три раза запретила допуск несовершеннолетних на этот фильм, распоряжения № 11377, 11378 и 11379.

Поэтому премьера фильма состоялась 15 ноября в равнодушном к таким подробностям Эссене, в гигантском кинотеатре «Шаубург».

Если современность создает чересчур много всего одновременно, то хотя бы искусство должно найти какой-то ответ. В 1913 году наибольших успехов в этом направлении добилась Соня Делоне. Годом ранее парижская художница и ее муж Робер основали орфизм, цветовую теорию, которая расщепляет реальность через призмы и заново собирает ее. Поклонником этого направления был Гийом Аполлинер, еще этот стиль очень уважали Август Макке и Франц Марк — последние двое «перевели» его с французского на немецкий. Теперь же Соня хочет увидеть еще больше уровней взорванного с помощью всемирных призм, и вместе с поэтом Блезом Сандраром работает над сумасбродной идеей «симультанизма». Язык и изображение должны стать единым целым, причем не на минутку, а желательнее навсегда: их первой симультанной книгой стала «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской», изданная этой осенью, книга имела длину 2 метра и представляла собой книжку-гармошку. Ритмично, будто под стук колес транссибирской магистрали, глаз скользит по тексту и изображению; цвет и форма качаются, будто ты едешь на поезде через весь этот долгий и безумный 1913 год. И стихи Блеза Сандрара: «Окна моей поэзии широко распахнуты на улицу, и в их стеклах / блестят алмазы света. / Ты слышишь скрипичный концерт лимузинов и ксилофоны пишущих машинок? / Художник вытирается небесным полотенцем, повсюду пятна краски. / А шляпы проходящих мимо женщин — кометы в зареве этого вечера».

Умберто Боччони, автор «Манифеста футуризма»²⁹, 25 ноября раздраженно пишет, что настоящими авторами симультанизма были

29 «Манифест футуризма» (полное название «Обоснование и манифест футуризма») — основополагающий документ футуристического движения, сформировавшегося в европейском искусстве в начале XX века. Опубликовано Филиппо Томмазо Маринетти 5 февраля 1909 года в газете «Gazzetta dell' Emilia».

вовсе не Соня и Робер Делоне, а, разумеется, итальянские футуристы. Вот: «Именно мы первыми заявили, что современная жизнь — быстрая и фрагментарная». Но это уже никого не интересует, современная жизнь просто стремительно промчалась мимо. В конце 1913 года футуризм уже остался в прошлом, хотя ему было всего полтора года от роду.

Восемнадцатого ноября 1913 года свое пятидесятилетие празднует Рихард Демель, самый известный писатель Германии наряду с Томасом Манном и Герхартом Гауптманом. Сегодня его почти никто не знает. А в 1913 году его знали все.

От его стихов захватывало дух у всей Европы, а его блестящая, богемная жизнь с блестящей, богемной женой Идой в доме стиля модерн в Бланкенезее, Гамбург, Вестерштрассе, 5 в 1913 году вызывала зависть у всех буржуазных обывателей. Всё сливалось и переплеталось в этом доме, и не только тела Иды и Рихарда Демелей, но и обои, картинные рамы, скатерти, ковры и полотна Людвига фон Гофмана. Густые заросли лиан югендштиля, который пускал тут всё новые побеги, *gesamkunstwerk* искусства, мыслей и поэзии. А столовые приборы — от Анри ван де Велде. За ужином у Демелей и в их почтовом ящике в 1913 году побывали все герои того года, существовавшие несинхронно, но одновременно: Штефан Георге, Макс Брод из Праги, Эльза Ласкер-Шюлер, Арнольд Шёнберг, Эрнст Людвиг Кирхнер и Макс Либерман. А после ужина в доме всегда веселились, пили и танцевали, будто завтра никогда не наступит. Густав Шифлер, гамбургский искусствовед, записал у себя в дневнике после одной из таких ночей: «Демель танцевала так, что напоминала животное во время течки». Но несмотря на историю с изменой, которая омрачила безумный брак Иды и Рихарда Демелей именно в 1913 году, они оставались вместе до конца жизни (и до сих пор их прах лежит в одной урне в доме на Вестерштрассе, 5, и не слушайте ничего про «пока смерть не разлучит»).

Ну так вот — 18 ноября состоялся весьма необычный праздник в честь круглой даты хозяина дома. Центральную роль Демеля

в духовной и общественной жизни того года демонстрирует круг людей, которые в тот день подарили ему дом, который он до того момента только снимал. Деньги пожертвовали Стефан Цвейг, Томас Манн, Артур Шницлер, граф Гарри Кесслер, Гуго фон Гофмансталь, берлинские издатели Бруно Кассирер и Самуэль Фишер, промышленники Эдуард Арнольд, Вальтер Ратенау и Эберхард фон Боденхаузен. В списке дарителей также гамбургские судовладельцы Альберт Баллин и Отто Блом, банкир Макс Варбург и знаменитый искусствовед Аби Варбург. Продолжаем список: Анри ван де Велде, Петер Беренс, Элизабет Фёрстер-Ницше, Юлиус Мейер-Грефе и Макс Либерман. Элита 1913 года собрала необходимые для покупки дома 47 194,92 рейхсмарок. Невероятно. Арнольд Шёнберг наверняка тоже скинулся бы, если бы у него были деньги. Он письменно поздравил Демеля такими словами: каждый этап его творчества начинался со стихотворения Демеля, только благодаря ему он нашел «свое истинное звучание».

Восемнадцатое ноября стало, как писала Ида Демель, «самым замечательным праздником в нашей жизни». Поступило несколько сотен телеграмм с поздравлениями, тысячи писем, а перед дверью дома выстроилась длинная очередь из поздравляющих, которые съехались со всей Германии. Выходит специальный номер журнала «Квадрига» с поздравлениями от Кандинского, Франца фон Штука, Фердинанда Ходлера, Ловиса Коринта и Адольфа Лооса. Кажется, возвышенная и понятная лирика Демеля в 1913 году трогала и заставляла звучать какую-то совершенно особенную струну в душах самых разных людей, даже Бенн признавался, что Демель сильно повлиял на «раннего Бенна». За столом у Демелей сидели Вальтер Ратенау из Берлина и Юлиус Мейер-Грефе, все пили шампанское и раз за разом поднимали бокалы за юбиляра, а вечером был праздничный ужин, в небольшой гостиной удалось расставить пятьдесят стульев. Потом танцевали гавот в коридорах, пели и горячо спорили о том, умер ли югендштиль или до этого еще далеко. Пир красоты, духа и доброго вина. Рихард Демель не сразу оправился от шока — не от того, что ему исполни-

лось пятьдесят, а от того, что он стал домовладельцем: «Я сижу, всё еще потрясенный, курю для успокоения пенковую трубку, которую мне подарили, потом встаю и осторожно, почти на цыпочках, хожу по дому, чтобы не разбудить злых домовых, ведь это теперь мой собственный дом, а такому витающему в облаках человеку, как я, непросто привыкнуть к этой новости!» В августе Демель поднялся на Монблан; незадолго до того он писал своей жене Иде: «Восхождение на Монблан — вот что было бы лучшим подарком на день рождения в этом году». Но настоящая вершина года ждала витающего в облаках на равнине, 18 ноября.

Копенгаген: Нильс Бор, самый выдающийся физик того времени, любит после работы ходить в кино. Двадцатого ноября он смотрит вестерн. Он даже в кинозале пытается рассчитать вероятность события: «Ну хорошо, я верю, что некая девушка отправилась в одиночку в тяжелый поход через Скалистые горы. Я понимаю, что она начинает спотыкаться, чуть не падает в пропасть, и именно в этот момент появляется красавчик-ковбой, бросающий лассо. Я не исключаю того, что у нее хватит сил схватиться за веревку и продержаться, пока ее вытаскивают. Вот только крайне маловероятно, по моему, что во время всех этих событий рядом окажется съемочная группа, которая запечатлеет все перипетии на пленке».

В тот же день, 20 ноября, Франц Кафка идет в кино в Праге. Потом он пишет в дневнике легендарные слова: «Был в кино. Плакал».

Благодаря астроному Кристиану Дорно мы знаем, что «21 ноября начинается период красивых рассветов без пурпурного оттенка». Эту информацию он сохранит для потомков в своей книге с не менее красивым названием «Труды по изучению закатов и рассветов, а также пурпурного освещения горных вершин. Историко-хронологический обзор швейцарских наблюдений и публикаций об оттенках освещения на закате и восходе и о пурпурном освещении горных вершин».

Двадцать пятого ноября, в лучах прекрасного рассвета на Айнмиллерштрассе, 36 в Мюнхене, Кандинский начинает работу над своим главным произведением, «Композицией VII». После ужина он натягивает на подрамник огромный холст размером 2 × 3 метра. Следующим утром, в 11 часов, Габриэла Мюнтер делает первый фотоснимок: Кандинский заполнил пространство картины быстрыми набросками кистью, в левом нижнем углу — лодка с веслами, в центре — взрывающаяся пушка в виде абстрактного клубка, а справа — кто-то вроде всадника, скорее апокалиптического, чем синего. В 11 часов утра 27 ноября Габриэла Мюнтер фотографирует появившийся ночью яркий луч, входящий в композицию из правого верхнего угла и раскрывающий ее. А когда она приходит в мастерскую на следующее утро, 28 ноября, и смотрит на холст размером 2 × 3 метра, то ей остается записать в дневник только одно: «Картина готова». Три дня — и квантовый скачок современного искусства. Это важнейшая работа Кандинского его мюнхенского периода, итог его абстракций, фейерверк красок и форм, взорванный мир, полный динамики и смелых сочетаний. Но три дня на такую работу уходит только у того, кто тридцать лет размышлял об этих композициях и писал их.

В ноябре фирма «Электролюкс» выпускает на рынок первый ручной пылесос. У модели довольно абсурдное название — «Денди».

И что я на самом деле хотел сказать: величайший денди 1913 года, Габриэле д'Аннунцио, никогда в жизни не пользовался пылесосом. Красноречивый и любвеобильный поклонник Ницше был одной из самых ярких фигур того года. Идеально стильный, с подкрученными усиками и взглядом решительным, как на охоте, он мотается по Европе в поисках очередной победы, очередного эпохального события в искусстве или хотя бы очередного гранд-отеля. В его дневнике зафиксированы примерно три тысячи поклонниц, с которыми д'Аннунцио переспал, это даже для 1913 года почти рекордная цифра. Самой знаменитой добычей «коршуна» д'Аннунцио, как его

назвал Ромен Роллан, была Элеонора Дузе. Или наоборот: сам он был знаменит больше как любовник Дузе, чем как поэт и драматург. Наверное, мы вправе видеть в нем лишь Дон Жуана: все его произведения — только рассказы о его жизни, а все его бесчисленные любовные письма — только наброски будущих книг. Когда поугас его любовный пыл к прекрасной римлянке Барбаре Леони, он попытался окольными путями выкупить у нее любовные письма, которые написал ей. К сожалению, он не переписывал их для себя, а теперь они были срочно нужны ему для новой книги. Затея удалась. В романе «Сладострастие» он точь-в-точь повторил восхищенные описания спящей Барбары из своих писем к ней, в том числе свое удивление ее крупными ступнями. В какой-то момент Италия уже кишела покинутыми, униженными, рыдающими любовницами д'Аннунцио, и изможденному писателю пришлось бежать от многочисленных вызовов на дуэль и банкротства в Париж. Там он продолжил абсолютно в том же духе. Натали Барни, знаменитая лесбийская муза и хозяйка салона, так отозвалась о роли д'Аннунцио в Париже 1913 года: «Он пользовался бешеным спросом. Если более-менее симпатичная женщина не сумела побывать у него в постели, то над ней смеялся весь Монпарнас». Относительно надолго и регулярно он оказывался в объятиях Натальи Голубевой, русской княгини, с которой его объединяла любовь к борзым собакам; она ухаживала за всеми шестьюдесятью собаками, которыми они владели. С одной из них, по кличке Белая Гавана, д'Аннунцио в августе выиграл на собачьих бегах в Сен-Клу, и тогда у него в кармане на пару недель снова завелись деньги. Потом, в октябре 1913-го, расходы на содержание его квартиры на авеню Клебер, на его собак и на прочие причуды наконец-то взяла на себя Луиза, маркиза Казати Стампа ди Сончино, богатейшая наследница Италии. Она полностью соответствовала вкусам писателя: крашенные рыжие волосы, осветленная кожа, эксцентрична с головы до пят. Остановившись в Париже в гостинице «Ритц», она немедленно попросила консьержа доставить ей шесть живых кроликов. Но вовсе не для игр, а на ужин своему удаву (лат. *Boa constrictor*), которого

она везде возила с собой, и для двух своих голодных борзых (обоих гепардов она оставила в своем палаццо в Венеции). Сама она съела несколько устриц, хотя говорили, будто она питается только шампанским и самыми изысканными наркотиками. А на десерт в «Ритце» в этот вечер подавали свежего Габриэле д'Аннунцио, и вот наконец, впервые за семь лет знакомства, они отправились в постель. Луиза Казати не была очень красива, зато была очень эксцентрична — и поэтому все падали к ее ногам. Итальянские футуристы считали ее своей связной, «Русский балет», Пикассо, Ман Рэй — своей союзницей, ее маниакальная расточительность и абсурдные выходы завораживали европейский бомонд. Ее жизнь была театром, ее балы-маскарады в стиле XVIII века были самыми блестящими и безумными празднествами: на одном из них величайший современный танцор Вацлав Нижинский пригласил величайшую современную танцовщицу Айседору Дункан на единственный в их жизни совместный танец. В сентябре 1913 года она велела уложить на площади Святого Марка в Венеции паркет для танцев площадью 14 000 квадратных метров — для своего «Grande Ballo Pietro Longi». Ей как-то удалось подкупить начальника полиции и префекта. И вот вся площадь Святого Марка стала сценой для демонстрации ее эксцентрики. В полночь она сама прибыла на гондоле, вся в сусальном золоте, а с кампанилы собора раздался бой часов, которые называли «зловещими». Луиза Казати любила играть со смыслами, любила гротескное самовозвеличивание и любила всё дьявольское. Это был только вопрос времени, когда она окажется в объятиях Габриэле д'Аннунцио. Невероятно, но факт: когда эти двое ненормальных вечерами прогуливались по бульварам около «Ритца», маркиза всегда вела с собой маленького дрессированного крокодила, скорость которого она регулировала поводком, украшенным бриллиантами. Так на чем я остановился? Ах да, первый пылесос. Прошу прощения, немного отвлекся от темы.

Айседора Дункан путешествует по Европе, чтобы заглушить свою боль. Смерть двух ее детей в апреле почти лишила жизни ее саму. Величайшая

танцовщица своего времени не может сделать два ровных шага. Даже на Монте-Верита в Асконе, где все почитали ее как богиню, она ни на секунду не может забыть о своих страданиях. Но находится женщина, способная утешить ее: Элеонора Дузе, наряду с Сарой Бернар, наверное, лучшая актриса тех лет. В ноябре 1913-го она приглашает Дункан на свою виллу «Ригатти» в Виареджо, что расположена в нескольких сотнях метров от виллы Джакомо Пуччини, который сейчас наслаждается любовью со свежеразведенной Йозефиной фон Штенгель. Дузе обнимает Айседору Дункан и умоляет рассказать о погибших детях, о ее тоске, Дузе просит показать ей фотографии и рассказать о прошлом. Айседоре Дункан периодически приходится прерывать свой рассказ, потому что резкая боль в сердце не дает говорить, потому что слезы льются из глаз, когда она вспоминает трехлетнего Патрика и семилетнюю Дейдре, которые в апреле утонули в Сене вместе с шофером и няней. Все остальные старались щадить Айседору Дункан и своим молчанием только увеличивали ее горе, а Дузе оказалась единственной, кто действительно помогает Дункан скорбеть. И эта скорбь будит ее жизненные силы. Скульптор Романо Романелли приехал в Виареджо, чтобы написать портрет Дункан в образе Брунхильды. Она играла эту роль в Париже, в опере Вагнера «Зигфрид». И однажды, когда она позировала обнаженной, под одной только туникой, Романо Романелли стал ее Зигфридом. Я понимаю, что это имя больше подходит персонажу романа и мне, наверное, никто не поверит, но он был действительно из плоти и крови. Айседора Дункан хочет быть не только Брунхильдой. Она хочет быть матерью. Она хочет забыть ужасные события. Хочет написать новую историю. Хочет забеременеть. И она беременеет. В конце 1913 года у нее в животе уже растет маленький Романо Романеллино. Вот как надо работать со скорбью.

Кстати, в это время американский биолог Альфред Стертевант впервые произвел анализ ДНК. Но для первой карты хромосомы он выбрал не маленького Романеллино, а муху дрозофилу (*Drosophila melanogaster*).

В ноябре 1913 года император Вильгельм II впервые ощутил границы своей власти. Он не может совладать с танго. Аргентинские музыканты, перебравшиеся в Париж, в начале века распространили южноамериканский вирус по Европе. Главными очагами инфекции были Лондон, Москва, Париж и Берлин. На латыни tango означает «прикасаюсь». А Джордж Бернард Шоу сформулировал так: «Танец — это вертикальное выражение горизонтального желания».

Однако кайзер Вильгельм II, который любит марши, полонезы и вообще четкость, делает свои выводы после того, как его собственного сына заметили танцующим танго в форме: «Настоящим мы распоряжаемся всем придворным, офицерам и рекрутам воздержаться от этого отвратительного танца в общественных и частных местах. Членам императорской семьи также приказываем избегать этого чужестранного развратного явления». Но ничего не помогло. Газеты писали о «тангомании», в «Танцевальном кодексе», вышедшем в 1913 году, говорилось, что даже «немолодые и, казалось бы, разумные люди вдруг начинают брать уроки танго», истеблишмент негодует, на двенадцатой всемирной конференции учителей танцев в Париже (*Academie internationale des amateurs professeurs de danse, tenue et maintien*) танго оказывается в черном списке. Но процесс шел, несмотря на запреты императора и учителей танцев. В зимнем номере журнала «Die Woche» мы читаем: «Тот, кто раньше страстно увлекался спорами о политике и искусстве, теперь вступает в ряды любителей танго». Всё больше католических священников объявляли танго «грехом», и тогда сам папа Пий X решил серьезно заняться этим вопросом. В один погожий день он попросил у себя в Ватикане молодого принца Античи Маттеи и его кузину продемонстрировать ему танец танго под сопровождение граммофона, чтобы он смог решить, имеются ли там грехи, которые потом, что немаловажно, придется с таким трудом отпускать.

И вот он торжественно сел на свой трон и стал наблюдать за танцующей парой. Сейчас не так уж важно, можно ли считать его компетентным в данном вопросе или нет — главное, что папе Пию X

всё происходящее показалось не особенно эротичным, зато очень трудным и утомительным. Он усомнился в том, что танго может доставлять наслаждение. А раз так, то танго — не грех. Поэтому в тот день из Ватикана поступил не запрет, а разрешение танца, но всё же с рекомендацией танцевать вместо танго безобидную форлану, венецианский народный танец. Пий X не знал тогда, что всего через девять пап представителем Бога на земле станет Франциск, страстный любитель танго.

Вальтер Беньямин описывал, как люди XIX века закутывались в ткани, будто заключая себя в футляр. Шелест ткани, материальность, укрытые ноги и руки — это было старое время, так было и в 1913 году. У благородных женщин были видны только лицо и кисти рук, высокие закрытые блузки и жакеты прикрывали верхнюю часть тела, длинные рукава скрывали руки, шляпы закрывали волосы, а длинные юбки — ноги. Мужчина того времени носил костюм и жилет с галстуком, обычно еще и шляпу: прекрасная изоляция от воздуха и света. Так что неудивительно, что под этими слоями одежды людям становилось всё более тесно. Неудивительно, что именно солнечными лучами и свежим воздухом «реформисты» заманивали туго зашнурованных горожан на Монте-Верита в Аскону, а гуру вроде Фидуса, Дифенбаха и Густава «Густо» Грезера очаровывали дам. Само собой, как и пугали консерваторы, за распушенностью в одежде следует распушенность в сексуальных нравах. Даже в Штутгарте: на лекции Грезера у опушки леса стекались сотни очень строго одетых дам, они завороченно слушали бородатого пророка, а по пути домой долго размышляли о всех плюсах и минусах сексуального освобождения.

На улице Курфюрстендамм в Берлине живут ровно сорок пять человек с доходом более миллиона в год, и еще в три-четыре раза больше людей, обладающих имуществом на сумму более миллиона. Курфюрстендамм — самая богатая улица Германии, с большим отрывом.

Двадцать шестого ноября Сидония Надгерна, загадочная баронесса из Моравии, пишет из гостиницы «Палас» в Праге срочную записку Карлу Краусу: «Приходи ночью. Твоя преданная Сидония». Он приходит. И на следующий день она, счастливая, оставляет в дневнике крайне лаконичную запись: «1-й раз». Наверное, Краус тоже остался доволен тем, что в этой Вене с ее позднеромантической эйфорией, с ее югендштилем и невротической утонченностью *fin-de-siècle*, в Вене Шницлера, Гофмансталя, Климта и Фрейда он нашел женщину, да еще и графиню, которая исполнила его мечту о сексуальной разнузданности. «У мужчины, — пишет он, — пять органов чувств, а у женщины только один». Но это единственное чувство он считал «родником, в котором обновляется дух мужчины». И сам он существенно обновился в любви к Сидонии. Только в ее объятиях он переставал ненавидеть мир. Принцип таков: «Наверное, есть какой-то смысл в том, что я готов вырвать этому миру все волосы, кроме тех, что ты носишь на своей голове».

Пауль Клее в ноябре замечательно резюмирует в своем дневнике: «1913 год — сплошное признание в любви». Это же мой текст.

Первого декабря в Питтсбурге открывается первая в мире бензоколонка.

Первого декабря Сидония Надгерна отмечает свой двадцать восьмой день рождения. Ее полное имя такое же длинное, как список ее поклонников: Sidonie Amálie Vilemína Karolína Julie Marie Nádherná von Borutín. Но в этот день двое поздравляющих особенно активно спорят за место в ее сердце. Первый — Райнер Мария Рильке, настойчивый, чуткий, понимающий женщин. Когда весной умер ее любимый брат, один только Рильке своим тоном сдержанного понимания сумел найти подход к темным комнатам ее сердца. Она всегда много молчала, и Рильке считал это молчание красноречивым. Еще Рильке попросил свою жену Клару изготовить бюст Сидонии (Рильке любит ходить конем), который стоял теперь в ее квартире на Трогерштрассе в Мюнхене, и написал Сидонии в далекий замок: «Зато на третий день пребывания здесь я увидел Ваш бюст, ах, если бы Вы тоже могли увидеть его в этом месте, золотистого оттенка, погруженный в ананасово-апельсиновое освещение белокурой шведской комнаты, такого теплого и солнечного оттенка, такой дорогой и прекрасный, но при этом выражающий что-то тихое и задумчиво-печальное». Вот так, немного задумчиво-печально, как всегда, пишет ей Рильке. Но его внутренний экстаз по отношению к ней уже немного подостыл, летом он был направлен скорее на Гедвиг Бернгард из Бад-Риппольдзау, а теперь, зимой, на Магду фон Гаттингберг, пианистку и ученицу Бузони, которой он написал тысячи сизо-голубых писем о своих чувствах. А в отношениях с Сидонией речь шла о сохранении активов. Этому активу стал угрожать Карл Краус. Краус, остро влюбленный с 8 сентября, в разговорах с Сидонией называет Рильке не иначе как «эта Мария». Даже в свой первый вечер они любовались звездами и обсуждали поэта, он всегда третий, всегда парит орлом над этой парой. Потом Рильке станет пугать Сидонию Краусом и его еврейским происхождением — печально, но факт. А пока, в декабре, именно Краус сгорает от великой любви: «О, Сиди», «Моя невеста перед Богом», «Святая, великолепная», «Дарящая счастье!

1913-й — первый год современности: Эмми Хеннингс не знает, смотреть ей вперед или назад

Уничтожающая! Спасаящая!», «Я бы никогда не подумал, что на меня может обрушиться такое», «Я сгораю». Вот так пишет Карл Краус Сидонии Надгерной. Так пишет строгий, предостерегающий пророк, едкий сатирик и единоличный издатель «Факела», лишившийся рассудка. А Сидония? Эта мудрая женщина пишет: «Почему любовь всегда означает разрушение, что у мужчин, что у женщин?» Хороший вопрос.

Дягилев жаждет мести. Он тоже задается вопросом: почему любовь всегда означает разрушение? Его ответ: потому что так надо. Он отринул свое создание, Нижинского, вышвырнул его из «Русского балета», когда тот отдался женщине. Он отбирает у Нижинского хореографию «Легенды об Иосифе». Он увольняет его по телеграфу. Но он знает, что сможет действительно победить и преодолеть Нижинского только тогда, когда впустит к себе в сердце и в постель нового мужчину. В конце этого невероятного года он находится в Москве и хочет немного успокоиться, но вдруг видит на репетициях в опере ослепительно красивого статиста, который выносит на сцену поднос с ветчиной. Следующим вечером он наблюдает, как тот более-менее сносно танцует тарантеллу в «Лебедином озере». Это Леонид Мясин, который впоследствии прославится как Léonide Massine. Дягилев немедленно ангажирует его в «Русский балет», на следующий же день едет с ним в Петербург, идет в Эрмитаж и вечером сразу в постель. Он нашел свою новую звезду. Леонид Мясин получает главную роль в «Легенде об Иосифе», которую Рихард Штраус и Гуго фон Гофмансталь вообще-то писали для Нижинского. Зато у Нижинского и Ромолы рождается ребенок.

Темным утром 2 декабря датская писательница Карен Бликсен покидает усадьбу в Рингстедлунде, где она провела детство и юность, и направляется в сторону Африки, о которой она потом напишет столько книг. Там, в Британской восточной Африке, она собирается выйти замуж за своего жениха, шведского барона Брора фон Бликсен-Финеке

и начать новую, более свободную жизнь. Четырьмя годами ранее Карен влюбилась в другого барона фон Бликсен-Финеке, в Ганса, брата ее нынешнего жениха, но тот не захотел жениться на ней. Теперь она решила вместе с Брором переехать в Африку и устроить там молочную ферму по образцу фермы Джека Лондона. Она хотела вырваться из тесной Дании, уехать к теплу и свету. Брор выехал заранее, летом 1913-го, и купил ферму «Мбагати» площадью 800 гектаров у подножия гор Нгонг к югу от Найроби — на деньги семьи Карен, потому что сам жених был банкротом. Когда сделка была оформлена, Карен тоже отправилась в путь. Ее мать Ингеборг и младшая сестра Эллен сопровождали ее в долгом путешествии на поездах через всю Европу. В Неаполе три женщины оказались под Рождество, остановились на несколько дней и вдоволь насладились фигурами в рождественских яслях и песнями итальянского Юга, «по эту сторону Африки»³⁰. Двадцать восьмого декабря Карен Бликсен садится на корабль, отправляющийся в Момбасу. В январе Брор заберет ее оттуда и они действительно поженятся, но не будем забегать вперед. Важнее то, что на третий день пути, в Новый год, она влюбилась в немецкого подполковника Пауля фон Леттов-Форбека, который потом командовал немецкими колониальными войсками в Германской восточной Африке. Чтобы сохранить его рядом, практичная Карен попросила свою новую пассию быть свидетелем на свадьбе. Вот только муж по глупости купил не молочную ферму, как было запланировано, а кофейную плантацию. Земли этой плантации располагались так высоко, что кофе там рос плохо, и африканцы были очень рады, что какой-то незадачливый европеец купил у них эту землю. Еще неприятнее было то, что муж в первую же брачную ночь заразил ее сифилисом, ей вскоре пришлось вернуться в Европу на лечение и она потом всю жизнь страдала от последствий болезни. Эта болезнь, которую муж подцепил наверняка в каком-то борделе по пути в Африку, стала особенным шоком для Карен Бликсен: ее отец, строгий протестант, в 1895 году повесился, когда врач

30 Отсылка к роману Карен Бликсен «Out of Africa», в немецком переводе «Jenseits von Afrika» («По ту сторону Африки»).

поставил ему такой диагноз, а он не мог допустить позора для семьи. А теперь его бедная дочь заразилась тем же самым в брачную ночь. Наверное, это называется родовое проклятие.

Русские летчики в 1913 году выполняли первые «мертвые петли», но никто не петлял вокруг себя столь идеально, как русский поэт Владимир Маяковский. Второго декабря, когда Карен Бликсен отправилась в Африку, в Санкт-Петербурге проходит премьера трагедии «Владимир Маяковский» Владимира Маяковского. В главной роли, логично, Владимир Маяковский. Название пьесы, совпадающее с именем автора, было результатом ошибки петербургского цензурного ведомства, но автору оно показалось вполне подходящим.

Мы растем, когда ставим перед собой высокие цели. Вот и молодые русские интеллектуалы-революционеры бросали вызов не кому-нибудь, а сразу солнцу. Хотя какой там вызов, они уже в названии своей безумной «футуристической оперы» провозглашали «Победу над солнцем». Премьера спектакля, созданного художниками круга Казимира Малевича, состоялась в 9 вечера 3 декабря в театре «Луна-парк» в Петербурге и стала «большим взрывом» модернизма в России, уничтожившим всякую традиционную логику музыкального театра. Это был brutальный *gesamkunstwerk*, чистая звуковая поэзия, непривычные интонации, световые эффекты, персонажей звали «Некий злонамеренный» и «Разговорщик по телефону», а на занавесе был изображен первый черный квадрат Малевича. Он должен был стать «зародышем возможностей». Правда, Малевичу не удалось показать на сцене свою версию «будетлянского силача», некую установку, которая, «с одной стороны, может аккумулировать электричество, а с другой — по нажатию кнопки крушить всё подряд»³¹. Зато явно удалась финальная фраза «Победы над солнцем»: «Мир

31 Автором проекта электромеханической установки был не Малевич, а Эль Лисицкий. Единственным свидетельством неосуществленного замысла Лисицкого остались альбомы эскизов.

погибнет, а нам нет конца». Тут чувствуется вся одержимость русского движения в 1913 году: разрушение как принцип созидания, конец как условие начала чего-то нового. Замечательную диссонансную музыку футуристической оперы «Победа над солнцем» написал Михаил Матюшин. Он же поставил в 1913 году самый точный диагноз всем искусствам: «В живописи — разлом старого, академического рисунка, надоевший классицизм, в музыке — разлом старого звука — надоевший диатонизм, в литературе — разлом старого, затертого, захламленного слова, надоевший слово-символ». И здесь то же самое: сначала должно уйти старое, чтобы смогло начаться новое. Такова ситуация в культуре России в конце 1913 года.

Извержение вулкана Катмай на Аляске в 1912 году обеспечило человечество на весь 1913 год новым и необычным явлением — помутнением неба. Солнце не светит как обычно, похолодало, весь год дождей было больше обычного. Выбросы пепла вызвали не только в Америке, но и в Европе так называемое «атмосферно-оптическое затемнение», как это называют специалисты, которое выражалось в «заметном дымчатом диске вокруг солнца». А в 1914 году астрономам становится совсем скучно. Карл Дорно писал потом из Давоса: «После января 1914 года наступил период, очень бедный метеоролого-оптическими явлениями, приходилось подолгу ждать каких-то значительных событий». Непонятно, что он имел в виду — новое извержение вулкана или новую войну. Астрономы и метеорологи не любят давать подробных объяснений. Томас Манн познакомился с Дорно в его физико-метеорологической обсерватории в Давосе, когда собирал материалы для «Волшебной горы», и ему наверняка понравилась такая сдержанность.

Пятого декабря проходит премьера фильма Асты Нильсен «Примадона кино». Сюжет закручен так: некий сценарист влюбляется в исполнительницу главной роли, но она любит другого. Тому другому нужны деньги, потому что он игрок и пьяница, поэтому актриса, несмотря на

болезнь, отправляется на гастроли, но когда она возвращается с деньгами, любовник гнусно бросает ее. Она возвращается к сценаристу, который от отчаяния превратил их отношения в киносценарий. И актриса играет саму себя. В финальной сцене она, то есть Аста Нильсен, умирает на руках сценариста. Какая дикая игра со смешением кино и реальности. Когда актриса умирает, на ней костюм Пьеро — по стечению обстоятельств, на сценаристе тоже. Смерть объединила их. Вечером 5 декабря Эрих Хеккель, известный художник из группы «Мост», выходит из кинотеатра на Курфюрстендамм, взволнованный и впечатленный, особенно финальной сценой с двумя Пьеро. Он идет домой, он не будет сегодня начищать сапоги, потому что больше не верит в Николауса³². Теперь он верит только в искусство. Поэтому той же ночью он начинает работать над офортом «Умиряющий Пьеро». Как в последней сцене фильма, которая еще стоит в голове Хеккеля, голова Пьеро неестественно наклонена, а вскоре он начинает свою картину «Мертвый Пьеро», в которой жабо Асты Нильсен оказывается чем-то вроде нимба. То есть это картина по мотивам фильма про фильм, в котором актриса играет роль актрисы, которая умирает, и сама тоже умирает. Вот так переплелись искусство и жизнь в конце 1913 года.

Шестого декабря выходит специальный номер журнала «Die Aktion», посвященный Отто Гроссу. В ноябре этот психоаналитик, которого опиум и любовь гнали к женщинам и к истине, который упорно боролся с вильгельмовским консерватизмом — на Монте-Верита, в Берлине и Мюнхене, по инициативе отца был объявлен сумасшедшим и помещен в сумасшедший дом. Литераторы Эрих Мюзам, Франц Юнг (в квартире которого Гросса арестовала полиция), Эльза Ласкер-Шюлер, Иоганнес Р. Бехер, Якоб ван Годдис, Рене Шикеле протестовали своими гневными текстами. Борьба Гросса-отца с Гроссом-сыном

32 Шестого декабря в Германии отмечают день Николая Чудотворца (Nikolaustag). Накануне праздника принято вешать носки на камин или ставить на подоконник, за порог начищенную обувь, чтобы Святой Николаус положил туда сладости и игрушки.

стала олицетворением конфликта поколений, сыновья против отцов, молодость против старости. Победили, к сожалению, отцы. Но сборник стихов Готфрида Бенна 1913 года называется «Сыновья». На обложке — «Апокалиптический пейзаж» Людвиг Мейднера.

Поль Соде, крупнейший литературный критик Франции, пишет 9 декабря о только что вышедшем романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»: «Безразмерное и хаотичное произведение». Но он не отрицает, что на сотнях страниц есть несколько хороших мест, из которых «можно было бы сделать симпатичную короткую книжку».

Тринадцатого декабря во Франкфурте торжественно открывают первый в Германии памятник Генриху Гейне. Каким бы абсурдным это ни казалось, но для скульптуры широкоплечего немецкого поэта XIX века скульптору Георгу Кольбе позировал сбежавший от Дягилева фавн, субтильный танцор Вацлав Нижинский. Он как раз зашел в мастерскую Кольбе в Париже, когда тот получил заказ на памятник во Франкфурте. Поэтому памятник Гейне являет нам нежного, но атлетичного юношу, который танцует над полулежащей обнаженной женщиной, балансируя на кончиках пальцев. Кольбе сказал, ко всеобщему удивлению, что хотел выразить своей работой грацию стихов Гейне, не больше и не меньше.

В последний день XIX века Карл Вильгельм Дифенбах нашел «Остров мертвых» Арнольда Бёклина, наверное, самую известную картину немецкого искусства XIX века. Когда он 31 декабря 1899 года причалил на своей лодке к острову Капри, он предчувствовал, что тут, на острове мертвых, для него начнется новая жизнь. Он раньше уже пытался полностью переделать себя и весь мир, в долине Изара, в Хельригельскройте. Но неудивительно, что в месте с таким названием ничего не получилось. Но вот теперь он на Капри. Здесь он хочет воспитать нового человека. Как и Горький на другой стороне острова, который когда-то пытался здесь перековать русских

рабочих в революционеров, Дифенбах хочет бороться с индустриализацией и капитализмом с помощью вегетарианства, физкультуры и христианской эзотерики. Воздух и свет, гомеопатия и йога, сексуальное освобождение и жизнь в коммуне. В коммуне полагалось стать «мягким воском» в руках Дифенбаха и «меняться, принимая новую форму». Последние год-два Дифенбах ведет самый разнузданный образ жизни, женщины рядом с ним меняются раз в несколько месяцев, сейчас можно сказать, что он тяготел к блондинкам из старинных немецких родов, которые приезжали на Капри и на несколько дней останавливались в гостинице «Quisiana», а потом во время прогулок попадали под чары бородатого человека с диким взором и в рясе. На Капри Дифенбах реализовал свои сексуальные фантазии. Задачей «бабы», как он формулировал, является «удовлетворение моего неудержимого, естественного полового инстинкта». Марии Фоглер, сестре его жены Мины, тоже пришлось удовлетворять его половой инстинкт, что привело, конечно, к домашним ссорам. А в прошлом году, то есть в 1912-м, он познакомился на Капри с благородной русской женщиной, Евгенией фон Рейнке, которая приехала на пару дней из Неаполя, но стала членом его коммуны, за ней последовала Агнес Боглер фон Планкенфельд, его старая поклонница венских времен, теперь она снова отдала себя в его руки, а он надеялся найти в ней свое «лучшее Я». А в 1913 году, прогуливаясь по Капри, он встретил восточно-прусскую помещицу Марту Рогаллу фон Биберштейн и опознал в ней «родственную душу», которую ждал всю жизнь. Но вообще-то у Дифенбаха было не очень много времени на женщин, потому что на Капри он в основном рисовал, даже ночью.

Со времен романтизма этот остров стал для немцев страной мечты, и где-то на нем существовал окутанный легендами Голубой грот. Заново открыл его именно немецкий художник, он же ныряльщик. Август Копиш прославился в первую очередь своей сказочной балладой о гномах, тем более волшебной казалась история с обнаружением грота. До Дифенбаха основным цветом острова был

голубой. И золотое солнце в небе. Дифенбах же ждет, пока солнце не скроется за морем. И вот, когда становится темно и пена прибоя начинает мерцать в лунном свете, когда волны, разбивающиеся об известковые скалы, шумят как раскаты грома, когда крики чаек вдруг начинают напоминать карканье ворон из стихотворения Георга Тракля, только тогда Дифенбах берет свой мольберт, краски и отправляется на берег моря. В свете одной только луны, окруженный шумом ночного моря, он начинает рисовать, черным по черному, и из темных потоков его картин поднимаются великие фигуры истории — египетские боги, Одиссей, Иисус, Данте, а над ними непременные чайки, их резкие крики оглашают почти все его картины. Чернота его огромных картин зерниста, он подмешивает в краску песок с берега, втирает его в краску, пока песок тоже не станет черным как ночь, он рисует и рисует, а потом, когда близится утро и где-то на горизонте появляется далекий теплый свет, он собирается в обратную дорогу. Вешает мольберт на плечо, одной рукой берет еще сырой холст, другой — кисти и краски и поднимается в гору, в сторону дома. Потом ставит картину в гостиной, чтобы все увидели ее, когда проснутся, чтобы все удивились и восхитились, а сам мастер удаляется в свои покои, бросает последний взгляд на небо и произносит молитву, затем снимает «реформистский» льняной балахон и надевает «реформистскую» льняную ночную рубашку, потом спит днем в надежде, что и этот яркий день когда-то кончится, уступив место темному вечеру. Тринадцатого декабря 1913 года, куда уж символичнее, Капри становится для Дифенбаха настоящим островом мертвых. Когда примерно в полпятого солнце садится, жизнь покидает и великого переустроителя жизни, безумца, гения и безобразника — Карла Вильгельма Дифенбаха.

Тринадцатого декабря 1913 года, когда умер Карл Вильгельм Дифенбах, тридцатилетний Карл Ясперс на философском факультете Гейдельбергского университета представил в качестве докторской диссертации по психологии свой учебник «Общей психопатологии».

Тем самым он подарил психиатрии один из основополагающих трудов, а сам потом полностью посвятил себя философии.

Немецкий воздухоплаватель Гуго Каулен с 13 по 17 декабря непрерывно находился в воздухе восемьдесят семь часов. Его воздушный шар стартовал ранним утром 13 декабря в Биттерфельде, а приземлился только 17 декабря, на удалении в 2828 километров, в Пермской губернии, в труднодоступных степях российского Урала. Из карт у него был с собой только старый школьный атлас. Будь у него карты получше, он, наверное, выбрал бы и место получше. После того, как Каулен и два его спутника три дня добирались на санях и собачьей упряжке до ближайшего крупного поселка, их быстро вернули на брентную землю и арестовали по подозрению в шпионаже. Но когда русские военные обнаружили у них смешной школьный атлас, они отпустили Каулена и его товарищей. Каулен всю жизнь вспоминал те пять дней над землей. Только в 1976 году человеку удалось продержаться в воздухе дольше, чем нашему Гуго Каулену из Биттерфельда.

Девятнадцатого декабря в Париже проходит боксерский поединок за титул чемпиона мира в тяжелом весе между Джеком Джонсоном и претендентом Джимом Джонсоном из Мемфиса (Теннесси). То есть еще до начала боя ясно, что новым чемпионом будет человек по фамилии Джонсон. Всё остальное — не очень ясно. В первый раз оба участника боя за мировое первенство были чернокожими, что стало темой для дискуссий в СМИ по всему миру. Джек Джонсон только что бежал из Америки в Европу, потому что на родине на него завели дело и приговорили к году тюрьмы. Американский закон запрещал «перемещение женщин» из одного штата в другой с целью их «безнравственного использования». Официально закон был направлен против проституции. Но Джонсон стал его жертвой потому, что у него был роман с белой женщиной и он прислал ей из другого штата билет на поезд, чтобы та смогла приехать и посмотреть на его бой.

Джек Джонсон не стал отбывать срок, а сбежал в Европу. Судя по всему, бой 19 декабря в парижском кабаре «Элизе-Монмартр» был весьма странным. Начиная с третьего раунда Джонсон пользовался только правой рукой, а его левая рука повисла. Но претендент не пользовался шансом и не бил противника, было зафиксировано только два сильных апперкота в седьмом раунде. Публика в зале возмущалась и требовала назад свои деньги, потому что на ринге ничего не происходило. Вроде бы Джонсон в третьем раунде сломал руку. Но в это мало верили. Бой закончился после десятого раунда с равенством по очкам. Чемпионом мира остался Джонсон. Жорж Брак, художник и боксер, поплодировал, пришел домой и написал кубистический, пульсирующий боксерский ринг. Габриэле д'Аннунцио, писатель и боксер, пришел домой и принялся колотить боксерскую грушу, которую он одел греческой богиней.

На экраны кинотеатров выходит «Игра в любовь» по Артуру Шницлеру. История дуэли, которая случается в момент, когда вызванный больше и слышать ничего не хочет о бывшей возлюбленной. То есть это история о неподходящем моменте. Двадцатого декабря Шницлеру в Вене демонстрируют рабочую версию фильма. Он записывает в дневнике: «В целом так себе наслаждение». Писатель недоволен сценой дуэли. Он говорит, что там «можно было бы показать гораздо больше средствами кино». Но у «кино» другое мнение. Один из критиков потом написал: «Кажется, еще не было фильма, который так ярко показывал бы обреченное настроение венских любителей красивой жизни, как эта „Игра в любовь“».

Стефан Цвейг, настоящий любитель красивой жизни из Вены, записывает в дневнике: «Мир охватила замечательная беззаботность, ведь ничто не может прервать подъем, остановить порыв, который черпает силы в собственном движении. Никогда еще Европа не была сильнее, богаче, красивее, никогда она не верила так искренне в лучшее будущее». Н-да. Как-то глупо вышло. К сожалению, когда Цвейг

опубликует эти слова в 1942 году, они войдут в его книгу под названием «Вчерашний мир».

Эмми Хеннингс, двадцать восемь лет, рыжеволосая и с мальчишеской стрижкой, страстные глаза и великолепная фленсбургская чопорность, осенью возвращается из Катовице и Будапешта, где она пела в варьете, домой в Мюнхен, на Леопольдштрассе, 4, напрямиком в швабингскую благодать. Комедийная актриса и певица была очень гибкой в жизни вообще и в любви в частности, только с 1910 по 1915 год мюнхенский паспортный стол зарегистрировал двадцать перемен ее адреса. Женщина на скользкой дорожке. Вечерами она часто выступает в мюнхенском ресторане «Симплициссимус». Потом отправляется в путь, сначала в Берлин, в «Линден-кабаре», где она демонстрирует свой загадочный голос и свое зеленое шифоновое платье. Потом выступление в «Пивном кабаре» берлинского театра «Passagetheater» в качестве «датской футуристки». Она постоянно находится на грани нервного срыва, наркотики и отвращение к вынужденной проституции в бархатных кабинетах после выступлений порождают в ней ненависть к самой себе. Но каким-то загадочным образом эта странная женщина с самого севера Германии превратилась в конце 1913 года из дешевой певички в любимицу литераторов. Франк Ведекинд пишет для нее «Пиратскую песню», Карл Краус восторгается ее прозой, Клабунд очарован ею. В издательстве «Kurt Wolff» сначала становится знаменитым ее тело, они издают альбом ее любовника, художника Рейнгольда Юнгханса, который называется «Вариации на женскую тему» (мама никогда не простит ей эти картины в обнаженном виде, зато в Швабинге она станет мировой звездой). Потом Юнгханс показывает Францу Верфелю, своему редактору в издательстве, несколько стихотворений своей натурщицы. Тот «тронут» и с первого взгляда видит талант, просит у нее еще стихов, читает их и через четыре месяца после того, как было опубликовано ее тело, выходит сборник ее стихов, с довольно подходящим названием «Последняя радость». Это всё очень нравится Якобу ван Годдису,

наркозависимому и полубезумному автору «Конца света», который влюбляется в ее зеленые глаза цвета абсента. Она в него тоже. Но ненадолго. Слишком много наркотиков, слишком много боли, слишком много алкоголя в «Западном кафе». Фердинанд Гардекопф так описывает ее в журнале «Die Aktion»: «Кто может помешать этой девушке, у которой есть все писательские черты — истеричность, ранимость и саморазрушительная активность, — стать настоящей лавиной?» Кажется, никто. Но тут появляется Хуго Балль, пока что экспрессионист, еще не дадаист. Эмми Хеннингс пишет об их первой встрече: «Он дал мне стихотворение, это был „Палач“, но я не решилась принять его, было страшно. Он прочитал мне его, и я испугалась то ли слов, то ли человека как такового, не знаю». Но Хеннингс преодолевает свой шок. В отличие от немецкого цензурного ведомства: когда в журнале «Революция» выходит стихотворение «Палач» Хуго Балля, весь тираж конфискуется, бедного издателя обвиняют в распространении безнравственных произведений, а на Балля заводят дело в имперском верховном суде. К этому моменту Эмми Хеннингс уже давно стала его личной присяжной.

Вот уже несколько дней Франц Кафка не получает вестей от своей невесты Фелиции Бауэр, он просит своего друга Эрнста Вайса зайти к ней на работу, в контору фирмы «Линдстрём» в Берлине, и попросить ответить ему. Двадцатого декабря Фелиция отправляет в Прагу телеграмму и обещает, что скоро пришлет письмо. Но не пишет письма. Тогда Франц Кафка звонит Фелиции Бауэр по телефону. Она снова обещает ему, что скоро напишет письмо. Но не пишет письма. Через день Кафка отправляет ей телеграмму «Письма не получил». Фелиция шлет телеграмму ему в ответ: ее письмо, мол, уже готово к отправке. И просит не приезжать к ней на Рождество. Отчаявшийся Кафка проводит праздник с родителями. Двадцать девятого декабря в его почтовом ящике лежит так давно обещанное письмо от Фелиции Бауэр, первое за почти два месяца. Это прощальное письмо. «Нам обоим, — пишет она, — пришлось бы в браке от многого

отказаться». Дальше он не читает. Он плачет. Начинает писать ответ, на который у него, как и годом ранее, уйдут четыре дня. В новогоднюю ночь он опять сидит у огня и пишет, пишет, он робко спрашивает еще раз, может быть, у них еще не всё потеряно, но сам же понимает, что больше не верит в будущее. Часы бьют двенадцать, взлетают петарды, раскрашивая темное небо над Градчанами, высоко в небе они сгорают и потом совсем не мягко падают на землю. Кафка продолжает письмо, написав в итоге тридцать пять страниц. Он снова просит ее руки. Конечно же, опять в своем специфическом стиле, клятва в сослагательном наклонении: «После женитьбы я остался бы тем, кто я есть, и это самое ужасное, что ждало бы тебя, если бы ты согласилась». Фелиция жирно подчеркнула эти слова. Но, пока я писал эту книгу, так и не ответила на них.

Вот вдруг перед дверью твоей жизни стоит твой собственный ребенок. Франк Ведекинд в растерянности. Автор «Лулу» и «Пробуждения весны», совершенно не чуждый суровым жизненным реалиям, оказывается совершенно беспомощным, когда реальность стучит в дверь. В первый раз он написал летом, этот Фридрих Штриндберг, первый сын Ведекинда, которому уже шестнадцать и которого он не видел пятнадцать лет. Аккуратным школьным почерком он попросил отца о встрече. Бедный Фриц называет его «господин Ведекинд», он такой робкий и неловкий, каким становится человек, растущий у бабушки, а про отца только читающий в газетах. Теперь Фриц каждую неделю пишет вымученные письма: «Как же я рад, господин Ведекинд, что мы увидимся». И начинает прилагать к письмам свои стихи и пьесы. Сын пошел в отца. Ведекинд вежливо отвечает. Но он ужасно боится встречи с сыном в своей мюнхенской квартире. Он пишет в дневнике: «Я так волнуюсь, что не могу запомнить свою роль». И вот 23 декабря Фриц действительно приезжает из Вены на поезде и звонит в дверь «господина Ведекинда». Но тот, как всегда, спит до полудня. Его жена Тилли развлекает гостя, сводные сестры Памела и Кадидья рассматривают его из своей комнаты. Фриц отвлекает Тилли

от предрождественских хлопот, она отправляет его погулять по городу, по музеям, и выдает ему галстук из театрального реквизита. Ведкинд, проснувшись, устраивает жене скандал: зачем она дала его сыну галстук? Где-то в мире радуется Зигмунд Фрейд. А все остальные страдают. В какой-то момент сын в галстук вернулся обратно. Кажется, они впятером отпраздновали Рождество. Дневники Франка и Тилли молчат об этом. От стыда.

Пауль Клее в Рождество едет из Мюнхена в Берн, к родителям. В своем дневнике он подробно описывает неразрешимую дилемму — привлекательность и опасность рождественского праздника в родном доме: «Понятно, что Рождество в родительском доме было радостным и благостным, оно и сейчас радостное и всегда будет благостное. С этим не поспоришь. Но есть и смутные сомнения. Страшно-вато. Я увидел ясные образы из детства».

Двадцать пятого декабря Д.Г. Лоуренс, наслаждающийся успехом своей книги «Сыновья и любовники» и близостью своей возлюбленной Фриды фон Рихтхофен, сидит в портовом баре в Генуе и записывает в дневнике: «Моя религия — убеждение в том, что плоть и кровь всякого человека умнее, чем его интеллект. Голова может ошибаться. А то, что чувствует кровь, то, что она хочет сказать, — всегда правда».

Граф Дракула порадовался бы. Его представитель на земле, будапештский востоковед, снабдивший Брэма Стокера всеми важными историческими подробностями о фигуре графа Дракулы, к сожалению, умер два месяца назад. В протоколе вскрытия следы от укусов на шее не упоминаются.

Двадцать шестого декабря в возрасте семидесяти одного года исчезает известный американский писатель Амброз Бирс. Причем он сопровождал свое исчезновение знаменитой фразой: «Я отправляюсь отсюда завтра в неизвестном направлении». Это был вечно чем-то

недовольный американский публицист, острый на язык, вредный, резкий, знаменитый своим чернушным сарказмом. Его план состоит в том, сказал он однажды, чтобы критиковать всё, «в том числе все формы правления, основную часть законов и традиций, а также всю современную литературу без исключения». То есть когда он исчез, в Америке стало немного спокойнее. Сразу же возникли абсурдные теории, ведь он словно провалился сквозь землю на второй день Рождества 1913 года. Может быть, он погиб в хаосе мексиканской гражданской войны — некоторые считают, что именно такое впечатление он и хотел создать. Или его похитили инопланетяне? Или съели индейцы? Обсуждались всевозможные версии.

Но если почитать все его загадочные прощальные письма осени 1913 года, все горькие итоги его жизни, которые он разослал друзьям и врагам, то вполне можно допустить, что «неизвестное направление» было загробным миром, куда он отправился по собственной воле. Бирс на протяжении всей своей жизни был одержим идеей самоубийства, он даже как-то написал инструкцию по искусству суицида: «Бритва — надежный инструмент, но перед ее применением надо разобраться в месторасположении сонной артерии. Отведите на это хотя бы полчаса после работы». Двадцать шестого декабря 1913 года закончилась работа Амброза Бирса на земле.

Император Австро-Венгрии Франц Иосиф, правящий уже невероятно долго — шестьдесят пять лет, в первый день Рождества желает на обед венский шницель. И получает его.

Ужасно жалко, что пропал дневник ужасно болтливой Эрихи Мюзам за 1913 год. Но в последнем номере его журнала «Каин», этого «рупора человечности» (Баадерштрассе, 1а) выходит его короткий текст — «Итоги 1913 года». Которые были, к сожалению, таковы: «Суеверные люди будут по праву вспоминать истекший год, чтобы доказать несчастливый характер числа 13. То, что творилось по всему миру под вывеской политики, было на самом деле насаждением холопства,

жестокости и глупости. Для Европы 1913 год означает банкротство искусства управления государством. Они добились того, что страх войны привел к такому экономическому упадку во всех странах, который уже попахивает войной. Непрерывный рост армий во всех государствах рано или поздно приведет к катастрофе мировой войны». Есть еще вопросы?

Йоханнес Гейгер разрабатывает устройство, измеряющее отклонение альфа-лучей в материи, а также прибор для регистрации заряженных и незаряженных частиц, так называемый счетчик Гейгера.

Ослепительно непредсказуемый поэт-экспрессионист Альфред Лихтенштейн пишет стихотворение «Пророчество». И публикует его там, где полагалось публиковаться в 1913 году молодым и буйным поэтам — в «Die Aktion» Франца Пфемферта, берлинском журнале авангардистов, который раз в неделю читают уже семь тысяч человек. Кажется, что именно то, к чему Лихтенштейн так стремился в октябре, в своем стихотворении «Летняя свежесть», наконец-то наступает в декабре 1913-го: апокалипсис. Стихотворение Лихтенштейна — замечательная смесь Бенна, Брехта и Кестнера, но совершенно лихтенштейновская:

Вдруг придет — я верю знакам —
С севера дыханье смерти.
Пахнет трупами, бараком.
Всем погибель, всем, поверьте³³.

И дальше в том же духе: взрываются девушки, опрокидываются автобусы — так обстоят дела в этой фантазии о конце света. Лихтенштейн описывает именно то, что Людвиг Мейднер рисует в своих «Апокалиптических пейзажах». Первого октября Лихтенштейн поступил на

33

Перевод А. Прокопьева.

год добровольцем во 2-й Баварский пехотный полк. Как оказалось, действительно на год: он погибнет 25 сентября 1914-го, ровно год спустя. Даже его поступление на службу оказалось пророчеством.

Первого января 1914 года официально истекает запрет на исполнение «Парсифаля» Рихарда Вагнера за пределами Байройта. Но театр «Лисео» в Барселоне не смог ждать так долго. Исполнение «Парсифаля» в Барселоне началось еще 31 декабря, за несколько секунд до полуночи. На Рамблас еще поджигали шнуры петард, когда музыканты исполнили первый такт и Рихард Вагнер вырвался на свободу.

Карл Штернгейм пишет 31 декабря пьесе «1913». Он замечает, что это был особенный год. В этот день он записывает девиз своей драмы: «Миру для спасения всегда не хватает самой малости».

Казимир Малевич с его черной и квадратной головой сидит за письменным столом, за окном идет густой снег, Малевич мерзнет. На столе лежит только что вышедший дебют Бориса Пастернака, сборник стихов с красивым названием «Близнец в тучах». Малевич пишет небольшой текст, который он озаглавил «1913 год», это итоги года. Речь в нем идет только о полетах, о новых аэропланах и новом опыте: теперь люди могут взглянуть на тучи сверху, и не только близнецы. И о том, как это всё переворачивает в человеке. «Достигнув неба, перед нами остается постигнуть все Свойства Бога; то есть быть всевидящим, всемогущим и всезнающим». Такую силу чувствовали в себе художники в 1913 году. Эмоции от того, что человечество теперь может смотреть на тучи сверху, магическим образом тянули всех на аэродромы: и Кафку, и Гауптмана, и д'Аннунцио, и Малевича. Отрыв от земли был радикальным, фундаментальным актом модернизма. Одновременно с этим Фрейд в своей книге «Тотем и табу» изучал архаические ритуалы, Стравинский занимался тем же в барабанных распевах «Весны священной», а Эрнст Людвиг Кирхнер — в своих деревянных скульптурах из досок, которые

как будто прибыли с экзотических островов. Но в этом больше не было противоречия. В этом году всё происходило одновременно, прошлое, настоящее и будущее нерасторжимо слились в эпохальных романах, которые были начаты или завершены в этом году: в «Улиссе» Джеймса Джойса, в «Человеке без свойств» Музиля, в «Поисках утраченного времени» Пруста и в «Волшебной горе» Томаса Манна. В изобразительном искусстве между первым реди-мейдом Марселя Дюшана и протоквадратами Малевича находится огромная палитра из абстракции, кубизма, расщепленных форм, надежд и разнообразных манифестов. Наверное, мир никогда так не ускорялся, как в этом году. И неудивительно, что Генри Форд изобретает конвейер, а воды Тихого и Атлантического океанов встречаются в Панамском канале; неудивительно, что никогда еще человек не летал так высоко, далеко и быстро, как в 1913 году. Вот так год. Кстати, в декабре 1913 года выходит книга Клары Берг с самонадеянным названием «Мировые загадки можно разгадать».

А что происходит в остальном мире? Тридцать первого декабря 1913 года в Лиссабоне Фернандо Пессоа, великий португальский поэт, записывает в дневнике: «Чего бы ни захотела судьба, это произойдет». Его слова да Богу в уши.

У австрийской эрцгерцогини Циты в новогодний вечер в замке Хетцендорф начинаются схватки. Они затягиваются, возможно, это связано с длинным именем рождающейся дочери — Adelheid Maria Josepha Sixta Antonia Roberta Ottonia Zita Charlotte Luise Immakulata Pia Theresia Beatrix Franziska Isabella Henriette Maximiliana Genoveva Ignatia Marcus d'Aviano. Логично, что ей понадобилось немного больше времени на преодоление родового канала. А дядя будущего отца, эрцгерцог Франц Фердинанд, надеется, что рождение ребенка станет добрым предзнаменованием для нового, 1914 года.

Bunin, Iwan. Ein Herr aus San Francisco. Erzählungen 1914/1915 / Iwan Bunin, Zurich, 2017.

Бунин И. Собрание сочинений. Том 4 / И. Бунин.

М.: Художественная литература, 1966.

Chanel, Coco. Die Kunst, Chanel zu sein / Coco Chanel;

Aufgezeichnet von Paul Morand, Munchen, 2012.

Шанель, К. Жизнь, рассказанная ею самой / Коко Шанель.

М.: Яуза-каталог, 2014.

Hesse, Hermann. Die Briefe. Band 2. 1905–1915 / Hermann Hesse;

Hrsg. Von Volker Michels, Berlin, 2013.

Гессе, Г. Письма по кругу. Художественная публицистика /

Герман Гессе. М.: Прогресс, 1987.

Illies, Florian. Gerade war der Himmel noch blau. Texte zur Kunst /

Florian Illies, Frankfurt am Main, 2017.

Иллиес Ф. А только что небо было голубое / Ф. Иллиес.

М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.

Illies, Florian. 1913. Der Sommer des Jahrhunderts / Florian Illies,

Frankfurt am Main, 2012.

Иллиес Ф. Лето целого века / Ф. Иллиес. М.: Ад Маргинем Пресс,

2013.

Stein, Gertrude. Jedermanns Autobiographie / Gertrude Stein,

Frankfurt am Main, 1996.

Стайн, Г. Автобиография каждого / Гертруда Стайн.

Тверь: Митин журнал; Kolonna Publications, 2014.

© Генрих Кюн / Австрийская национальная библиотека. С. 7
Станислав Виткаций. Портрет Ядвиги Янчевской. С. 9
Монте-Верита. Dalcroze-Schule (ullstein bild). С. 29
Вацлав Нижинский. «Послеполуденный отдых фавна»
(Heritage-Images / Art Media / akg-images). С. 43
Эгон Шиле. Автопортрет, 1913. С. 49
Гербарий Розы Люксембург, май 1913. С. 73
Райнер Мария Рильке на скамейке в парке в Бад-Риппольдзау
(akg-images). С. 81
Железнодорожная катастрофа на мосту реки Эмс, 1913
(Oliver Westerhoff, Oldenburg). С. 93
Эрнст Людвиг Кирхнер. Купание в Балтийском море, 1913
(Kirchner Museum Davos). С. 111
Сергей Дягилев и Мися Серт в поезде. С. 127
Faksimile der Fahnen von Marcel Prousts *À la recherche du temps perdu* (Fondation Martin Bodmer, Cologny, Genf). С. 143
Документальный фильм о создании «Композиции VII»
Василия Кандинского (Gabriele Munter- und Johannes Eichner-
Stiftung, Munchen / VG Bild Kunst, Bonn 2018). С. 157
Эмми Хеннингс, 1912/13 (Schweizerisches Literaturarchiv SLA, Bern.
Nachlass Ball-Hennings, Signatur C-04-b-OP-12-37). С. 171

Флориан Иллиес
1913. Что я на самом деле хотел сказать

Издатели:

Александр Иванов

Михаил Котомин

Выпускающий редактор:

Лайма Андерсон

Корректор:

Юлия Кожемякина

Дизайн и верстка:

ABCdesign

Все новости издательства

Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книг издательства Ad Marginem

обращайтесь по телефону:

+7 (499) 265-07-44

или пишите:

sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»,

резидент ЦТИ «Фабрика»

105082, Москва,

Переведеновский пер., д. 18

тел.: +7 (499) 763-35-95

info@admarginem.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт»

170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1,

комплекс № 3А

www.pareto-print.ru

Заказ № 8211/19